Словесница искусств

Посвящается
Владимиру Клавдиевичу АРСЕНЬЕВУ

ОБЕРЕГ ЗЕМЛИ

Хабаровский краевой благотворительный общественный фонд культуры

Словесница искусств

№ 12
2003

Журнал Хабаровского краевого благотворительного общественного фонда культуры

Выходит 2 раза в год.
Хабаровск

Свидетельство Дальневосточного территориального управления МПТР
ПИ № 15-0009 от 29 мая 2000 г.

Лауреат конкурса 1999г. среди провинциальных изданий, пишущих о культуре, проводимого АНО «Единство культуры и журналистики» совместно с Фондом Форда.
Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Золотой Гонг - 2001»

Главный редактор	Елена ГЛЕБОВА
Художественно-технический редактор	Галина ПЕРШИНА
Журналист	Светлана ФУРСОВА
Выпускающий редактор	Наталья ЗУБКОВА
Общественный совет	П.ГОНТМАХЕР Л. ВАРАКСИНА О. ИВАНОВА В. КАТЕРИНИЧ А. ЛЕПЕТУХИН Т. МЕЛЬНИКОВА Н. СОЛОВЬЁВА Н. ХОЛОДОК С. ЧЕРЕПАНОВА
Фотографии	И. СИМОНОВА Е. ГЛЕБОВОЙ А. ХРАМЦОВА В. СПИДЛЕНА А. ГОЛОДНЕВА С. ЧЕРЕПАНОВОЙ В. САЙФИЕВА В. КРАВЧЕНКО

Благодарим Госархив Хабаровского края за предоставленные документы и фотографии.
Номер создан при финансовой поддержке Министерства по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций (МПТР России).

Адрес редакции:
680000, Хабаровск, ул. Муравьёва-Амурского, 17.
Тел. (4212) 32-73-42, факс 32-73-85.
E-mail: haki@pop.redcom.ru
Тираж 1000 экз.

На первой странице обложки — У. Николай. «Оберег». Дерево, резьба. Фото Вадима Белобородава.
На четвертой странице обложки — У. Николай. Талисманы. Дерево, резьба. Из коллекции Хабаровского краевого благотворительного фонда культуры.

СОДЕРЖАНИЕ

Елена Глебова
ОБЕРЕГ ЗЕМЛИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ
Стр. 2

«ПУТЕШЕСТВЕННИК – ПЕРЕЛЕТНАЯ ПТИЦА...»
Стр. 3

Лариса Салеева
«ВЕРЮ, ЧТО НАС БУДУТ ВСПОМИНАТЬ ДОБРЫМ СЛОВОМ...»
Стр. 6

Наталья Бендик
ОДИННАДЦАТЬ ДИРЕКТОРСКИХ ЛЕТ
Стр. 8

Юлия Шестакова
«ХОДИ, КАПИТАН!»
Стр. 10

Хабаровский край

Елена Глебова
ВСЛЕД ЗА СОЛНЦЕМ
Стр. 12

Антонина Киле
ЛИЦОМ К СВОИМ ИСТОКАМ
Стр. 14

Лидия Вараксина
ПЕРВЫЙ ТУЗЕМНЫЙ СЪЕЗД ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ОБЛАСТИ
Стр. 18

Петр Гонтмахер
СОКРАТ ИЗ НАЙХИНА
Стр. 22

ФИЛОСОФИЯ ТАНЦА
Стр. 23

***У Николай**, художник, резчик по дереву. Живет и работает в селе Троицком Нанайского района Хабаровского края.*

По оценке искусствоведов, Николай У — первый аборигенный художник, работающий по законам европейской графической и живописной техники, но остающийся аборигеном по мироощущению.

Работы Николая У вошли в коллекции Московского музея народов Востока, Дальневосточного художественного музея, Хабаровского краевого благотворительного общественного фонда культуры. Персональные выставки проходили в Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре.

В 2003 году Николай стал первым лауреатом премии имени искусствоведа К.П. Белобородовой, учрежденной Хабаровским краевым благотворительным общественным фондом культуры.

Елена Глебова
НЕ ТРЕВОЖЬТЕ МУДРЫХ БОГОВ
Стр. 25

Оксана Гайнутдинова
ТРИ СОЛНЦА В НАНАЙСКИХ ЛЕГЕНДАХ - МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?
Стр. 31

Ольга Иванова
ЧТО ЗА ПРЕЛЕСТЬ ЭТИ СКАЗКИ
Стр. 33

Антонина Дечули
ЖЕЛЕЗНАЯ РУКА
Легенда
Стр. 34

Оксана Гайнутдинова
«КОСТЕР ТРЕВОГИ» НАД АМУРОМ
Стр. 36

Татьяна Мельникова
НЕНАСТОЯЩИЙ ДРАКОН ПУЙМУР
Стр. 38

Светлана Фурсова
ГОЛОС ДАЛЕКИХ ПРЕДКОВ СКВОЗЬ ВЕТЕР ВРЕМЕНИ
Стр. 40

ПАЛОА - МОЛОТОК
Стр. 42

Татьяна Лементович
ПОТОМСТВЕННАЯ ВЫШИВАЛЬЩИЦА ЛАРИСА БЕЛЬДЫ
Стр. 44

Лариса Бельды
ДАНЯ ГУЙСЭКЭНИ (БАБУШКИН СУНДУЧОК)
Традиционная одежда нанайских детей
Стр. 45

Елена Солнцева
ХРАНИТЕЛЬ ПАМЯТИ СТОЙБИЩА КОЛЬЧЁМ
Стр. 51

Татьяна Мельникова
ЗАВЕЩАНИЕ ЗОИ ПЛАСТИНОЙ
Стр. 53

АННА НАДЕИНА - МАСТЕРИЦА И РЫБАК
Стр. 55

НАСЛЕДСТВО ЛЮБОВИ САМАР
Стр. 56

КУКЛЫ СВЕТЛАНЫ КИМОНКО
Стр. 57

Галина Титорева
ФИЛОСОФИЯ АМУРСКОГО ЛОСКУТКА
Стр. 58

Наталия Сурнакова
«МАНГБО НАЙНИ» - НАРОДНАЯ ПЕРЕДАЧА
Стр. 60

Эпанина Богатырева (Вальдю)
ПЕРВАЯ ОХОТА И ПОСЛЕДНЯЯ РЫБАЛКА
Стр. 61

Елена Глебова
ВОЛШЕБНАЯ АУРА АУРИ
Стр. 64

Светлана Фурсова
ФАНТАЗИИ ДЕТЕЙ АМУРА В РИСУНКАХ И УЗОРАХ
Стр. 67

Приморский край

Владимир Арсеньев
МИРОСОЗЕРЦАНИЕ
Стр. 69

Елена Сушко
СЕЛЕНИЕ АГЗУ ИЗ СТРАНЫ УДЭХЕ
Стр. 74

Сахалинская область

Александра Марамзина
АБОРИГЕНЫ ОСТРОВА САХАЛИН: ИЗ ВЕКА В ВЕК
Стр. 76

Петр Гонтмахер
НИВХСКИЙ ХУДОЖНИК, КОТОРЫЙ СЛУШАЛ НЕБО И ЗВЕЗДЫ
Стр. 80

Камчатская область

Валерий Кравченко
ШАМАН УСТАЛ. НО РАЗБУДИЛ КАМЧАТКУ
Стр. 82

Чукотский автономный округ

Татьяна Мельникова
РЕЗНАЯ ЧУКОТКА
Стр. 93

Милада Барнакова
«ЭРГЫРОН» – ЭТО РАССВЕТ
Стр. 94

Республика Саха (Якутия)

Татьяна Мельникова
ЯКУТСКОЕ СЕРЕБРО
Стр. 96

Айина Филиппова
ТЕАТР МОДЫ С ИЗЫСКАМИ ДРЕВНОСТИ
Стр. 98

Культурная эволюция

Петр Гонтмахер
КУЛЬТУРА АБОРИГЕНОВ ТАК ЖЕ ВЕЧНА, КАК РЕКИ И ТАЙГА
Стр. 100

Елена Глебова
ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ
Стр. 101

Светлана Фурсова
ЧЕЛОВЕК, СМОТРЯЩИЙ В НЕБО
Стр. 103

Светлана Фурсова
«ПЕРСПЕКТИВА КОМНАТЫ» - ТЕРРИТОРИЯ ЖИЗНИ
Стр. 105

Рукописи

Елена Глебова
БЕЛЫХ ПЯТЕН В ИСТОРИИ ПРИАМУРЬЯ СО ВРЕМЕНЕМ СТАНЕТ МЕНЬШЕ
Стр. 107

Валерий Павлик
ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ ЭКСПЕДИЦИИ Е.П. ХАБАРОВА НА АМУР
Стр. 107

Рецензии

Стр. 109

***ГЛЕБОВА Елена Викторовна**, главный редактор журнала «Словесница искусств». Родилась и выросла в Хабаровске. Профессиональное образование получила на факультете журналистики Дальневосточного государственного университета во Владивостоке. Темой коренных малочисленных народов Севера начала заниматься, еще работая в краевой и городской газетах, а затем продолжила ее на страницах журнала «Словесница искусств». За несколько лет объездила многие национальные села, города Дальнего Востока. Непосредственное погружение в тему, общение с бесхитростными, талантливыми и красивыми людьми — представителями коренных малочисленных народов Дальнего Востока — позволило накопить интереснейший журналистский опыт.*

Автор проектов «Коренные народы Севера: огонек надежды в океане проблем» и «Багульник на ветру», ставших победителями конкурса Института «Открытое общество» (Фонд Сороса). Победитель конкурса «За этическую толерантность в журналистике», проводимого Национальным институтом прессы (Москва) при поддержки Фонда Чарльза Стюарта Мотта. Автор проекта «Оберег Земли».

Оберег земли дальневосточной

Древо жизни — один из главных символов у многих коренных малочисленных народов Дальнего Востока. Его корни уходят в глубокую древность и питают этими соками крону. Она-то и олицетворяет современную аборигенную ситуацию. Это своего рода оберег земли дальневосточной. И в то же время крона мирового Древа жизни — те люди, талантом и трудом которых сохраняется и возрождается духовность и культура коренных народов.

Во времена освоения Дальнего Востока русскими переселенцами и позднее, когда в далеком уголке России утверждалась советская власть, жизненный уклад и духовные традиции аборигенов подвергались серьезному вмешательству. Понятно, что это неизбежный процесс, когда гораздо меньший по численности народ попадает под влияние другого и постепенно растворяется в чуждом образе жизни. И все же властительница-история, словно распределяя нагрузку неравным способом, одни регионы пощадила, а другие отдала на откуп. Естественно, что это повлияло на нынешнюю аборигенную ситуацию. Есть районы, где практически утрачены язык коренных жителей, традиции декоративно-прикладного искусства. К примеру, у народа уйльта на острове Сахалин. В других же районах время словно остановилось. Гортанную речь, похожую на птичью перекличку, можно услышать в совершенно бытовой ситуации на Камчатке или в небольших селах Ульчского района Хабаровского края.

Дальний Восток по демографической ситуации относится к самому многонациональному региону Российской Федерации. На таких территориях, как Хабаровский край, Приморье, Сахалинская область, Камчатка, Чукотка, Республика Саха (Якутия) традиционно проживают представители коренных малочисленных народов Дальнего Востока, которые являются носителями уникальной культуры. Это ульчи, удэгейцы, нанайцы, негидальцы, нивхи, эвены, эвенки, чукчи, коряки, ительмены, камчадалы, якуты и др. В одном только Хабаровском крае сегодня более 23 тысяч человек, которые представляют 25 коренных малочисленных народов Севера. По их численности Хабаровский край занимает третье место в России.

Культура коренных народов Дальнего Востока — неотъемлемая часть мирового культурного пространства. Выпадение из общей цепи даже одного звена — потеря невосполнимая. Иногда, размышляя над древними канонами аборигенов по отношению к природе, к своим сородичам, понимаешь, сколько бед могло бы избежать «цивилизованное» человечество, прислушайся оно к мудрости людей, которые никогда не поднимали себя выше Природы. Они были с ней единым целым.

Сегодня многие проблемы, связанные с потерей духовных корней, а иногда и просто физическим выживанием аборигенов, обострены до предела. И хорошо, что человечество, наконец, повернулось лицом к этим проблемам. Не случайно 1993 год был объявлен ООН Международным годом коренных народов, а в 1994-м утверждено Международное десятилетие коренных народов мира. И хотя оно уже подходит к концу, основа заложена. На российском Дальнем Востоке в национальных школах действует программа по возрождению языка и культуры, дети с удовольствием надевают расшитые северными узорами халаты и выступают на различных праздниках и фестивалях (а ведь в советские времена у юных аборигенов был серьезный комплекс на этот счет), мастерицы вспомнили уроки бабушек и прабабушек.

Тематический выпуск журнала «Словесница искусств», который носит название «Оберег Земли», стал естественным продолжением одного из направлений этого издания, связанного с культурой и духовностью аборигенов. В 1999 и 2000 годах вышли в свет номера, посвященные коренным народам Хабаровского края. Теперь сделана попытка объединить территории Дальнего Востока и народы, проживающие на них. Хочется верить, что «Оберег Земли» внесет свой вклад в сохранение дальневосточного этноса.

«Оберег Земли» — это еще и посвящение Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву. Причем посвящение, которое не связано с какой-либо датой. Талантливейший ученый, исследователь, писатель бережно относился к аборигенам нашей далекой земли и посвятил им большую часть своих научных и литературных трудов. Он ценил и уважал особые качества души и характера коренных малочисленных народов, а те, в свою очередь, отвечали Арсеньеву полным доверием.

В конце жизни Арсеньев писал, что смертельно устал от людей, от «города безумцев». Тогда уже травля шла полным ходом. И если бы не семья, не обязательства перед близкими, ушел бы Владимир Клавдиевич к своим друзьям-туземцам. Во всяком случае, эта мысль — в его письмах. Когда Арсеньева не стало, друзья-туземцы отказались верить, что «капитан» умер. По словам известного хабаровского краеведа, писателя и исследователя жизни Арсеньева Всеволода Петровича Сысоева, лесные люди верили, что капитан просто ушел в тайгу...

«ПУТЕШЕСТВЕННИК – ПЕРЕЛЁТНАЯ ПТИЦА...»

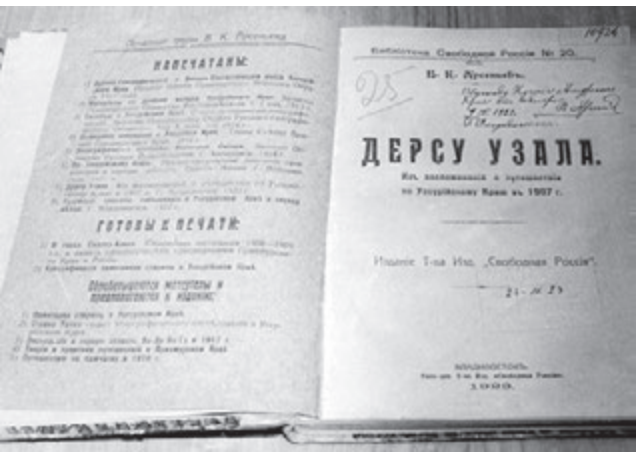
Елена ГЛЕБОВА

Во Владивостоке, в Приморском государственном объединенном музее имени В.К. Арсеньева, каждые два года вручаются арсеньевские премии. Так отмечаются наиболее значительные работы дальневосточников в области краеведения, экологии, этнографии, литературы и искусства, посвященные истории и природе российского Дальнего Востока. Увековечивается память об уникальном научном и неоценимом культурном наследии Арсеньева.

Экспедиция. Арсеньев второй слева. 1927

Арсеньев искренне верил, что весь его жизненный путь, отнюдь не уютный и гладкий, — служение Отечеству. Негромкое, лишенное пафоса служение. И еще в начале 1900-х годов Владимир Клавдиевич писал в своих дневниках, что «работа и труд, затраченные на изучение Уссурийского края, не пройдут даром...» Тогда путешественник еще не знал, что спустя время подвергнется унизительной травле, советские газеты цинично напишут о том, что сквозь плащ у него просвечивают белогвардейские звезды, а сам он — «белая кость».

Но даже в эти страшные годы исследователь, этнограф, писатель упрямо шел своей тропой, кропотливо собирал и записывал материалы, которые сегодня называют уникальными, формировал сотни коллекций, пополнивших местные, центральные и зарубежные музеи, как, например, Вашингтонский национальный музей. Арсеньев прошел десятки тысяч таежных километров, ходил в море от Хоккайдо до Командоров, сплавлялся по Амуру, исследовал озера в его ближнем и среднем течении, озеро Ханка и всю речную сеть Приморья, обследовал Камчатку, часть Сахалина, Гежигинский район побережья Охотского моря и Командоры. Владимир Клавдиевич дал наиболее полную картину расселения коренных малочисленных народов Дальнего Востока, изучил их жизненный уклад, духовную культуру. Именно он открыл неизвестную прежде народность — удэгейцев и окрестил их «лесными людьми». Его книги «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «В горах Сихотэ-Алиня», «Сквозь тайгу» были переведены на 30 языков мира и принесли ему настоящую славу.



Жизнь Арсеньева на Дальнем Востоке сравнивают с большой экспедицией, которая длилась 30 лет. Он жил в Хабаровске и Владивостоке, но, по сути, все время был в пути. А потом вместо «белых пятен» на картах появлялись обозначения горных хребтов, долин, рек и озер. Случалось, Арсеньев давал названия открытым во время его экспедиций географическим объектам, но никогда не использовал собственного имени. Это уже потом появились город, река, корабли, улицы, названные в его честь...

Владивосток стал последним пристанищем путешественника. Он умер в 1930 году. Несмотря на то что травля Арсеньева уже шла полным ходом и усиленно формировался негативный образ ученого и путешественника, его похороны ярко отразили истинное отношение общественности к Владимиру Клавдиевичу. Из письма жены Арсеньева Маргариты Николаевны: «На похоронах был весь город, несколько тысяч людей шли за гробом, цветов и венков были горы. Так, как его, здесь, на Дальнем Востоке, никого не хоронили. Всюду его портреты, и хоть памятник ставь, а у меня на душе такая безысходность...»

Именно в столице Приморья берет свое начало направление, связанное с данью памяти Арсеньева, увековечиванием его наследия. Первый шаг — присвоение в 1945 году Приморскому краеведческому музею имени В.К. Арсеньева. И это было очень непросто, ведь прошло всего семь лет, как расстреляли жену Арсеньева Маргариту Николаевну, а его дочь Наталья все еще отбывала срок по 58-й статье.

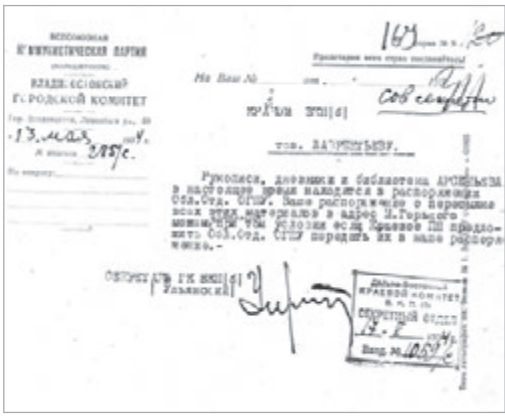
Начиная с 1994 года Приморский государствен-

Экспедиция В. К. Арсеньева. 1927

ный объединенный музей имени В.К. Арсеньева работает по проекту «В.К. Арсеньев и его наследие». В рамках этой работы был спасен и восставлен практически из руин дом по бывшей Федоровской улице (ныне Арсеньева), где прошли последние годы жизни ученого. Почти два десятилетия этот памятник истории разрушался, но благодаря усилиям генерального директора музея Галины Александровны Алексюк, поддержке администрации края и президента ООО «Гамма-лимитед» Виктора Алексеевича Владимирова пять лет назад, когда отмечалось 125-летие со дня рождения Владимира Клавдиевича, здесь наконец открылся Дальневосточный мемориальный дом-музей В.К. Арсеньева.

Несколько лет назад в поддержку проекта «В.К. Арсеньев и его наследие» созданы Дальневосточный арсеньевский центр и Дальневосточный арсеньевский благотворительный фонд. А в 1995 году меценат и попечитель музея В.А. Владимиров учредил премию имени В.К. Арсеньева (впервые она была учреждена в 1992 году самим музеем, но из-за ограниченных финансовых возможностей это начинание не получило развития). Премия вручается раз в два года в день рождения Владимира Клавдиевича и является высокой оценкой для тех, кто продолжает путь дальневосточного исследователя. В 2002 году лауреатами Арсеньевской премии стали М.С. Деменку (за продолжение арсеньевских традиций в области литературы), К.П. Кухаренко (за цикл телевизионных программ «Тогда и ныне» по популяризации арсеньевского наследия), И.И. Дункай (за художественное воплощение арсеньевской традиции бережного отношения к культуре коренных народов) и др.

Одно из направлений — совместный проект Приморского государственного объединенного музея и ученых из Японии. В этом году в традиционных Арсеньевских чтениях участвовали исследователи из Саппоро, а в будущем японская сторона планирует организовать у себя выставку, посвященную Арсеньеву. Так, по словам заместителя директора Приморского музея А. Т. Храмцовой, наследие Арсеньева включается в международный культурный диалог. В 2005 году у мемориального дома-музея В.К. Арсеньева во Владивостоке установят бюст-памятник. Его автор — приморский скульптор Николай Петрович Монтач. К этому времени музей планирует издать собрание сочинений Арсеньева.



В одном из своих писем Арсеньев сравнил путешественника с перелетной птицей. Это было в 1911 году, когда над головой еще не сгущались тучи. Незадолго до смерти Владимир Клавдиевич с болью написал: «За время революции и гражданской войны столько было насилия и столько пролилось крови, что у меня что-то надломилось в душе... Мое желание закончить обработку моих научных материалов и уйти, уйти подальше, уйти совсем, к Дерсу...»

Душа Арсеньева, как та перелетная птица, перенеслась в другие миры. Но она все равно возвращается к нам в его книгах и чудом найденных рукописях.

В публикации использованы материалы из альбомов «В.К. Арсеньев, к 125-летию со дня рождения» (Владивосток. Издательство «Уссури». 1997) и «Завещано: сохранить и приумножить» (Приморский государственный объединенный музей им. В.К. Арсеньева. Владивосток. 2000. Составитель — А.Т. Храмцова, заслуженный работник культуры РФ).

Фотоматериалы предоставлены Госархивом Хабаровского края.

«Верю, что нас будут вспоминать добрым словом...»

Интерес к научному и литературному наследию В.К. Арсеньева не иссякает многие годы. В конце XX века в связи с открытием архивов, рассекречиванием документов исследователей, краеведов, библиографов все больше и больше привлекают неизвестные ранее материалы и документальные источники, позволяющие узнать еще больше об этом человеке.

САЛЕЕВА Лариса Владимировна, *научный сотрудник Государственного архива Хабаровского края. Родилась в Хабаровске. В 1986 году окончила Хабаровский государственный институт культуры по специальности библиотекарь-библиограф. Несколько лет проработала в централизованной библиотечной системе Хабаровска. Занималась пропагандой краеведческой литературы, организацией читательских встреч с дальневосточными писателями Б. Копалыгиным, Ю. Шестаковой, А. Беловым, В. Сысоевым. В Госархиве Хабаровского края — с 1992 года. За это время подготовила несколько выставок, статей, радиопередач, школьных уроков, посвященных жизни интересных людей края. В 2002 году принимала участие в Арсеньевских чтениях во Владивостоке.*

На Дальнем Востоке находится наиболее ценная и значительная часть арсеньевского наследия. Это прежде всего личный архивный фонд В. К. Арсеньева, который в настоящее время хранится в Обществе изучения Амурского края (г. Владивосток), фонды путешественника в Приморском государственном объединенном музее им. В. К. Арсеньева и Хабаровском краевом краеведческом музее им. Н.И. Гродекова. Особую ценность и гордость нашего архива представляют документы, написанные рукой В.К Арсеньева: письма, резолюции, анкеты.

Одно из писем было направлено Ивану Оленеву из села Константиновка Николаевского района Хабаровского края, который обратился к Арсеньеву и предложил свои услуги «по сбору исторических коллекций и изготовлению чучел». Отвечая ему, Арсеньев писал: «Собирание коллекций и набивка чучел в настоящее время едва ли могут дать средства к существованию. Те учреждения, которым интересно было бы иметь у себя коллекции и чучела, сейчас сильно стеснены в средствах. Самое большое, что они могут сделать, — это приобрести лишь отдельные предметы, собранные Вами и которые представляют для этих учреждений тот или иной интерес. Поэтому мог бы рекомендовать Вам поступить таким образом. Летом, насколько будете иметь свободное время, собирайте различные коллекции и изготовляйте шкурки птиц, не делая из них чучел. Возможно также, что мы, когда выяснится план нашей работы на лето, будем просить Вас собрать для нашего музея кое-какой материал с Охотского взморья». В своих письмах Арсеньев давал рекомендации звероловам, пояснения, добрые советы.

Неутомимый исследователь внимательно следил за археологическими открытиями и необычными природными явлениями. 25 мая 1925 года в сельсовет деревни Щербаковка Маргаритовской волости Ольгинского уезда Приморской губернии было направлено письмо Арсеньева следующего содержания: «По имеющимся сведениям, где-то в районе деревни Щербаковка недавно упал большой метеор (раскаленный камень) с неба, который раскололся с сильным грохотом. Прошу навести справку у охотников, где именно упал метеор, произвести разведку и о результатах немедленно дать знать, приложив начерченный от руки, хотя бы и грубо, план с обозначением на нем знака креста места падения метеора... При этом прилагаются: 1. Обращение от имени Метеоритного отдела Академии наук; 2. Программа о сборах сведений о метеорах, упавших в прошлые годы; 3. Программа для наблюдения на будущее время».

В этом же году Владимиром Клавдиевичем было направлено письмо заведующему Амурским губернским отделом народного образования. В нем шла речь об «обнаруженных остатках скелета динозавра близ бывшей станицы Иннокентьевской, на правом китайском берегу». Патриот Дальневосточного края писал: «Имейте в виду, что у китайцев есть свой геологический комитет, и если они узнают о том, что это кости мелового динозавра, то, естественно, примут меры к тому, чтобы не дать русским эту ценную в научном отношении находку. Благоволите сообщить, вели ли Вы переговоры с местными китайскими властями... Мы умышленно не хотим обращаться к центральной китайской власти, во-первых, во избежание затяжки времени, а во-вторых — из опасения получить отказ».

Владимир Клавдиевич Арсеньев 30 лет своей жизни (1900 -1930) отдал исследованиям Дальневосточного края. Во время своих путешествий он общался с орочами, удэгейцами, гольдами, гиляками и др. Меньше всего у него было праздного любопытства или высокомерия, вдумчиво и внимательно приглядывался он к жизни малочисленных народов, изучал язык, с уважением относился к их обычаям. Заботой и вниманием проникнуты его письма: «Настоящим обращаюсь с покорнейшей просьбой сообщить мне, кто из орочей Советской Гавани реки Хади селений Чжуанка, Дата, Хутудата, Акурдата и Мулидата, а также в бухте Ванина и на реке Копи находится в бедственном положении. Кто в чем нуждается. Я могу помочь присылкой по почте наиболее бедным. Можно даже телеграфировать по адресу: Хабаровск, Музей, на мое имя. Я помню ту помощь, которую оказывали мне орочи во время моих путешествий, когда они доставляли мне пропитание, а женщины починяли мою обувь и одежду. И вот теперь мне хотелось бы ответить им также какой-нибудь услугой. Мечтаю как-нибудь приехать к Вам и пробраться на Тумнин к моим друзьям орочам. Кланяйтесь им от меня...» Это письмо было написано в 1925 году и адресовано Алексею Яковлевичу Майданову, заведующему маяком города Советская Гавань. Читая эти письма, удивляешься, как, несмотря на свою необыкновенную загруженность делами, Арсеньев находил время для обычного человеческого общения. «Работа занимает все время, — писал Арсеньев в 1925 году, — приходится сразу исполнять несколько заданий и притом в большинстве случаев срочно. Поэтому почти все мысли направлены на то, что скорей нужно сделать и что для этого предпринять. Я сейчас занимаю несколько должностей: во-первых, директор Хабаровского краевого музея; во-вторых — заместителя председателя совета Дальне-Восточного Краевого отдела Русского Географического общества и в третьих — члена и ученого секретаря Кабинета Народного Хозяйства при Дальплане».

В документах Государственного архива Хабаровского края можно обнаружить много сведений об Арсеньеве как об одном из самых активных деятелей Приамурского отдела Русского Географического общества, членом которого он был избран в 1908 году.

В архиве хранятся ценнейшие документы этого общества конца XIX — начала XX вв. и в первую очередь — это протоколы заседаний отдела, подписанные В. К. Арсеньевым, С. С. Бабиковым, Н. А. Десулави, П. В. Плюсниным, рекомендации, данные Арсеньевым своим «соратникам» по изучению Приамурского края. Сами документы по своей форме и содержанию представляют огромный интерес для исследователей.

В одном из протоколов от 10 июня 1918 года на заседании совета слушали информацию В. К. Ар-

сеньева о предложении заведующего Переселенческим районом направить его на Камчатку на два с половиной месяца для обследования быта инородцев. Постановили: «Разрешить отпуск на указанный срок и просить В. К. Арсеньева привезти экспонаты для музея». На Камчатке Арсеньев, совмещая должность начальника Камчатской экспедиции и заведующего устройством переселенцев, собирал сведения о природе, изучал быт народов, населяющих полуостров.

Однако по объективным причинам вернуться в Хабаровск не смог и вынужден был уехать во Владивосток, где жил и работал до 1924 года.

В начале октября этого же года Владимир Клавдиевич приехал в Хабаровск и в тяжелых послевоенных условиях не только возглавил музей, но и стал одним из инициаторов возрождения деятельности Приамурского отдела географического общества.

В фонде Приамурского филиала географического общества сохранился документ о возрождении деятельности филиала после Гражданской войны. 20 октября 1924 года в Дальревком поступило заявление следующего содержания: «Организационная группа нижеподписавшихся лиц в качестве учредителей Дальневосточного краевого отдела Русского географического общества обращается с просьбой о... регистрировании названного отдела, масштаб работы которого выражается в нижеследующем. Преемственно за прекращением деятельности бывшего Приамурского отдела РГО организует и открывает свою деятельность в г. Хабаровске Дальневосточный краевой отдел РГО. Он имеет целью собирать, обрабатывать и распространять географические, этнографические и статистические сведения, объединяя лиц, научно работающих в упомянутых отраслях знаний на пространстве Дальневосточной области». Арсеньевым был сформулирован круг задач и определены перспективы вновь учреждаемого Дальневосточного отдела географического общества.

Главную задачу ученый видел в том, чтобы как можно скорее изучить и поставить на службу народному хозяйству природные богатства Дальневосточного края.

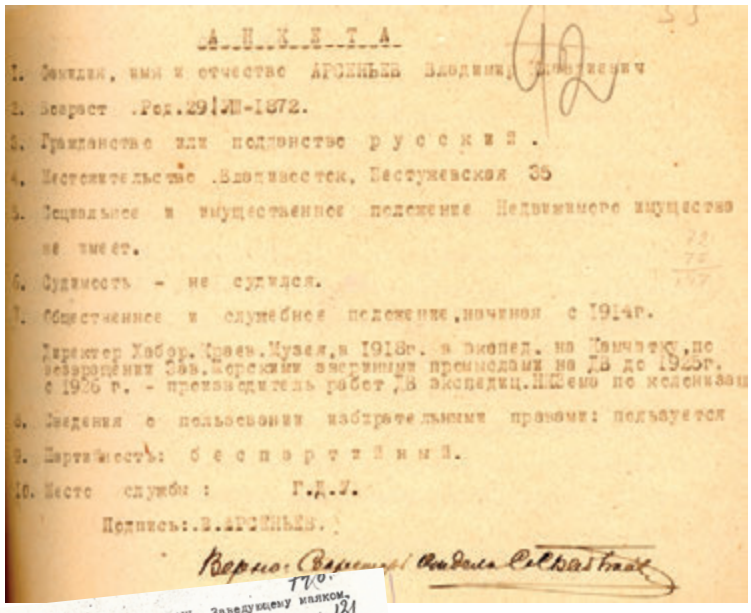
«Богатая, изобильная в буквальном смысле этого слова дарами земными Дальневосточная область может с полным правом именовать себя страною будущего. Здесь благодаря обилию металлов, минералов, каменного угля, лесов, богатой фауны и даров моря — широкая индустрия, прямо неслыханная в Европе...»

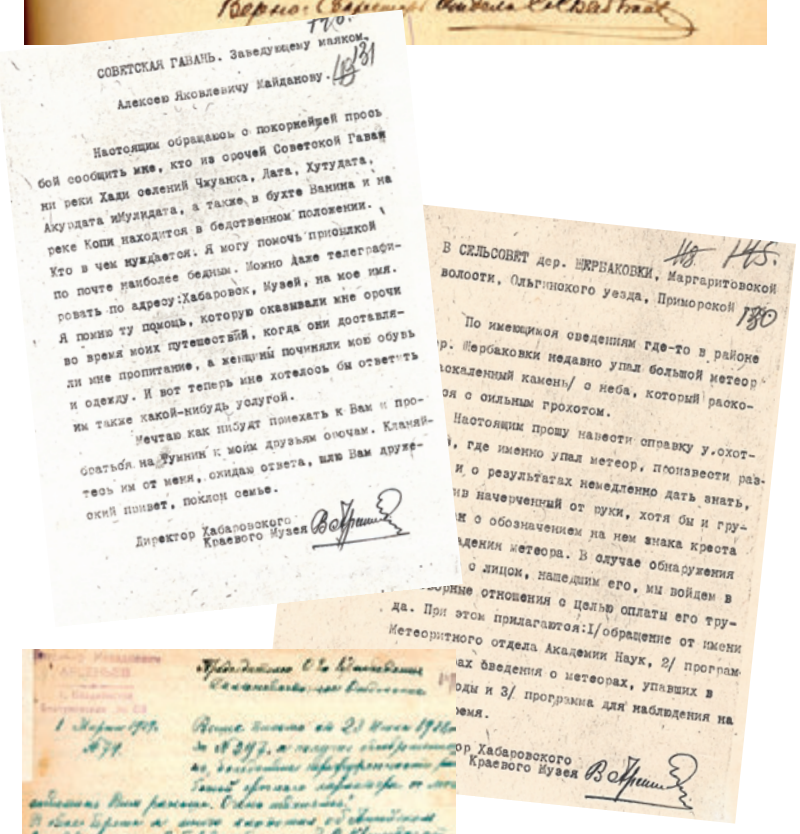
Большую заботу Владимир Клавдиевич проявлял об охране природы и исторических памятников Дальнего Востока. Он хлопотал об устройстве государственных заповедников, обращаясь в краевые и центральные учреждения.

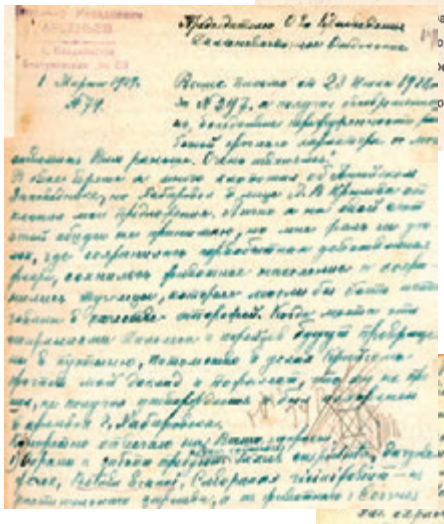
Отвечая на запрос Главнауки о месте, удобном для организации государственного заповедника, который бы «являлся научно-исследовательским учреждением», Арсеньев настойчиво рекомендовал для таких целей верховья реки Анюй. В архиве сохранилось письмо Арсеньева председателю общества краеведения Дальневосточного отделения, в котором есть такие слова: «В свое время я много хлопотал об Анюйском заповеднике, но Хабаровск... отклонил мои предложения. Лично я на свой счет этой обиды не принимаю, но мне жаль этот уголок, где сохранилась первобытная девственная флора, сохранилось животное население и сохранились туземцы, которые могли бы быть использованы в качестве сторожей. Когда места эти стараниями Дальлеса и корейцев будут приведены в пустыню, потомство в делах Крайзема прочтет мой доклад и пожалеет, что он не прошел, не получил утверждения, а был похоронен в архивах Хабаровска».

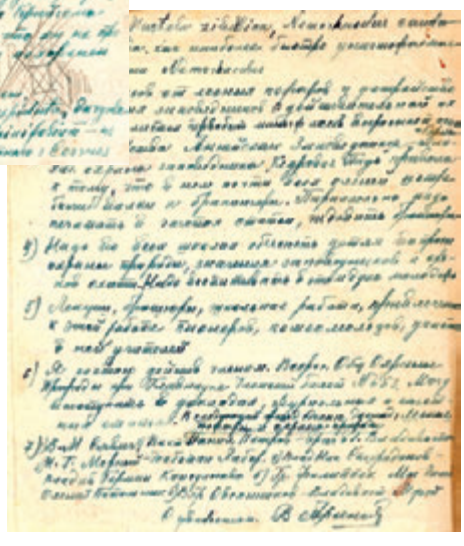
Арсеньев широко пропагандировал накопленный в путешествиях опыт: «Надо во всех школах объяснять детям вопросы охраны природы, значение заповедников и сроков охоты. Надо воспитывать в этом духе молодежь». Сегодня эти слова звучат, как никогда, актуально.

«Пройдут долгие годы, — пишет В. К. Арсеньев в 1907 году, — но наша работа и труд, затраченные на изучение Уссурийского края, не пройдут даром, а принесут нашему Отечеству и потомству величайшую пользу. Верю, что через 40 — 50 лет нас будут вспоминать добрым словом».









Одиннадцать директорских лет

В Хабаровск В.К. Арсеньев переехал в 1906 году. С этой поры начался новый этап его биографии. Важнейшее место в нем будет занимать работа в качестве директора Хабаровского краеведческого музея.

БЕНДИК Наталья Николаевна, *заведующая отделом использования и публикаций Государственого архива Хабаровского края, кандидат исторических наук. Занимается исследованием истории архивного дела на российском Дальнем Востоке, имеет ряд публикаций. Арсеньевская тема всегда привлекала особое внимание. По инициативе Н.Н. Бендик в Госархиве края проводился день открытых дверей с демонстрацией комплекса документов о В.К. Арсеньеве. В разные годы в дальневосточных газетах и журналах опубликованы авторские статьи о жизни и деятельности Арсеньева: «11 директорских лет», «Имена на архивном документе», «В.К. Арсеньев — член Приморской областной архивной комиссии».*

Шесть лет пребывания на Дальнем Востоке позволили ему начать осуществление своей мечты — изучение Уссурийского края. В свободное от службы время он познакомился с окрестностями Владивостока, Никольск-Уссурийска, бухты Посет, озера Ханка, обошел долины рек Улахе, Лефу, Суйфунд, Сучану. При выполнении служебных обязанностей он отличался аккуратностью, высокой ответственностью, инициативой. Учитывая его деловые качества и личное стремление к дальнейшему исследованию края, Владимир Клавдиевич был переведен в Хабаровск в штаб Приамурского военного округа и вскоре возглавил крупнейшую экспедицию 1906 — 1910 гг. на Сихотэ-Алинь. Эта экспедиция принесла ему известность, популярность, общественное признание. Таким образом, избрание его директором краеведческого музея в 1910 году было вполне закономерным событием.

Более 10 лет возглавлял В.К. Арсеньев Хабаровский краеведческий музей: 1910 — 1919 гг., 1924 — 1925 гг. Его неутомимая многогранная деятельность нашла отражение в документальном наследии, часть которого сохранилась в Государственном архиве Хабаровского края. Более ста арсеньевских документов сосредоточено в фондах: «Императорское русское географическое общество», «Хабаровская краевая научная библиотека», «Уполномоченный главнауки на Дальнем Востоке», «Редакция дальневосточной энциклопедии».

Замечательные качества Владимира Клавдиевича — аккуратность, педантичность, строгое ведение делопроизводства, обязательность в переписке стали главным условием сохранения автографов и уникальных документов.

Арсеньев серьезно относился к подбору каждого экспоната, его научной ценности, определения его места в музее. Он постоянно стремился к пополнению музея новыми реликвиями. Для изготовления чучел представителей дальневосточной фауны Владимир Клавдиевич обращался к хорошо знакомым охотникам, с которыми подружился за время экспедиций. Со многими из них была у директора музея договоренность об отлове того или иного животного, причем за вознаграждение. Часто Арсеньев помогал охотникам чем мог: содействовал их охотничьему промыслу через местное начальство с оружием, хлопотал о сбыте и продаже шкур.

Сохранились письма бывалых таежников В.К. Арсеньеву. Пишет крестьянин поста Святой Ольги деревни Пермской Григорий Астафуров. 1915 год, 25 марта. Вот фрагмент этого письма: «Его высокоблагородие господину полковнику Арсеньеву. Покорнейше благодарю вас за ваши хлопоты, нам разрешили ловить оленей. Но наша ловля плохая. Два раза ходил на оленей, не нашли. Коз видали задавленных, даже одного волка видали, как козла давил, но ружья не было, не взял. Андрей Силин поймал двух оленей».

Владимир Клавдиевич в своих письмах звероловам давал рекомендации, пояснения, добрые советы. В послании М.Т. Черепанову от 28.04.25 года он подчеркивает: «... убивать самок оленей для добычи выпоротков нельзя. Вы меня неправильно поняли; мне нужны не шкурки от выпоротков, а самый плод с мясом и костями и притом добытый случайно, например, гибель матки в питомнике, нечаянный убой на охоте, по ошибке. Вот такой случай не надо упускать.

На живых изюбрей никакого спроса нет. Сообщите об этом всем, но зато очень нужны живыми: росомаха, куница, горный козел, красный волк, соболь, черный заяц, серый заяц, енот, колонок, летяга, ворон, черная ворона, фазануха — 2 - 3 штуки, горностай, сеноставец, барундук, зеленый уж, тигрята, белогрудый медвежонок — лучше пара медвежат...»

Письма-благодарности жертвователям музея отличаются вниманием, искренностью, дружеским участием. В 1915 году Владимир Клавдиевич направил в Англию письмо госпоже Торнтон, в котором писал: «... Спешу Вас уведомить, что обе картины Вашего покойного мужа «Волк со сломанной ногой» и «Старик, читающий книгу» находятся во вверенном мне музее. Я очень ими дорожу. Картины эти лучше всех, какие у нас имеются. Видно, что их писала рука незаурядного художника. Если Вам будет угодно, я пришлю Вам их фотографии...»

Получив широкое признание на международных выставках в Берлине в 1899-м и в 1900-м — в Париже, хабаровский музей обладал достаточно высоким авторитетом несмотря на провинциальность. О нем хорошо знали в центральных музеях России, неоднократно доклады о его коллекциях заслушивались на заседаниях Русского географического общества, в Русском музее. В.К. Арсеньев приложил немало сил для поддержания авторитета музея. Нередко этнографы центра обращались за консультацией к дальневосточникам. В 1915 году заведующий этнографическим отделом Русского музея императора Александра III обратился с просьбой «оказать любезное

Члены этнографического кружка, организованного Арсеньевым при Хабаровском музее, 1914. Фонд Хабаровского краеведческого музея

содействие этнографическому отделу Русского музея, который весьма нуждается в фотографиях аборигенов Приморской области, а именно: 1. Орочен — мужчин, женщин и детей (фасы и профили), 2. Орочей — мужчин, женщин и детей (фасы и профили), 3. Коряков — мужчин, женщин и детей (фасы и профили). Желательны фотографии с возможно крупными лицами (фасы и профили) для того, чтобы по ним скульптор мог бы вылепить из глины типические лица, необходимы для манекенов...» Арсеньев выполнил эту просьбу.

В труднейший для музея 1919 год — год разорения города, год разгула интервенции и гражданской войны — сложилась очень непростая ситуация с финансированием.

В одном из протоколов географического общества есть примечательная запись: «Доложено: доклад председателя отдела о финансовом положении отдела. Смета утверждена Верховным уполномоченным, за исключением содержания директору музея и сокращения ассигнования на 2000 руб.».

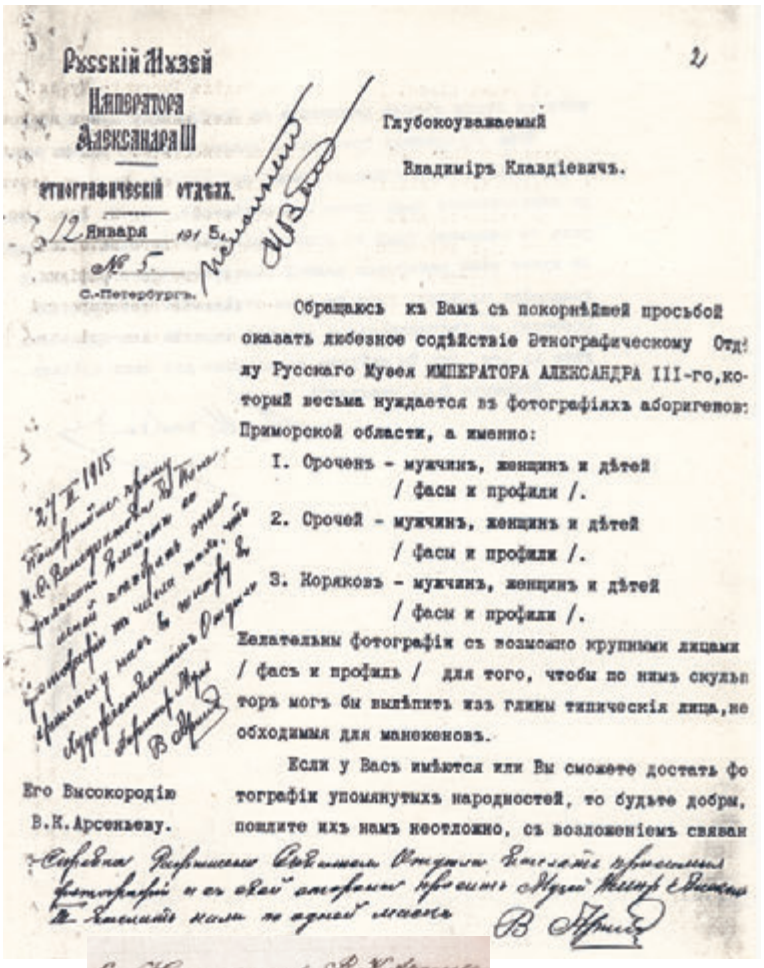
Материальное положение В.К. Арсеньева, судя по документам, часто было крайне тяжелым, но он об этом старался нигде и никогда не говорить, лишь в некоторых письмах друзьям проскальзывали его сетования. Но вот фактически невозможность работать в домашних условиях, обрабатывать экспедиционные материалы, писать статьи, научные работы, книги он переживал болезненно. Пригласив Владимира Клавдиевича восстанавливать музей, руководство края фактически ничего не сделало для обеспечения его жильем. Сначала он мирился с положением постояльца за шторочкой в доме гостеприимного товарища С.С. Бабикова на улице Протодьяконской (ныне ул. Фрунзе). Но невозможность перевезти семью, жену с маленькой дочерью, крайняя стесненность жилплощади, чувство неудобства тяготили интеллигентного человека и вынудили его несколько раз обращаться в вышестоящие организации.

В период начала социалистического строительства местные власти большие надежды возлагали на Арсеньева. Вступив в должность директора музея, Владимир Клавдиевич всеми мерами желал восстановить его деятельность и продолжить дальше его развитие. Для этого он стремился восстановить бывшие научные связи, заинтересовать нужных грамотных, опытных ученых, укрепить материальную базу музея.

Он постоянно поднимал вопрос о серьезном отношении к кадрам. Только вдумчивые, добросовестные, любящие свое дело люди могли работать на окраине России с энтузиазмом и полной отдачей. Чтобы закрепить в музее, поддержать, заинтересовать ученых, особенно прибывших из других областей страны, Владимир Клавдиевич пытался решать эти проблемы повышением их жалованья, оплатой проезда семей до Хабаровска.

Хлопотное музейное хозяйство требовало решения неотложных вопросов жизнеобеспечения: о подаче электричества в дневное время, о благоустройстве двора, ремонте печей, об оплате за пользование водой из водопровода и т.д. Но как бы ни занимали директора основные направления деятельности — научная, экспедиционная, организаторская, хозяйственная, — огромное внимание он уделял просветительской работе. Музей с момента его создания и по настоящее время был и остается самым любимым, самым посещаемым местом горожан. Интерес к его залам никогда не ослабевал. Кроме интересных экскурсий в музее можно было получить квалифицированную консультацию, прослушать лекцию, заказать экскурсию по определенной теме и даже с выездом на местность. Желающих заниматься историей в свободное время было немало. Доклады, лекции Владимира Клавдиевича Арсеньева становились запоминающимся событием в жизни Хабаровска.

Фотоматериалы и документы предоставлены Госархивом Хабаровского края.



Русскій Музей
Императора
Александра III
Этнографическій отдѣлъ.
12 Января 191 5.
№ 5
С.-Петербургъ.

Его Высокородію
В.К. Арсеньеву.

Глубокоуважаемый
Владиміръ Клавдіевичъ.

Обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбой оказать любезное содѣйствіе Этнографическому Отд-ту Русскаго Музея ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III-го, который весьма нуждается въ фотографіяхъ аборигеновъ Приморской области, а именно:

1. Орочень – мужчинъ, женщинъ и дѣтей / фасы и профили /.
2. Орочей – мужчинъ, женщинъ и дѣтей / фасы и профили /.
3. Коряковъ – мужчинъ, женщинъ и дѣтей / фасы и профили /.

Желательны фотографіи съ возможно крупными лицами / фасъ и профиль / для того, чтобы по нимъ скульпторъ могъ бы вылѣпить изъ глины типическія лица, необходимыя для манекеновъ.

Если у Васъ имѣются или Вы сможете достать фотографіи упомянутыхъ народностей, то будьте добры, пошлите ихъ намъ неотложно, съ возложеніемъ связан

СОВѢТЪ
Рабочихъ и Солдатскихъ
ДЕПУТАТОВЪ
г. Хабаровскъ.

УДОСТОВѢРЕНІЕ

Предъявитель сего есть Директоръ Музея въ городѣ Хабаровскѣ Владиміръ Клавдіевичъ АРСѢНЬЕВЪ на жительствѣ котораго находятся его жена Анна Константиновна, сынъ Владиміръ племянница Татьяна Александровна Арсеньева и прислуга Андрей Берзинъ, что подписью и приложеніемъ печати удостовѣряется.-

Председатель Совѣта-
Вторая Секретарь

«Ходи, капитан!»

***ШЕСТАКОВА Юлия Алексеевна**, дальневосточная писательница, автор многих книг о природе, освоении Дальнего Востока и его людях. Автор переводов стихов и прозы с якутского, нанайского, удэгейского, эвенкийского, болгарского, украинского, белорусского языков. В 2003 году Хабаровским краевым благотворительным общественным фондом культуры издана последняя книга Юлии Алексеевны Шестаковой «Встречи и расставания», в которую вошли рассказы и новеллы разных лет, страницы дневников, фрагменты неоконченной повести о детстве «Черная береза».*

Откройте любую книгу Арсеньева. Независимо оттого, куда вы устремитесь вслед за автором — на морское побережье или в отроги Сихтэ-Алиня, по Амуру, на Анюй или в долину Сучана, — все равно ощущение близости автора, опытного путешественника, старшего друга, не оставит вас ни на минуту.

Это ощущение тесной связи с автором возникает не случайно. Оно в самом материале арсеньевских книг, в его строгой и доступной форме повествования, не оставляющей места для вымысла. Ведь чуть ли не каждую строчку он выходил, прежде чем она появилась на бумаге. В книгах Арсеньева вы почти всегда найдете точный адрес описываемых им селений, названия рек и озер, хребтов, перевалов, падей.

Правда, жизнь внесла очень много поправок в то, о чем с такой завидной осведомленностью рассказал нам Арсеньев. Со страниц его произведений встает дальневосточная тайга с непролазными дебрями, с горными реками, опасными для путешественника, с бездорожьем, с дымными стойбищами полудиких кочевых племен, еще не знавших, что такое хлеб, с глухими медвежьими тропами, по которым шел исследователь в сопровождении нанайцев, орочей, удэ. Все это выглядит сейчас по-другому.

Всю жизнь Арсеньев мечтал о том, чтобы оживить богатейший край, заселить его обширные земли. И не только мечтал! В архивах сохранились его докладные записки по вопросам переселения на Дальний Восток. Тысячи километров он прошел пешком сквозь тайгу как подвижник, нанося на карту огромные необжитые пространства.

...Как-то раз, возвращаясь из тайги, я встретилась с геологами, которые шли по одному из многочисленных маршрутов Арсеньева. Был вечер. Мы плыли по реке. Наша длинная лодка плавно скользила вниз по течению. Удэгейцы сидели, положив весла поперек лодки, и, отыскивая взглядом удобную косу, смотрели, где бы можно было пристать на ночь. Уже темнело.

— Ого, какие-то люди ночуют! — воскликнул один из удэгейцев, заметив мелькнувший впереди огонек.

Вскоре за поворотом из-за кустов показался костер. Мы причалили к берегу в тот час, когда люди готовили ужин. Это было временное становье геологов. Мы раскинули поблизости свой шатер и не стали разводить другого костра, порешив, что так будет веселее. Из беседы с геологами я узнала, что они все лето провели в тайге, поднимались по правым притокам реки, исходили сопки вдоль и поперек и теперь должны пройти еще по одному левому притоку. Александр Федорович — так звали самого старшего из них — долго рассказывал нам о богатствах здешней природы, и уже поздно вечером, в палатке, при свете фонаря, бережно раскрыв книгу в зеленом переплете, восхищенно заметил:

— Вот замечательная книга! Читаю и перечитываю.

Читал он Арсеньева — «В горах Сихотэ-Алиня». Я подумала тогда о том, сколь важно для писателя, чтобы интерес к его произведениям не исчезал как можно дольше. Но это был не простой интерес читателя, отдыхающего за хорошей книгой. Оказалось, что геолог внимательным образом изучал Арсеньева.

— А как же вы думали... — пояснил Александр Федорович, — спросите любого геолога: кто из нас обходится без Арсеньева? Вот посудите сами. Представится вам случай пойти, скажем, на Самаргу или на Лефу. Неужели вы не прочтете Арсеньева перед тем, как туда отправиться? Конечно, прочтете. И книжку его возьмете с собой. И в пути будете по несколько раз перелистывать ее, обращаться к ней за советом. Я вот смотрю: завтра нам предстоит подняться по левому притоку, а Владимир Клавдиевич мне подсказывает, что за одну неделю, как мы рассчитывали, нам это не удастся. Это, знаете ли, писатель особого склада. И ученый, и путешественник, и художник. Да еще какой художник!

Утром чуть свет мы расстались. Геологи отправились по своему маршруту. И оттого что накануне мы долго читали Арсеньева, и что книгу его взяли с собой, как лучшего проводника, ощущение близости автора было так велико, словно он сам шел где-то рядом.

...Осенью в горах Сихотэ-Алиня спорят между собой два времени года. На горных вершинах белеют снега, внизу, по распадкам, в долинах ключей еще мелькает живая зелень листвы. Здесь когда-то бывал Арсеньев. В этих лесах горели его костры. У слияния рек Буту и Хуту он терпел бедствия, умирал от голода.

«Каждый раз, — писал он, — когда вступаешь в такой лес, чувствуешь некоторый страх, сознаешь свое бессилие. Тайга совершенно равнодушна к страданиям заблудившегося человека. Крики о помощи, на которые, как бы насмехаясь, будет отвечать эхо, привлекут только хищных зверей...»

Экспедиция Арсеньева. 1927

Со страниц арсеньевской книги встает труднейшая из его экспедиций.

«...На берегу рос старый тополь. Я оголил его от коры и на самом видном месте ножом вырезал стрелку, указывающую на дупло, а в дупло вложил записную книжку, в которую вписал все наши имена, фамилии и адреса. Теперь все было сделано. Мы приготовились умирать».

К счастью, этого не случилось. На помощь подоспели орочи из Тумнина и спасли участников экспедиции. Тяжелый поход Арсеньева от Амура к Советской Гавани длился долгие месяцы. Но вот теперь это расстояние поезд проходит за двадцать часов. От станции к станции тянутся леса, где ходил Арсеньев.

Я решила сойти на остановке Уська-Орочская. Хотелось узнать: нет ли здесь орочей, которые помнят знаменитого исследователя? В селении мне сказали, что в Уське есть один старик — Трофим Федорович Акунка, который ходил спасать Арсеньева на Хуту.

И вот спустя некоторое время мы сидим у него в комнате, беседуем. Трофим Акунка стар. Ему уже семьдесят с лишним лет. Несмотря на свою старость Трофим Федорович не сидит без работы. Помогает колхозу выделывать шкуры, починять сети. В молодости он был хорошим охотником и знал тайгу так, как мы знаем свой дом.

— Капитана Арсеньева помню, — говорит он. — Знаю. Когда мы нашли его экспедицию в тайге, он сильно больной был. Голодом шел. Мы привезли много продуктов. Капитан Арсеньев стоял у костра близко. Худой был совсем. Потом голова, наверное, закружилась, упал так, назад — как дерево упал, сразу. Потом ничего. Дышать стал, кушать маленько стал. Я на него смотрел тогда. Ничего не понимал: зачем так страдать, куда ходить? — думал. — Тайга большая, заблудиться можно совсем. Тогда плохо... Теперь понимаю, зачем ходил капитан Арсеньев. Смелый человек был...

...В доме Джанси Кимонко собрались гости. Впрочем, в этом доме всегда кто-нибудь гостил. Приходили старики и старухи, подолгу жили племянники, приезжали приморские удэгейцы с реки Самарги, из Тернейской бухты. Кроме родственников Джанси Кимонко, которых я знала, за столом сидели незнакомые люди: старик и маленькая женщина. Когда я спросила Джанси, кто это, он живо отозвался:

Дерсу Узала

— Надо познакомиться. Это — Миону. А это его жена — Яту. Наши гости, приехали с Анюя.

Так вот оно что! Я вспомнила, что ведь Миону Кимонко был проводником у Арсеньева. Джанси подтвердил это.

В 1909 году Владимир Клавдиевич совершал путешествие по реке Сальму. Река привела его в долину Хора, где жил тогда Миону. Они встретились в верховьях Садомабирани. Миону ходил на соболевку, но тигры испортили ему охоту.

«Миону был мужчина лет тридцати восьми, — писал Арсеньев, — невысокого роста, бедно одетый. Обветренное и загорелое лицо его и заскорузлые руки говорили о том, каким тяжелым трудом он добывал себе средства к жизни. В глазах его можно было прочитать тревогу и заботу, а в глазах жены — покорность судьбе...»

В то время Арсеньев хотел воспользоваться тем, что Миону превосходно знал здешние леса и мог провести его к скалам Мэка. Но Миону был напуган тиграми, злыми духами. Он спешно погрузил на нарты свой скарб и исчез, оставив в жертву тигру привязанного к дереву щенка.

Я спросила Миону: знает ли он, что стрелки Арсеньева отвязали тогда щенка, накормили его кашей и оставили у себя?

Миону засмеялся:

— Давно-давно был такой случай. Щенка оставлял. Потом не знаю, что получилось.

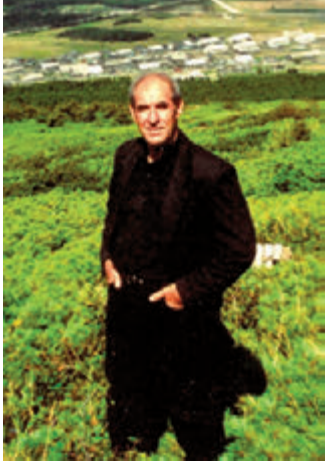
Миону был теперь глубокий старик. Но силы не изменили ему и до сих пор. Он еще плавал на оморочке, мог провести бат с грузом и ходил бодрой походкой.

— Арсеньев большой человек был, — вспоминал старик. — Все знал. Он не любил продукты в мешках таскать. Мука, крупа, сахар — все в железных банках. Я помню, так дело было. Через перевал шли в Хабаровск. Около реки встретили военных. Я так подумал: это, наверное, хозяева границы. Правильно? (Старик посмотрел на Джанси, поймал его утвердительный кивок). Они говорят: «Стой! Куда ходи?» Они думали, что мы плохие люди. Арсеньев говорит нам: «Давайте, ребята, покажите военным, чего несем». Военные все посмотрели. Потом Арсеньев свои бумаги показал. Он веселый человек был. Так говорил им: «Моя всегда такой контрабанка таскай». Тогда военные ему руку давали: «Ходи, капитан!»...

Материал написан в 1950 году к 20-летию со дня смерти В.К. Арсеньева. Печатается с сокращениями.

Фотографии предоставлены Госархивом Хабаровского края.

Бивак экспедиции. Арсеньев на реке Пихце. 1928. Фото Арсеньева



СИМОНОВ
Игорь Александрович,
фотограф, заслуженный работник культуры.
Родился в Ивановской области. Еще когда учился в 4-м классе, прочитал книгу Т. Семушкина «Чукотка» и заболел этим удивительным краем. В 1969 году, после окончания Суздальского сельхозтехникума, приехал в Магаданскую область, работал инженером в аэропорту.
В 1978 году Игорь Александрович организовал фотоклуб «Магадан», где работал до 1881 года. В этом же году Симонова, уже студента 3-го курса Хабаровского государственного института культуры, назначили заведующим отделом культуры Иультинского района Чукотского автономного округа. Мечта детства сбылась.
И.А. Симонов очень много работал с коренными малочисленными народами Чукотки. В 1990 году, впервые в истории СССР, он вывез группу эскимосов в город Йеллоунайф (Канада) на зимние Арктические игры.
И.А. Симонов участвовал в 147 различных фотовыставках. В его коллекции — золотые и бронзовые медали, дипломы лауреата и другие награды.

Вслед за солнцем

Елена ГЛЕБОВА
Фото Игоря СИМОНОВА

Небесное светило, зашифрованное в древних орнаментах и воспетое в легендах и сказках, — главный символ Всероссийского фольклорного фестиваля детей Севера «Вслед за солнцем». Солнце, дающее жизнь, освещает дорогу в будущее, высвечивает прошлое, позволяя многое понять.

В последний раз этот крупный фестиваль, третий по счету, проходил в столице Дальневосточного федерального округа — Хабаровске. Сюда приехали детские творческие коллективы из девяти регионов. Чукотский и Корякский автономные округа, Сахалинская, Камчатская, Магаданская, Амурская области, Хабаровский край, Приморье, Республика Саха (Якутия). 170 участников и 12 коллективов превратили фестиваль в яркое полотно с красками тайги, рек, заснеженных гор. В затейливый орнамент сплелись нивхские, эвенкийские, якутские, нанайские, удэгейские, славянские ритмы, став символом единения разных культур. И в этом сплетении — уникальная дальневосточная культура.

Фестиваль «Вслед за солнцем» — это часть федеральной целевой программы «Дети Севера». Его организаторами выступили Министерство культуры РФ, правительство Хабаровского края, краевое научно-образовательное учреждение культуры, финансовую поддержку оказало Министерство по делам Федерации, национальной и миграционной политики РФ, что позволило приехать в Хабаровск детям и педагогам даже из самых отдаленных мест региона.

Из двенадцати коллективов лауреатами III Всероссийского фольклорного фестиваля «Вслед за солнцем» стали восемь. Вручались и специальные дипломы за сохранение традиционного костюма (ансамбль «Кэку», село Кондон Солнечного района, и ансамбль «Гивана» Комсомольского района Хабаровского края), за высокое исполнительское мастерство (Соня Окру — солистка ансамбля «Вээм», Чукотский автоном-

ный округ, а также участники ансамбля «Радость тундры» Зоя Готовцева и Антон Захаров, Республика Саха (Якутия), за сохранение традиционной культуры (ансамбль «Пилакен», Сахалинская область).

Солнечные блики этого замечательного фестиваля уже освещали город на Амуре. Он проходил здесь в 1996 году (это был зональный смотр коллективов Дальнего Востока для участия в I фестивале «Вслед за солнцем»), а потом в 1999-м. В 2000 году очередной этап состоялся во Владивостоке.

Как заметила Галина Зуева, стоявшая у истоков фестиваля и представляющая на всех его этапах Министерство культуры РФ, главная задача программы «Дети Севера» заключается в развитии и сохранении традиционной культуры всех народов, проживающих на Крайнем Севере и приравненных территориях. Творческие проекты уже обрели реальные очертания в Магаданской и Мурманской областях, в Коми-Пермяцком, Корякском, Чукотском автономных округах, Республиках Коми и Тыве, в Хабаровском крае и Приморье. Возвращение к истокам и воспитание гордости за свои народы, пожалуй, единственно верный путь, который поможет коренным малочисленным народам не потеряться в большом пространстве.

Лицом к своим истокам

КИЛЕ Антонина Сергеевна.
Родилась в селе Найхин Нанайского района в марте 1929 года. Училась в местной школе. Высшее образование получила в Хабаровском государственном педагогическом институте. Трудовую деятельность начала в 1947 году преподавателем русского и нанайского языков в Николаевском-на-Амуре педагогическом училище имени Лукса. В последующие годы работала учителем, завучем, директором в общеобразовательных школах, заместителем директора по учебно-воспитательной работе Хабаровского строительного техникума, секретарем РК КПСС. С 1992 года по настоящее время — преподаватель истории и культуры нанайского этноса Хабаровского государственного педагогического университета, доцент кафедры прикладного искусства. Автор более 20 научных работ и учебных пособий, в том числе тематических словарей, программ, учебников.
Избиралась депутатом Верховного Совета РСФСР четвертого и пятого созывов (1955 — 1963 гг.), членом Комитета советских женщин (1968 — 1978 гг.), депутатом районного Совета депутатов трудящихся, членом краевого комитета профсоюза работников просвещения.
Удостоена званий «Ветеран труда» и «Почетный гражданин Нанайского района». Награждена орденом Трудового Красного Знамени, медалями.

На берегах могучего Амура и его притоков живет один из восьми этносов, издревле населяющих территорию Хабаровского края, – нанайцы. Их немного: по переписи 1989г. 10,5 тысячи человек. Однако народ этот имеет свою многовековую историю и самобытную культуру.

Вся окружающая природа была для нанайцев родным домом. Это объясняет то, что и хозяйственные занятия, и бытовые традиции, и богатейшая материальная и духовная культура были неразрывно связаны с природой. Не случайно «нанай» в переводе на русский язык обозначает «земля-человек», «житель этой земли» (С.А. Оненко. «Нанайско-русский словарь», М., 1980), нанаец же себя называет «человек земли», подчеркивая свое единство с природой.

Жизнь нанайцев, проходившая в хозяйственных и бытовых заботах, была немыслима без национальных обычаев и духовных традиций. Все это имело большое воспитательное значение: вырабатывалась культура поведения и общения, уважительное отношение к старшим, прародителям. Дети с малых лет усваивали и то, что животные — это часть природы, а природа — дом родной, где все должны жить в согласии и взаимопонимании.

Все это было характерно для жизни нанайцев в прошлом. Советская власть, так много сделавшая для ликвидации неграмотности населения, охраны здоровья, повышения общей культуры, развития промышленных и сельскохозяйственных предприятий на территории проживания нанайцев и других коренных народов, осуществляла однобокую национальную политику. В результате почти всё этническое, традиционное утрачено. И в настоящее время, можно сказать, осталось только в экспозициях музеев, на сценических площадках, в художественной и научной литературе. И это — к огромному сожалению. В совокупности культурное наследие всех народов, населяющих планету Земля, составляет общечеловеческую, или мировую, культуру. И чем разнообразнее, самобытнее, уникальнее ее национальное и этническое содержание, тем богаче и значимее она. Мы же, сами того не осознавая, многократно ее обеднили.

Последние 10 — 12 лет активизировалась работа по возрождению, сохранению и развитию традиционных этнокультур и родных языков. Это связано с некоторыми изменениями государственной и национальной политики в отношении коренных народов, образованием их ассоциаций, активизацией деятельности отдельных групп коренного населения, куда входят наиболее инициативные и политически грамотные представители. О некоторых результатах этой работы уже можно говорить. Так, в ряде сел компактного проживания нанайцев открыты и активно работают центры нанайской культуры, которые, возрождая национальные традиции и обычаи, проводят большую работу по их воссозданию и внедрению в быт и культуру населения. Уже не редкость успешные выступления самодеятельных коллективов, репертуар которых состоит из нанайских песен, танцев и игр. Многие коллективы рассказывают в своих программах о национальных обрядах, показывая их суть и значение. Регулярно проводятся фестивали, охватывающие своим содержанием все жанры этнической культуры: песни, танцы, спортивные игры и состязания, выставки произведений декоративно-прикладного искусства. На эти фестивали съезжаются многие и многие нанайцы (и не только) из разных районов Хабаровского края. Лучшей формы работы в целях возрождения и дальнейшего развития этнокультуры трудно найти. Заслуживает одобрения такая форма работы министерства культуры Хабаровского края, как творческие отчеты национальных коллективов самодеятельности. Это верный путь повышения ответственности коллективов и их ориентации на поиск сохранившихся в памяти сородичей обрядов, обычаев, их особенностей, различных жанров фольклора, чтобы через сценическое действо донести до зрителей, вызвав тем интерес, желание изучить, больше узнать об увиденном и услышанном, и, возможно, что-то воссоздать, возродить сначала в себе, своей семье, затем в родном селе и т.д.

Трудно переоценить работу деятелей культуры, литературы, науки. Многие годы настойчиво и успешно пропагандировал песни народов Севера и в их числе песни своего народа заслуженный артист РФ и Республики Саха (Якутия) Кола Бельды, безвременно ушедший из жизни. Благодаря ему мелодии нанайских песен, в которых звучат все душевные струны его соплеменников, услышаны не только в России, но и во многих странах мира. Песни эти записаны на пластинки, компакт-диски, аудиокассеты. В любой семье нанайца они слушаются с большой любовью и удовольствием.

Еще живо декоративно-прикладное искусство моего народа, пусть не в полном объеме, но живо. Об этом свидетельствуют многочисленные и прекрасные работы многих мастеров. Кто не знает имени У Николая, мастера-золотые руки, традиционные изделия из дерева которого по своим этнохудожественным достоинствам высоко ценятся специалистами не только в Хабаровском крае, России, но и за рубежом? Лучшие его работы украшают экспозиции музеев. Известно имя художника-ювелира В.Л. Самара. Всеобщее восхищение вызывают изделия, орнаментированные и вышитые Л.Г. Бельды, Р.Г. Барановой, Ю.Д. Самар, А.А. Самар, которые удостоены чести являться членами Союза художников России. В Союзе художников состоит и Е.А. Киле, чьими талантливыми руками расписаны стены многих центров культуры Нанайского района. В графических работах А.И. Гейкера человек сливается с природой, и именно в этом, по мнению художника, заключается счастье человека. Первым же профессиональным художником стал А.И. Бельды — сын рыбака-охотника, получивший специальное образование в Академии художеств в Ленинграде. Все они дети своего народа, их талант и творчество отражают своеобразие жизни, быта, культуры и искусства его. Об истории нанайского народа повествуют рассказы, повести, романы лауреата Государственной премии им. Горького

Г. Гейкер - нанайская сказительница и мастерица

Фото Натальи ШИПУЛИНОЙ

Г.Г. Ходжера. В них подробно описывается жизнь, быт, обычаи, обряды, традиции нанайцев, показываются нравственные качества героев, характерные именно для людей этого этноса.

Лирика А.А. Пассара проникнута горячей любовью к родному краю, к родным местам, его прекрасной природе, замечательным людям. Произведения Андрея Александровича знакомят со многими обычаями нанайцев, раскрывают их значение в жизни народа.

Множатся ряды писателей и поэтов-нанайцев. Нам известны такие имена, как А.П. Ходжер, Е.В. Самар, В.И. Гейкер, Г.А. Бельды и многие другие. А какой свежестью лексики и душевной чистотой веет от стихов П.К. Киле – прекрасного знатока своего народа, его культуры, философии.

Нельзя не сказать о вкладе ученых-нанай в исследования многих сторон жизни и культуры своего народа. Всю свою жизнь посвятил исследованиям лексики нанайского языка кандидат филологических наук С.Н. Оненко. Результат этой многолетней работы - несколько нанайско-русских и русско-нанайских словарей, в т.ч. академическое издание.

Образные слова нанайского языка – тема кандидатской диссертации Н.Б. Киле. Он серьезно занимался исследовательской работой и в области нанайского фольклора.

Кандидат исторических наук Е.А. Гаер многие годы занимается этнографией, изучает историю и культуру своего народа. «Традиционная бытовая обрядность нанайцев в конце XIX – начале XX вв.» (М., 1991) всесторонне и убедительно рассказывает о таких нанайских обрядах, как промысловые, родильные, свадебные, похоронные. Автор не только излагает то, что она узнала от дикторов, но исследует корни этих обрядов, раскрывает их значение в мировоззрении и миропонимании нанайцев.

Сторонами, мало изученными в развитии коренных народов, занимается профессор, доктор философских наук Ю.А. Самар. Одна из последних его работ посвящена социальному развитию малочисленных народов Дальнего Востока, в которой дан опыт социально-философского анализа *(«Союз», 1996)*.

Неоценим вклад в этнокультуру нанайцев профессора В.Ч. Бельды. Он много сделал для того, чтобы нанайские национальные игры не только были возрождены, но и вошли бы в программу краевых и республиканских спортивных соревнований. Им написана на двух языках, нанайском и русском, книга «Нанай хупини» *(«Нанайские игры», Хабаровск, 1989)*, в которой дано описание 10 нанайских игр с разработкой правил, образцов оформления документов судейских коллегий. Именно ему, В.Ч. Бельды, мы обязаны тем, что в программы факультета физического воспитания Хабаровского государственного педагогического университета включены национальные виды спорта. Во многих школах нанайских сел выпускники этого факультета и академии физкультуры Хабаровска продолжают дело своего учителя.

Все это говорит о том, что в крае проводится определенная работа по возрождению, сохранению и развитию культуры нанайцев, как и других коренных народов. Но, к сожалению, от случая к случаю. Нет целенаправленности, целеустремленности. И в этой связи хочу сказать о необходимости обучения подрастающего поколения родному языку, так как в настоящее время им владеет лишь старшее поколение. А ведь «...пока жив язык народный в устах народа, до тех пор жив и народ». *(К.Д. Ушинский. Собр. соч. т. 2, стр. 557)*.

В пяти районах Хабаровского края — Хабаровском, Нанайском, Амурском, Комсомольском, Солнечном, – в школах сел компактного проживания коренного населения, дети обучаются родному языку. С 2000 — 2001 учебного года предмет введен в школьный компонент базисного учебного плана, что позволило руководителям образовательных учреждений без колебаний ввести учебный предмет в расписание занятий. С этого же периода школы обеспечены программами для 1 — 4-х, 5 — 9-х классов, а с 2002 г. — для 10 — 11-х классов. Это четко определило содержание обучения предмету. Сложнее обстоит дело с учебниками и учебными пособиями. Имеются учебники лишь для начальных и 5 — 6-х классов, для остальных необходимо создавать. В этих целях следует комплектовать авторские коллективы из специалистов по языку, работающих в высшей и средней общеобразовательной школе, заключать с ними трудовые договоры с четким указанием сроков написания конкретного учебника или учебного пособия. В качестве учебных пособий сегодня учителя родного языка могут использовать «Курс лекций по теории нанайского языка» (автор — доцент ХГПУ А.С. Киле), нанайско-русские тематические словари (составитель тот же), а также нанайско-русский и русско-нанайский словари С.Н. Оненко и методические рекомендации «Как изучать нанайский язык?» Г.Н. Оненко.

Обучить детей любому языку только на занятиях в школе трудно. Только комплексный подход к решению этого вопроса может помочь в достижении цели. Способствовать этому будет хорошо поставленная внеклассная и внешкольная работа по родному языку и культуре. Это вечера нанайской культуры, устные журналы, конкурсы знатоков языка, конкурсы стенгазет на родном языке, викторины, встречи с носителями языка — писателями, поэтами, сказителями, мастерами прикладного искусства и т. п.

Опыт отдельных школ свидетельствует о том, что там, где родной язык дети изучают еще в дошкольном образовательном учреждении, их обучение в школе более результативно. Поэтому необходимо создавать комплексы «детский сад – начальная школа – средняя школа», тем самым обеспечивать преемственность в обучении родному языку. Правильно поступают те педколлективы, которые к работе по сохранению культуры коренных народов привлекают родителей учащихся. Поняв значение этой работы, они становятся активными и заинтересованными помощниками учителей. Если в семье разговаривают на родном языке, ребенок без труда овладевает им. В отдельных селах подключается сельская общественность, администрация села, создаются советы старейшин. Там проводят родительские собрания о значении и роли родного языка и культуры, повышают чувство национального самосознания. В таких селах, как Кондон Солнечного района, Нижние Халбы Комсомольского района по инициативе и при активном участии педагогических коллективов местных школ разработаны программы возрождения и сохранения культуры, языка нанайского этноса.

Там работают воскресные школы, где изучают не только родной язык, но и историю села, народа, его фольклор. В сельских учреждениях культуры проводятся выставки произведений мастеров декоративно-прикладного искусства, семейные торжества, связанные с родословной, вечера и конкурсы по таким темам, как «Времена года», «Животный и растительный мир», «Национальные блюда». Большой интерес и активность вызывают в селах спортивные игры по национальным видам спорта. И на всех этих мероприятиях происходит общение участников и зрителей на родном языке.

Так создается информационное поле, или «языковая среда» *(профессор Куликова Л.Н., ХГПУ)*.

Философ Н.А. Бердяев считал «общение средством единения людей, что дает им смысл для саморазвития». *(«Самопознание. Опыт философской автобиографии» – М., 1991, стр. 185)*.

Привлечение к работе по сохранению языка и культуры коренных малочисленных народов широкой общественности, детей и их родителей, властных структур позволяет школе обеспечить комплексный подход к обучению учащихся родному языку и культуре, самим добиться большей результативности в этой важной работе.

Такая всеобъемлющая и четкая по организации и глубоко продуманная по содержанию и цели работа требует наличия в образовательных учреждениях квалифицированных специалистов-учителей по родному языку и этнокультуре. Реальность же такова: эти дисциплины ведут в основном учителя начальных классов и владеющие языком учителя биологии, географии и других учебных предметов. Но они уже в пенсионном или предпенсионном возрасте.

Подготовкой учителей родного языка занимается лишь Российский государственный педагогический университет, куда входит недавно образованный Институт народов Севера (г. С.-Петербург). Ни один вуз Дальнего Востока, в том числе Хабаровского края, педагогов по этнокультурам и родным языкам не готовит, к большому сожалению.

Сложностей и трудностей в работе по возрождению, сохранению и развитию культур и родных языков много, и не только в Хабаровском крае или относительно нанайцев. Но хорошо уже то, что мы повернулись лицом к своим истокам, к своим корням. Говорят, без прошлого нет будущего. И это верно. Я очень хочу, чтобы мой народ, как и все другие, сохранил из созданного многовековым опытом все, способное к жизни и развитию, отсеивая ненужное. Хочу верить, что так и будет.

ВАРАКСИНА Лидия Александровна, *научный сотрудник Госархива Хабаровского края. Коренная дальневосточница, родилась в бухте Терней Приморского края. По профессии библиотекарь-библиограф, по призванию — архивист. В Госархиве Хабаровского края работает около 25 лет. Архив, по ее мнению, это место, куда, придя однажды, возвращаешься вновь и вновь. Он полон тайн и загадок, которые делают жизнь ярче.*

Первый ТУЗЕМНЫЙ СЪЕЗД Дальневосточной области

Автор обложки книги протоколов съезда — художник Никтополион Наумов

На Дальнем Востоке государственное устройство и решение вопросов об улучшении быта коренных народов Севера началось только после окончании Гражданской войны и интервенции, установления власти Советов на местах и образования при Отделе управления Дальневосточного Революционного Комитета Туземного подотдела.

Именно этот орган, который позднее стал называться Комитетом содействия народностям северных окраин, стал активно распространять свое влияние на туземные племена, ведя организационную работу среди туземного населения Дальнего Востока.

«...к началу 1925 года, — как констатировал комитет, — подготовительная работа, дававшая материалы к тому, чтобы наметить все основные мероприятия со стороны органов власти для поднятия культурно-экономического положения туземных племен, была уже закончена, оставалось только привлечь само туземное население к строительству своей жизни, услышать подлинный голос туземца, а этого одними обследованиями и информационными сводками, получаемыми от уполномоченных по туземным делам отдельных районов, достичь было нельзя. Необходимо было созвать съезд туземцев Дальнего Востока и непосредственно от представителей всех многочисленных туземных племен услышать о том, каким образом советская власть может помочь туземцу встать в ряды культурных народов».

Эту задачу и предстояло решить первому туземному съезду Дальневосточной области.

Делегаты съезда у здания Дальревкома

Редкая книга **«Первый туземный съезд ДВО» (протоколы съезда с вводной статьей А. Липского)**, изданная Комитетом содействия народностям северных окраин при Президиуме Дальревкома в 1925 году, хранится в Государственном архиве Хабаровского края. При более внимательном знакомстве с книгой мы можем и сегодня почувствовать, ощутить атмосферу доброжелательности и свободы, царившую во Дворце труда 78 лет назад во время съезда.

В предисловии к книге дан краткий исторический обзор маньчжуро-тунгусских племен бассейна Амура, подготовленный уполномоченным по туземным делам Николаевского района А. Липским, насыщенный ценнейшими сведениями обо всех сторонах жизни тунгусов, богатейшим статистическим и аналитическим материалом.

Ценность книги заключается еще и в том, что в ней скрупулезно, день за днем отражен весь ход работы съезда с деталями и подробностями; с удивительной точностью воспроизведены самобытность, колорит и интонационное звучание эмоциональных выступлений туземцев — делегатов съезда. Чтобы не быть голословной, приведу выступление гольда Алексея Джоскора, делегата съезда, наполненное тревогой и волнением за будущее: *«Сейчас нас на съезд мало съехалось — по два, по три от стойбища, да и то не от всех. Сейчас у нас на*

съезде мы говорим, что все говори, что все это хорошо, что и комсомол нужно, и учиться надо, и женщин надо перестать продавать. А приедем мы домой, кто нам поверит? Кто нам даст возможность все это сделать? Скажут, что вы все это выдумываете. Как нам тогда заставить их послушаться? Нужно, чтобы нам дали отсюда какие-нибудь наказы».

Первый туземный съезд Дальневосточной области проходил в Хабаровске в здании Дворца труда с 15 по 19 июня 1925 года. Именно здесь впервые сумели собраться вместе разрозненные туземные племена, проживавшие в 20-х годах XX века на территории Дальнего Востока. Представители семи народностей Амура: орочены, нивхи, негидальцы, ульчи, тунгусы, нанайцы, якуты, всего 30 человек — 27 мужчин и 3 женщины с правом решающего голоса, избранные своими соплеменниками на туземных районных съездах, приняли самое активное участие в работе съезда. На съезд прибыло более двух третей всех делегатов, имевших право принимать решения по всем вопросам, обсуждавшимся на съезде.

Кроме избранных делегатов на съезде присутствовало 60 человек туземцев-гостей с правом совещательного голоса, приехавших по собственному желанию из близлежащих районов. Это были в основном гольды и орочи с рек Кура, Урми и Тунгуска. Не присутствовали на съезде представители туземного населения Камчатки, так как сообщение с этим далеким краем *«было сопряжено с большими трудностями»*.

Съезд работал в течение пяти дней. В день торжественного открытия съезда делегатов приветствовали представители партийных и советских органов, общественных и профсоюзных организаций, Красной армии. Приведу только некоторые из приветственных речей.

Член Комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме ДРК И. Ф. Федоров, открывая работу съезда «при *переполненном зрительном зале Дворца труда»*, обратился к делегатам и гостям с такими словами: *«Товарищи! Сегодня впервые на Дальнем Востоке, впервые в истории советского строительства под защитой законов Советской власти собрались распыленные по окраинам Дальнего Востока туземные племена для того, чтобы свое дело, свою жизнь строить по-новому и самим — применительно к укладу жизни в тайге, по тундрам и горам».*

«Перед съездом стоят большие задачи, по ним надо вынести четкие решения. И решения эти будут важными и жизненными, потому что их вынесут сами туземцы», — так звучало приветствие Яна Борисовича Гамарника, председателя Дальревкома и Комитета содействия народностям северных окраин.

Делегат съезда гольд Михаил Бельдай (Актанка), приветствуя съезд от Хабаровского туземного района, сказал следующее: *«Советская власть уже много нам дала, она созвала нас и на этот съезд, чтобы узнать, что еще нам нужно и как мы желаем наладить нашу жизнь. Будем всемерно поддерживать Советскую власть»*. А тунгус Пономарев из Забайкальской губернии констатировал: *«Нас выбрали для того, чтобы при поддержке красной власти мы могли обсудить наши нужды и устроить нашу жизнь. Это мы и будем делать»*.

Делегаты съезда; впереди Ганял (Гавриил) Бельдай-Актанка

Следует обратить внимание на то, что многие из присутствовавших делегатов-туземцев не знали русского языка и поэтому говорили на родном языке. В связи с этим на протяжении работы всего съезда переводчики были самыми востребованными. *«Во всех случаях, когда оратор-туземец за незнанием русского языка бывал вынужден говорить на своем родном наречии, он сам выбирал переводчика из числа своих соплеменников, знающих русский язык, учитывая важность точности перевода своей речи»*. И это свидетельствует о том, что каждый делегат хотел, чтобы его услышали, а самое главное — правильно поняли.

Затем, как и полагалось по регламенту, по предложению уполномоченного по туземным делам Амурской области т. Иванова были посланы телеграммы председателю ЦИК М.И.

Сидят (слева): тов. Палаган Аюмкан; секретарь Прим. губ. Бюро РКП (б) т. Пшеницын; председатель ДБ ВЦСПСа т. Брискин; стоит — председатель Дальревкома т. Гамарник; делегат съезда т. Диодоров; начальник погранвойск т. Альпов и делегат съезда т. Пономарев

Туземцы с подарками (справа ульчи)

Калинину и председателю Комитета содействия народностям северных окраин при ВЦИК П. Г. Смидовичу.

После приветствий делегатам съезда были торжественно вручены берданки с подсумками и патронами, портреты Ленина и значки с его изображением, а также литература.

Председатель съезда Я. Б. Гамарник, закрывая торжественное заседание первого дня работы съезда, выразил уверенность в том, что берданки, подаренные туземцам для *«добывания средств пропитания»*, будут использованы ими *«для борьбы против тех, кто посягнет на завоевания революции, так как туземцы хорошие стрелки»*.

В последующие дни съезд заслушал доклады уполномоченных по туземным делам в районах ДВО *«о работе среди туземного населения, среди туземных женщин и молодежи, о судоустройстве туземцев Дальневосточной области, об организации органов туземного управления и туземной кооперации, о работе Центрального статистического управления среди туземцев и многие другие жизненно важные вопросы, касающиеся государственного устройства туземного населения (здравоохранения, ветеринарии, народного образования, охоты, рыболовства, оленеводства)»*.

Екатерина Удинкан

Гольды в Дальревкоме; среди гольдов председатель Дальревкома Я. Б. Гамарник и заведующий туземным Подотделом И. Ф. Федоров

Так, из доклада уполномоченного по Хабаровскому туземному району т. Гайдука узнаем, что

«район относится к охотничье-рыболовному с зачатками огородничества. В нем проживает всего 5748 человек и около 200 человек кочевых тунгусов, кочующих по тайге в районе с. Карги. По своему племенному составу туземцы распределяются так: гольдов 3940 чел., удэхэ 1681 чел. (ороч Сихотэ-Алиня), тунгусов 313 чел. И 14 человек якутов. Гольды и орочи занимаются охотой и рыболовством, тунгусы — охотой и оленеводством, а якуты — рыболовством и скотоводством. Но главным образом — торговлей...

В обследованных поселениях каждое семейство имеет земельный участок и занимается огородничеством, причем садят преимущественно картофель».

Из доклада т. Липского, уполномоченного по Николаевскому туземному району, следует, что *«в пределах туземного района в границах Николаевского уезда проживает всего 5286 человек туземцев, в том числе: гиляков 2493, тунгусов 1237, ульчей 759, негда 400, гольдов 240, орочей 157 человек»*. Подробно характеризуя все аспекты жизни туземных хозяйств, он делает особый акцент на изменении производственных основ жизни туземцев, а именно на появлении в их деятельности земледелия в форме огородничества. *«Правда, здесь мы видим в наиболее ярко выраженной форме и наиболее примитивную стадию развития этого вида хозяйства. Под давлением нужды и сторонних культурных влияний пришельцев в край туземцы — и гиляки, и ульчи, и негда, и даже небольшая часть тунгусов — переходят к земледелию, усваивают и этот вид в достаточной степени тяжелого труда, но явно более надежно гарантирующего от случайностей, связанных исключительно с промысловой жизнью»*, — отмечает докладчик.

Аналитические и статистические сведения звучали во всех докладах уполномоченных по туземным делам. Но не всегда предложения уполномоченных находили у делегатов-туземцев и гостей положительный отклик. Например, предложение т. Гайдука, уполномоченного по туземным делам Хабаровского района, о «необходимости отказаться от заготовки юколы и перейти к засолке рыбы» вызвало целый ряд эмоциональных выступлений делегатов съезда. Так, гольд Николай Тумали заявил: *«Мы должны соблюдать свои интересы и сказать, что нам нужно. Нам говорят, что мы должны перестать делать юколу и солить рыбу, но нам нельзя прекратить делать юколу. Без нее нам нельзя будет на охоте самим кормиться и кормить собак»*.

А Михаил Актанка не без иронии добавил к сказанному: «*Никто из русских охотников не берет с собой на охоту хлеба, а берут сухари, потому что они легче. Вот и туземец вместо рыбы берет юколу, а не соленую рыбу, а потому туземцу прекратить ее делать никак нельзя. Кроме того, с соленой рыбы на*

охоте сильно будешь хотеть пить, а это гибельно для охотника».

Очень остро обсуждался вопрос о гибели лесов от пожаров, который и сегодня также злободневен, как и в начале прошлого века. *«До 70 процентов истребляемого ежегодно леса падает на лесные пожары, уничтожающие лесные богатства, и только 30 процентов используются с пользой. В связи с этим необходимы срочные меры по охране леса»,* — отмечал в своем докладе т. Иванов, уполномоченный по туземным делам в Амурской области. На это выступление гольд Гавриил Актанка в сердцах, не выходя к трибуне, спросил у присутствующих в зале: *«А кто огонь пускает? Гольд, тунгус, орочен, якут, все на месте живут, ни один из них огня не пускает. Никто не будет себе палить, своего зверя палить. Никто не будет огонь пускать. Только китайцы и корейцы да русские огонь пускают».*

Обсуждая вопросы, связанные с судоустройством туземных племен Дальневосточной области, делегаты предлагали организовать свой суд «маленьких дел», а говоря *«о кооперировании туземного населения»,* считали необходимым *«создавать свою собственную туземную кооперацию — она, безусловно, необходима и без нее не обойтись».* Положение туземной женщины волновало не только самих женщин, но и мужчин, пожалуй, в не меньшей степени, потому что туземных женщин с *«большой охотой брали в жены корейцы и китайцы».* От имени всех гольдских женщин Екатерина Удыкан обратилась к представителям власти с убедительной просьбой: *«Установить порядок, как у русских, чтобы женщины выходили замуж по своему согласию и без продажи их, чтобы девочки не выдавались замуж до тех пор, пока не вырастут».* А Николай Тумали, делегат от туземцев Ульчского подрайона, обратил внимание съезда еще на один важный вопрос: *«Есть у нас среди туземцев шаманство, и этот вопрос я считаю больным. Почему? А потому, что шаманство есть обман, так же, как и попы. Кроме того, шаманство делает много вреда для народа, для туземцев особенно — народ они темный и верят в большинстве шаманам, а не верят врачам и фельдшерам».*

В процессе работы съезда были намечены мероприятия, обеспечивающие охрану рыбных, охотничьих и лесных богатств в крае и упорядочение пользования ими. Съезд *«признал своевременным и необходимым от промысла лососевых перейти к промыслу частиковых рыб».* В целях охраны пушного зверя провести запуски (временный запрет на охоту), и в первую очередь на соболя. Организовать зверопитомники. Для упорядочения охотничьего промысла и в целях организации правильного снабжения туземного населения оружием и охотничьими припасами объединить туземцев в кооперативно-промысловые союзы охотников.

Делегаты съезда: Палаган Аюмкан (метис негда с гиляком), Хутэвих (гилячка из селения Чарбах)

Съезд принял постановление об усилении медицинского обслуживания, о школьном строительстве и об организации культурно-просветительской работы. *«Наиболее подходящим и жизненным типом школ, способных поднять не только культурный уровень, но и экономическое положение туземного населения, было признано комплексное учебное заведение, например, училищно-медико-кооперативное, при котором должно быть общежитие для детей, заезжий дом для родителей, фельдшерский пункт, склады для огнеприпасов и мехов, лавка с предметами туземного обихода и небольшие кузнечные, столярные и бондарные мастерские».* Для работы с взрослым населением решили открыть *«пункты по ликвидации неграмотности или агитпункты, в которых должны вестись работы по линии комсомола, женотдела и детских коммунистических групп».*

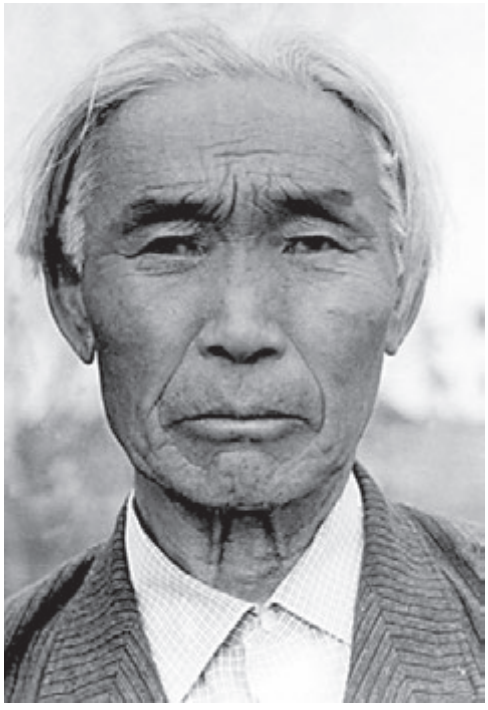
Николай Тумали

19 июня 1925 года первый туземный съезд Дальневосточной области закончил свою работу. Делегаты и гости разъехались по своим стойбищам с надеждой и верой в то, что *«Советская власть будет им во все помогать, а они будут поддерживать Советскую власть на местах».* Проблемы, обозначенные на съезде, во многом остались нерешенными и сейчас. Их актуальность не вызывает сомнения, как и 80 лет назад. Несмотря на тяжелое положение коренных народов Дальнего Востока, они по-прежнему живут на своих исконных землях, сохраняют свою уникальную, неповторимую культуру и язык. Но несомненно одно: без поддержки местных властей, правительства России, а также общественности, без создания для них *«режима наибольшего благоприятствования»* как в политике, так и в экономике и культурном строительстве их решить невозможно.

Тов. Яхонтов

Юные пионеры

В фольклоре нанайцев начало начал духовности — осмысление аборигенами своего места в мире, попытка понять роль культуры и искусства в жизни человека. Проходят столетия, но нанайский фольклор не теряет своей мудрой философской ясности, утренней свежести, первозданности, духовного величия. В нем совмещаются разные по исторической глубине художественно-эстетические пласты как связующее дыхание эпох. Этот фольклор – наиболее высокая точка удивления в духовной культуре нанайцев.



ГОНТМАХЕР
Петр Яковлевич,
доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории культуры Хабаровского государственного педагогического университета, член-корреспондент Международной академии наук высшей школы. С 1989 года заведует проблемной лабораторией по изучению языков и культуры коренных народов Приамурья. Является членом трех диссертационных советов по присуждению ученой степени доктора педагогических и доктора исторических наук. В активе П.Я. Гонтмахера 11 монографий (из них 5 коллективных) и около 200 научных статей. Профессор имеет свою научную школу, которую представляют аспиранты — этнографы, культурологи, историки, искусствоведы. П.Я. Гонтмахер — автор трилогии «Нанайцы», «Нивхи» и «Ульчи», которая отражает наиболее важные проблемы духовной культуры коренных этносов Дальнего Востока.

Сократ из Найхина

Фольклор — это не только мифы и предания, сказки и легенды, это и образные выражения, рассказы-случаи, поговорки, пословицы, загадки, повествования о различных нормах права и т.д.

Среди стариков-нанайцев, которых я знал, выделяется фигура одного из выдающихся людей Амура, человека, которого в молодости знали И.А. Лопатин, несколько позже В.К. Арсеньев, А.Н.Липский, А.П. Путинцева. Мимо его дома в Найхине не проходили самые видные историки, этнографы, писатели и поэты-северяне Е.П.Лебедева, Ю.А.Сем, А.В.Смоляк, Л.И.Сем, Г.А.Отаина, О.П.Суник, Е.А.Гаер, Н.Б.Киле, Г.Г.Ходжер, А.А.Пассар и многие другие.

При наших встречах с Полокто Киле я чувствовал, как он старается передать все самое главное, сущностное в легенде или сказке. Поздно вечером, когда он рассказывал миф или предание, у него был такой вид, будто внутри него остается что-то невысказанное, что определяет главную линию повествования. Казалось, Полокто хотел высказать это глубокое чувство невысказанности тютчевскими словами: мысль изреченная — есть ложь. Может быть, поэтому он часто делал паузы, рассказывая сказку, в том месте, где, на первый взгляд, ее не должно быть. Эти паузы были не пустыми, а «говорящими», «объемными». Они были наполнены духовным смыслом, часто выполняя роль организующего начала сказки или легенды. Слушатели всегда ощущали огромную внутреннюю работу, которую проделывал сказитель. Вероятно, внутренняя работа в определенной степени выстраивала «мысль изреченную» так, что она обретала новую, вторую жизнь.

В одной из тетрадей видного филолога В.А.Аврорина есть запись, относящаяся к экспедиции 1948 года. Эта запись сделана от Полокто. Приводим ее фрагмент: «Хорошим сказителем является тот, кто рассказывает все по порядку, не путает и ничего не пропускает, плохой сказитель имен не называет, не именует ни мэргенов, ни слуг, никаких подробностей не рассказывает, знает только скелет нинмана или тэлунгу. При рассказывании спотыкается. В Хого хорошим сказителем был Онинка Акиану, хотя и немного заикался. В Даде — Онинка Куню. И нингманы, и тэлунгу рассказывали больше зимой, когда ночи длинные и меньше работы».

Полокто был удивительным человеком. Память его хранила сотни легенд и преданий, сказок и пословиц, поговорок и загадок. Он с легкостью определял погоду на завтра, умел читать следы зверей. А это так необходимо рыбакам и охотникам. Он знал не только нанайский и ульчский языки, но и прекрасно владел китайским. Полокто Киле был просто энциклопедистом: он пел и рисовал, был прекрасным резчиком по дереву, знал символику орнамента, помнил десятки народных игр, обрядов и обычаев.

Особенно хочется отметить талант П.Киле-сказителя. Ведь без них — сказителей — легенды, предания, сказки просто умерли бы, исчезли. Одну сказку или легенду он мог рассказывать по пять и более часов, иногда же мы слушали его легенды на протяжении нескольких ночей с небольшими перерывами. В свободное время он, ко всеобщему удовлетворению, представлял, инсценировал сказки не только на досуге, но и непосредственно на охоте или морском промысле.

Композиционно рассказанные Полокто легенды и сказки словно строились по правилу золотого сечения, в них целое так относилось к своей большей части, как большая к меньшей. Нет, это не преувеличение. Это редкий дар чувства устного слова, его духовной значительности и наполненности.

Полокто Киле обладал необычайной энергетикой слова. Вероятно, потому, что он умел слушать природу, хорошо знал ее язык, умел слушать соплеменников, умел у них многому учиться.

Дарованный природой абсолютный слух давал особый дар образного мышления, дар яснослышания вселенной и человека.

Искусство слова помогало П.Киле лепить фольклорные образы как маститому художнику: без особой подготовки, сохраняя их народную основу. Это был мастер. Его творения рождались из волшебного слова благодаря мышлению в образах.

Возможно, свой талант Полокто унаследовал от своих родителей – отца Лигэ Киле и матери Бэди Онинка. О них в свое время знали в каждом стойбище. Лучше их (особенно Онинка Бэди) никто не мог рассказывать сказку, предание, рассказ-случай.

По законам фольклорной драматургии Добро в сказках Полокто Киле всегда побеждает Зло. В моем архиве хранится ряд преданий и сказок, подтверждающих эту закономерность.

Запомнились песни Полокто Киле, грустные и задумчивые. Они были о любви и счастье, о красоте человеческих поступков, о верности в дружбе. Полокто часто уходил в лес, который был рядом с домом, и под шум листвы пел свои личные, отмеченные необычным тембром и диапазоном философские песни. Его родственники и друзья старались ничем не нарушать его пение.

Полокто Гаврилович «пересыпал» свою речь образными словами, пословицами и поговорками, часто цитировал своих мудрых предков. Фридрих Ницше в свое время сравнивал афоризмы, образные и меткие слова со стрелами. К народам Приамурья это подходит особенно точно, ведь их жизнь в прошлом и в настоящем связана, в буквальном смысле слова, со стрелами.

У читателя может сложиться впечатление, что Полокто был каким-то особым человеком, что ему были не свойственны человеческие слабости и недостатки. Нет, он был самым обыкновенным человеком, в быту очень простым и мягким. Охота была его страстью. Он был обычным, нормальным человеком, но... немного тоньше, умнее и, главное, мудрее тех, кто его окружал.

Мудрый Полокто Киле всегда восхищал всех, кто его знал. Почему-то захотелось сравнить его с Сократом. Да и лицо у него было полно какой-то философской осмысленности. Сократ из Найхина остался в нашей памяти. Наверно, в Найхине, Троицком или Даде (здесь П.Киле жил в 40-е годы) было бы справедливо назвать улицу его именем. Это будет улица нанайского Сократа, сделавшего очень много для своих соплеменников... и не только для них.

Философия танца

Сколько лет танцу? Вероятно, больше, чем узору и даже песне. Первые танцы, скорее всего, были обрядовыми. Танец органически связан с трудовыми процессами, он в определенном смысле является слепком природы. Любое движение того или иного танца ульчи подсматривали в природе. Полет чайки, движение рыбы и нерпы – во всем жизнь природы, окружающего мира.

Танец – это хрустальный мир, вобравший в себя не только традиции этноса, но и порывы его души, самые глубинные слои его этноментальности. Подобным исследователем танца был Петр Дечули.

С замечательным знатоком ульчской культуры Петром Леонтьевичем Дечули меня в начале 70-х годов познакомила музыковед Н.А. Соломонова. Это был небольшого роста красивый человек. Его лицо светилось какой-то особой, присущей только ульчам добротой. Мы разговорились. Я был поражен его обширными знаниями в области поэзии, теории танца, философии, живописи и т.п. Кажется, в это время П.Л. Дечули еще работал библиотекарем. Он мог часами рассказывать об известной всем Айседоре Дункан, гениальном теоретике театра и танца Гордоне Крэге, творчеством которого восхищался К.С. Станиславский, об исследователе танца Л.Д. Менделеевой, жене великого Александра Блока... Крэг один из первых писал о разгадке тайны движения вообще и тайны движения танца. В работе молодого театроведа А.П. Соломо-

нова я прочитал: “А. Дункан всю свою жизнь мечтала о настоящем танце, преображающем и освобождающем человечество. Наступит время, и человек в танце обретет утраченную гармонию со Вселенной. Танец будет частью ее вечного ритма. Человек может через танец выразить живущие в нем великие чувства. Тогда тело станет послушным языком души и сможет выразить величие души человека. И танец вновь обретет то священное значение, которое он имел в далеком прошлом”. П.Л. Дечули в своем творчестве стремился соединить замечательную пластику танца прошлого и дыхание его современных черт. Он любил повторять слова А. Дункан: “Танец будущего – это танец далекого прошлого”.

В каком-то смысле танец прошлого Дечули мог изучать по тем его образцам, которые он видел непосредственно в жизни, ведь ульчи во многом сохранили танцевальный ритм прошлых веков, дыхание того танца, которое было знакомо их предкам и многие столетия тому назад.

В ульчских танцах, поставленных П.Л. Дечули, были использованы те глубокие знания о природе танца, которыми владел Мастер. Н.А. Соломонова приводит этнографическое описание двух танцев Дечули.

Первый танец называется “Коромысло не мужское дело”. “В прошлом, — рассказывает Петр Леонтьевич, — существовал обычай, по которому только женщины носили воду, но некоторые молодые люди пытались помочь своим возлюбленным, брали у них коромысла. Правда, без привычки у них это получалось неуклюже и комично. Кроме того, это делалось скрытно, незаметно для окружающих, иначе бы их высмеяли. Девушки с сожалением смотрели на неловкость парней и старались им помочь. Так получалось, что возлюбленные несли воду вместе. Им было весело и легко”. Эти этнографические штрихи легко и пластично вошли в канву танца П.Л. Дечули. Танец получился каким-то светлым и солнечным, жизненным и утверждающим добро и любовь.

В другом танце —“Пондо” — прославляются народные мастерицы-вышивальщицы, умелые обработчицы рыбьих шкур. В движении танца, в его ритме отражен процесс работы умельцев. Сопровождает танец незатейливая, несколько кокетливая народная мелодия, как бы выражающая любование мастериц своей работой. Этот танец демонстрирует талантливость ульчского этноса, их национальную эстетику, любовь к узору, к вечному стремлению познать красоту.

Можно приводить описание десятков танцев, поставленных замечательным хореографом-ульчем, нашим современником П.Л. Дечули, и все равно будет трудно передать тот настрой, ту духовную наполненность и образ мыслей, которые помогали ему выстроить особую систему танца. Эта система своими корнями уходила в прошлое, но оживала только в контексте сегодняшних дней. Эта система П.Л. Дечули.

Петр Леонтьевич часто цитировал мысли великих людей о культуре, искусстве, танце. Однажды он сказал: «Чувство ритма имеет природное, биологическое происхождение (дыхание, биение сердца и т.п.). Оно усиливается при различных трудовых процессах (яркий тому пример – многократно повторяющиеся движения при выделке шкур)».

Я до сих пор не знаю, кому принадлежит это высказывание. А может быть, это его мысли. Наверное, немногие знали, что П.Л. Дечули обладал прекрасной памятью. Он цитировал многих поэтов, писателей, философов. Впрочем, многие аборигены Амура также обладали отличной памятью. Я вспоминаю своего друга нанайца доктора философских наук Ю.А. Самара, он наизусть читает большие отрывки из книг М.А. Шолохова “Поднятая целина” и “Тихий Дон”.

Видимо, знание теории танца значительно помогло П.Л. Дечули в его творческой лаборатории по построению концепции ульчских национальных танцев. Я бы очень хотел, чтобы об этом он также написал в своей книге об ульчских танцах, книге, которую он мечтал написать...

Может быть, П.Л. Дечули помогало в его работе то, что он обладал философским мышлением. Вообще он был философом от природы, и это как бы пронизывало все его творчество. К сожалению, Петр Леонтьевич Дечули не успел написать книгу о танцах. Но и то, что он оставил нам в своем творчестве, — богатство, которое мы должны беречь.

Елена ГЛЕБОВА
Фото автора

Не тревожьте **МУДРЫХ БОГОВ**

Время… время… Стрелки твои то мелькают в неуловимом ритме, то вдруг погружаются в тягучее пространство. Уходят старики, уходят тайны ремесел, уже не так сочно звучит язык аборигенов, утрачиваются многие его значения. Но то, что называют народной мудростью — обрядовая культура, поверья, приметы, — остается жить по сей день. На уровне генетической памяти современные аборигены продолжают чтить своих богов, побаиваются их гнева и задабривают подарками.

Так сложилось, что последние несколько лет были наполнены командировками по национальным селам Дальнего Востока. Мне выпали счастливые встречи с жителями глубинок, мастерами, сказителями, этнографами-энтузиастами. Со временем на страницах моего «походного» блокнота вперемешку с заметками о народных праздниках, умельцах и значениях орнаментов появилось множество загадочных, а порой вообще необъяснимых историй. По сути, это отдельный пласт современной обрядовой культуры, над которым, возможно, еще предстоит поразмышлять ученым.

Священные камни

Петроглифы на огромных валунах вблизи села Сикачи-Алян Хабаровского края для местных жителей не просто уникальный археологический памятник, а прежде всего культовое место их предков. Сюда их прадеды и деды приходили просить «кэси» — удачу. Впрочем, и сегодня, когда, скажем, местному ансамблю предстоит участвовать в каком-либо фестивале или конкурсе, находится время прийти на камни и поклониться духам.

Помню, как несколько лет назад меня впервые привезли к петроглифам на моторке. Эту часть берега местные называют Гасяном. Одна из моих спутниц, коренная жительница села, предусмотрительно захватила с собой красное вино и, как только мы ступили на берег, окропила им землю и попросила у духов прощения за наш непрошеный визит. Очень важно правильно вести себя в таких священных местах. Старые люди говорят, что нельзя громко разговаривать, бросать камни и вообще не стоит хозяйничать.

Светлана Николаевна Оненко, учитель истории в сикачиалянской школе, часто приходит в Гасян. Она знает легенды и предания, связанные с тем или иным изображением, и даже чувствует энергетику камней. Каменная галерея начинается

На изображение космического лося можно положить руки и попросить здоровья. На фото третья слева — С. Оненко, историк

с черепообразных личин. Считается, что они источают отрицательную энергию и как бы «чувствуют» людей с неустойчивой психикой. Совсем иначе дело обстоит с космическим лосем — знаменитым петроглифом, начертанным на большом валуне со срезанной верхушкой. Лось символизирует у народов Сибири и Дальнего Востока Вселенную, это их мир — бесконечный и прекрасный, как та спираль, орнаментирующая тело животного. Лось, кроме того, считается лечащим. Люди, приходящие к нему, кладут на изображение руки, просят здоровья, а иногда просто ложатся на камень больным местом. Но перед этим, конечно же, нужно попросить прощения и принести дары — спиртное, сигареты.

Таким же «серьезным» по энергетике местом считается скала между Сикачи-Аляном и Малышевым, где расположен каменный ансамбль: старуха и семеро ее дочерей. За спиной у каменного изваяния старухи — идол, а перед ней — котел и надгробная плита. Увидеть скульптурную композицию можно лишь в определенный час дня, когда солнце падает под особым углом и обрисовывает контуры героев старинной легенды. Считается, что старуха указывает путь в царство мертвых.

Светлана Николаевна Оненко рассказала, что это тесно связано с самим названием села. Прежде оно звучало как Сакачи-Алян. «Сакачи» с нанайского переводится как «знали, вызнавали». «Алян» — черта или грань между царством мертвых и живых. Таким образом, Сакачи-Алян — место, где люди знали границу между двумя мирами.

Рядом с каменным комплексом находится небольшая пещера, которая и считается входом в царство мертвых. С пещерой также связано немало легенд и преданий. Сюда в прежние времена приходили люди, чтобы испытать судьбу. Для этого нужно было зайти внутрь пещеры. Если стены сомкнутся и человек дотронется до них, значит, жизнь его не обещает быть легкой и долгой, а если пройдет, не заденет стен — напротив, все сложится удачно.

Каменную старуху местные жители ласково называют бабушкой. Прежде, когда в Сикачи-Аляне не было магазина и за продуктами ездили в Малышево на лодках, на обратном пути всегда причаливали к «бабушке», били ей поклоны, давали дары. И бабушка, и мама Светланы Николаевны Оненко, и предки сегодняшних сикачиалянцев всегда так

делали. Но когда строили дамбу, разрушили четырех «дочерей»: взорвали изваяния и увезли камни на стройку. Старики сказали тогда, что так просто это не сойдет с рук, будут погибать люди. И правда, многие жизни унесла в дальнейшем построенная дамба.

Тайны сопки Дракон

Нанайское село Кондон как бы отгорожено большой извилистой сопкой. Ее называют Кондо-сопка. В переводе — дракон. Старая легенда рассказывает, что летел когда-то над этими местами Дракон, устал и прилег отдохнуть за рекой Девяткой прямо напротив села. Долго спал, лет сто, наверное, а когда проснулся, уже не смог подняться. Березы и кустарники, выросшие на его теле, прочно приковали к земле. Вот и спит Дракон по сей день, храня свои тайны. Но сон у божества чуткий: Дракон все видит и замечает.

Старожилы уверяют: сопка эта священная, а ее изголовье — особенно. Считается, что магия «головы Дракона» настолько сильна, что не следует даже ходить туда, шуметь, трогать камни, чтобы не нарушать покоя божества. Встарь здесь совершали обряды жертвоприношения, молились богам. Сегодня, конечно, этого нет, и все же, отправляясь на соревнования или фестиваль в краевой центр, кто-нибудь из команды или ансамбля обязательно идет к «голове» и просит удачи.

Поговаривают, что у Кондо-сопки есть хозяева — старик и старушка. Одна местная жительница, бездетная и потому несчастная, увидела как-то сон. Будто приходит к ней старушка-хозяйка, берет за руку и ведет к сопке. Там — вход в жилище. Вошли и оказались в нанайской избе с теплыми завалинками-канами и вышитыми коврами. На топчане сидит дедушка-хозяин, трубочкой попыхивает. Стала расспрашивать старушка женщину о ее печалях, стала успокаивать: мол, все будет нормально, пойдут еще дети. С тем и проводила женщину. А через какое-то время в этой семье действительно пошли дети.

Есть еще одна история, связанная с рождением детей. Где-то под Комсомольском-на-Амуре жила бездетная женщина. Уже почти отчаялась она и обратилась к шаману. Тот сказал, что детей, а точнее, их души, ворует у нее злой шаман. И посоветовал ей вышить спинку халата особым образом: на ветви большого Древа жизни «посадить» птичек — символ души неродившегося ребенка, рядом вышить маленькое засохшее дерево — того злого шамана. Здесь же нужно было расположить самого злодея, а рядом — храброго охотника, который поражает шамана меткой стрелой. Следуя этим инструкциям, женщина корпела над вышивкой и сделала все, как было ей сказано. В итоге, «проиграв» мистический сюжет на спинке национального халата, изменился расклад реальной жизни: у женщины родились один за другим трое детей.

Но вернемся к таинственной Кондо-сопке, о которой рассказали совсем уж мистическую историю местные учителя. Несколько лет назад приехала в Кондон бригада армян строить жилые дома. Чтобы сэкономить на материале, решили для фундамента использовать камень с Кондо-сопки. Старики возмутились и предупредили о грядущих бедах, но кто бы стал слушать мистические разговоры во времена, когда напряженка с жильем? Вместе с армянами работала бригада местных мужиков, скажем так, отчаянных. В общем, часть сопки порушили, дома возвели, заезжие строители вернулись домой. Но когда спустя время в Армении случилось землетрясение, старики, кивая в сторону Кондо-сопки, качали головами: «Духи наказали...»

Местных мужиков, которые трудились с армянами, ждала не менее трагическая участь. Как-то их бригада ехала на машине, и на железнодорожном переезде они столкнулись с поездом. Погибли все. В тот трагический момент с ними не было лишь двоих из строителей. Но и те не избежали гнева свыше. Одного позже придавило трактором, другой застрелился.

Но есть у сопки и добрые тайны. Раньше, когда у женщины случались трудные роды, ее отвозили в «хвост» Дракона, и сопка облегчала ей страдания. А еще сопка хранит это древнее нанайское село: цивилизация не слишком агрессивно проникает в здешние места, народ живет сносно и, что самое главное, дух его не теряется.

Таинства северных мастеров

Для коренных жителей Севера вырезанные из дерева амулеты, вышитые ковры и халаты — по-прежнему прямая связь с духами, которые могут послать удачу, излечить от недуга. Чтобы амулет «работал», его обязательно должен освятить шаман. Однако и сам мастер, прикасаясь резцом к дереву, тоже вступает в диалог с потусторонним миром.

Юрий Куйсали — директор этнографического центра, с. Булава, Ульчский район Хабаровского края

В нанайской деревне Сикачи-Алян Хабаровского края сегодня многие мужчины делают сэвэнчиков: фигурка с ножкой — от больных суставов, с отверстием посередине — от недугов желудка, лягушка, сидящая на сундуке, — тоже от живота помогает. Правда, эти «народные препараты» продают в основном туристам. Нужно ведь как-то кормить семьи.

Один местный мастер стал особенно удачлив: его амулеты шли нарасхват. В основном вырезал их по ночам, закрывшись в тесном сарайчике, приспособленном под мастерскую. Но однажды с ним произошел невероятный случай, который положил конец сувенирной деятельности. Острый резак, как будто приподнятый рукой невидимки, вдруг поднялся вверх примерно на метр и со всего размаха воткнулся в столешницу. Мастер без раздумий принял это за знак свыше: сэвэны не на шутку рассердились. С тех пор как бы его ни уговаривали, амулеты не делает. Только мебель по европейским образцам.

Еще одну историю рассказала известная мастерица из Комсомольска-на-Амуре. Раньше, отправляясь за берестой для туесов в лес, нанайцы уходили как можно дальше от жилья, потому что практически возле каждого дома было особое дерево, которому поклонялись. В один из дней собралась она вместе с мужем за этим необходимым материалом. Углубились в березняк, нарезали вдоволь берестяных пластин, но к вечеру, когда вернулись, мастерице вдруг стало плохо. Поднялась температура, и ... стал распухать язык. Ночь прошла в бреду, и сквозь забытье словно кто-то нашептал: нарушила табу мастерица, бересту взяла в запретном месте, разгневала духов.

Утром, еле держась на ногах, она купила живую курицу, захватила связки березовой коры и отправилась на то самое место, где еще вчера радовалась удачному сбору материала. Как когда-то делали ее предки, совершила обряд жертвоприношения, окропила кровью курицы стволы берез и положила у корней срезанную бересту. И вот чудо — почти сразу распухший до неузнаваемых размеров язык принял прежние формы, температура спала. Позже женщина узнала, что на месте того березняка находилось когда-то старое нанайское кладбище.

Мастер из села Булава Ульчского района Иван Павлович Росугбу вырезает из дерева скульптурные композиции, занимается берестографикой и линогравюрой, участвует в выставках. Но есть у него несколько работ, которые он никогда не выставит на всеобщее обозрение и не продаст ни за какие деньги. Прежде всего это шаманские образы. Иван Павлович чтит традиции своих предков, для него это естественная часть жизни. Даже сегодня, когда на дворе XXI век, к нему приходят односельчане, и он вырезает для них сэвэнов, ритуальную стружку для шаманских камланий. Платой за такую работу служит кусок ткани или посуда — это обязательное условие.

Проделки потревоженных сэвэнов

Говорят, когда-то в Сикачи-Аляне жил сильный шаман. О его особом даре можно судить по мощным железным рогам с множеством ответвлений, которые надевают во время камлания, и большой птице Кори, на спине которой шаман переправлял души покойных в царство мертвых — буни. Эти таинственные атрибуты сегодня хранятся в маленьком школьном музее и вызывают зависть этнографов из Хабаровского краеведческого музея. «А вы знаете, здесь так страшно по ночам бывает, — обратилась ко мне местная учительница Жанна Михайловна Актанко, когда я рассматривала почерневшую от времени шаманскую птицу. И рассказала, как ей пришлось однажды дежурить за старшего сына — школьного сторожа. Еле дождалась женщина наступления утра. Всю ночь из кабинета, где находится музей, доносились странные шумы. Будто кто-то ходил, вздыхал, вскрикивал. Сын же ничуть не удивился: такой концерт — каждую ночь. Похоже, парень не слишком боится встречи с духами.

Но вот детей из школы-интерната села Найхин сэвэны напугали всерьез. Собирая экспонаты для своего этнографического музея, ребята притащили из леса деревянных растрескавшихся от дождей и ветра идолов. Коллекция в итоге получилась замечательная: ею вполне гордился бы даже крупный

Коллекция ритуальной скульптуры этнографического музея, с. Булава, Ульчский район Хабаровского края

музей. Вот только в интернате стали происходить загадочные вещи — шумы, шаги, голоса. Кто-то слышал жалобный плач, кто-то уверял, что видел призраков. Дети стали просто-напросто обходить стороной свой музей, а медикам показалось, что ребятня стала чаще болеть.

Как рассказал учитель истории Максим Петрович Бельды, в том месте образовалась какая-то мистическая зона. Не зря старые люди говорят, что нельзя держать в доме сэвэнов — шаманы ведь «загоняли» болезни и прочие людские проблемы в деревянных божков. Но кто бы мог предположить, что гордость найхинского интерната принесет столько неприятностей? Максим Петрович заметил: дерево — материал восприимчивый, легко впитывает энергетику — хорошую и плохую. На этот счет вспоминается командировка в ульчское село Булава, где однажды пришлось выйти на улицу поздно вечером. Бабушка Вера, прежде чем меня отпустить, сунула в мой карман щепку от полена. Объяснила, что это частица домашнего очага, а значит — оберег от всего дурного.

А вот деревянные сэвэны из интерната Найхина были «живыми». Причем они оказывали неблагоприятное воздействие на окружающих. Поэтому педагоги пригласили из села Троицкого — центра Нанайского района — директора местного музея Ларису Пассар, и она увезла эту уникальную, но проблемную коллекцию.

Сама она, в свою очередь, тоже натерпелась от зловещих экспонатов. Как-то, решив привести в порядок музейные фонды, Лариса Петровна провела инвентаризацию. В течение трех месяцев она скрупулезно описывала каждый экспонат, брала в руки деревянные фигурки божков, вертела их в руках, каждому присваивала номер. А когда покончила с делами, тяжело заболела. Ее выкарабкалась, говорит. Однако болезнь свою объясняет просто: сэвэны наказали.

В ульчском селе Булава тоже есть свой музей и хорошая коллекция ритуальной скульптуры из дерева. Но там не допускают гнева богов и всячески их задабривают. Старая шаманка — бабушка Индяка — первый советчик для директора музея Юрия Куйсали. Во-первых, она научила его совершать обряд кормления сэвэнов. Во-вторых, определила, какие из них «живые», какие — «мертвые», и последних сказала похоронить тоже особым способом. Может быть, потому музей в Булаве не зловещее место, а творческий центр для местных мастеров и танцевальных коллективов.

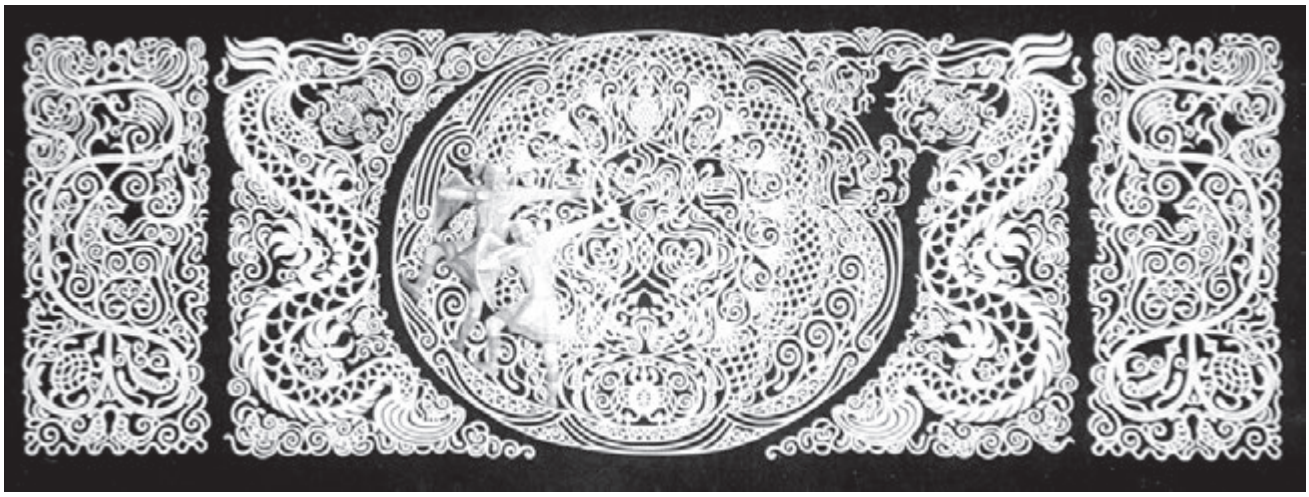
Подарки для привередливых хозяев

Если вы оказались в доме аборигенов Севера, никогда не отказывайтесь от угощения. Иначе хозяева пострадают от «хуни». Это что-то очень недоброе. Когда северяне собираются осушить чарку, обязательно плеснут первую рюмку в огонь — духу Подя. А эвенк еще и кусок мяса бросит в пламя, потому что Подя — покровитель охотников. Ульчи «чектырят»: складывают пальцы щепоткой и разбрызгивают вино на четыре стороны — тоже духам. А когда приезжают в священные места, как, например, на утес Аури в Ульчском районе, привозят подарки хозяину утеса. Чаще выливают на землю водку, бросают в реку сигареты.

Бывалый охотник никогда не пойдет в лес в новой одежде, да и мыться не станет на протяжении всей охоты — нельзя удачу смывать. А если встретит в тайге где-нибудь на ветке дерева какую-нибудь ценную вещь (часы, деньги), никогда себе не возьмет. Потому что знает — это подарки духам-хозяевам. Рассказывают, что после Великой Отечественной в лесах Тугуро-Чумиканского района многие деревья были увешаны медалями. Это фронтовики возвращались в родные села и налаживали отношения с богами: воины вновь становились охотниками, и удача была им очень даже кстати. Потому и отдавали без сожаления самые дорогие вещи какие были.

Старые сказки, вплетенные в сегодняшнюю реальность

Трудно сказать, где заканчивается легенда и начинается реальная жизнь. Аборигены Севера всегда строили свои отношения с природой на уважении и поклонении. Не брали лишнего, не плевали в лицо матери-природе, преклонялись перед стихией. Это трепетное отношение позволяло им не голодать, не страдать от холода, создавать уникальное искусство. И учителем опять же выступала природа, подсказывала краски и линии орнаментов. Приди с добром — в дом, в тайгу, на реку. Простая формула жизни и одновременно мудрая. Может быть, эта доброта и уважение к высшим силам Земли в какой-то степени и помогут сохраниться дальневосточному этносу. В любом случае народные предания, поверья никогда не исчезнут бесследно.



Декоративное панно «Адосэвэ Ни». Береста, ткань. 2000. Автор – Л. У. Пассар, член Союза художников России

ТРИ СОЛНЦА в нанайских легендах — МИФ или РЕАЛЬНОСТЬ?

Оксана ГАЙНУТДИНОВА, студентка исторического факультета Комсомольского-на-Амуре государственного педагогического университета

Большинство нанайских легенд начинается традиционно: «Это было тогда, когда на небе светило три солнца… Одно солнце было большое и два поменьше. И ночью было видно как днем…» Откуда эта легендная информация? Где ее истоки?

Одни исследователи считают, что «сказка» о трех солнцах «перекочевала» на Амур откуда-то из Полинезии, в период, когда налаживались палеоконтакты с островитянами. Другие утверждают, что истоки этих сказаний нужно искать в местной самобытной философии и народной памяти автохтонного населения. Третьи просто обходят данный вопрос стороной.

А все-таки? Не рождаются легенды из ничего. Легенда — это прежде всего историческая память народа, которая передается сквозь поколения из уст в уста. Тогда «три солнца» — событие, бывшее некогда реальностью? То есть одно, наше Солнце — Гелио, вокруг которого, как доказано астрономической наукой, вращается наша планета Земля. А какие еще два?

В легендах не только народов Амура, но и в других местах земного шара существуют сюжеты, которые также начинаются с «трех солнц». Например, у догонов, проживающих на востоке африканского континента (Танзания), имеется долина, где каменными глыбами выложена схема …нашей Солнечной системы, состоящая не из 9, а из 12 либо 13 «основных» больших планет. Причем начиная с Юпитера «подопечные Солнца» обозначены валунами из камня большей массы, нежели «малые» планеты. И чем дальше от центра системы, тем больше их масса. Легенды древних догонов также повествуют, что когда-то их прапредки жили под созвездием трех солнц, а Южный Крест, который висит над ними, как у нас Тритон (созвездия Большой и Малой Медведиц), был виден только по утрам и вечерам над горизонтом.

Древние шумеры три с половиной тысячи лет назад клинописью начертали на глиняных табличках, что они «видели» между Марсом и Юпитером «планету-невидимку», и сразу после этого был «потоп» «шесть дней и шесть ночей».

Древние китайские источники утверждают, что некогда земля была «потрясена», Солнце, Земля, Луна и звезды «изменили» свой путь», Поднебесная «уходила на юг», а небо стало «падать» на север.

У древних аборигенов Нижнего Амура в одной из легенд проходит информация, указывающая на то, что «небо и земля перемешались» и «повернулись» на время, когда «хунны воевали народ Амура» и «днем светила звезда, которую было видно через черные тучи пожарищ».

Или вот еще одна гипотеза, появившаяся совсем недавно на страницах печати: Северный полюс около 10 тысяч лет назад «переместился» с территории Канады, ледник захватил пол-Европы, а растущий Таймырский ледниковый панцирь вытеснил племена пратунгусов на юг, в Приморье и Приамурье из-под Якутска. Существует и другая информация, иногда разрозненная, часть которой сегодня научно обоснована, об отдельных периодических катастрофах на Земле приблизительно через одинаковые хронологические рамки. Им вторит и легенда о некогда «погибшем» Фаэтоне — «прародине человечества».

И вот очередная научная гипотеза российского астронома Людмилы Константиновой, известной в своих научных кругах нестандартными подходами к обыденным проблемам. Она считает, что Солнечная система имеет не 9, а 12 (возможно, 13 и более) планет. Но самое интересное в этой гипотезе то, что две, а может, и три планеты Солнечной системы — звезды. Им даже даны названия: Фаэтон, Милиуса и Трансплутон. Не здесь ли кроется ответ на загадку о трех солнцах?

Астрономическая наука учит, что «рождение» новой звезды из холодной планетной массы происходит через взрыв, но с потерей ее прежней массы от первоначальной на десять процентов. Эта «потеря», как далее указывает Л. Константинова, становится затем поясом астероидов. Таких поясов, по ее мнению, в Солнечно системе два. Первый, давно известный в астрономической науке, на-

ходится между Марсом и Юпитером. Второй пояс, как показывают расчеты ученой, находится за Юпитером. Существование «ближней» к нам такой звезды «практически доказано». Это тот самый Фаэтон, который считался «погибшим».

Л. Константинова, опираясь на расчеты, также считает, что период обращения Фаэтона вокруг Солнца по вытянутой эллиптической орбите 2800 лет. И когда Фаэтон подходит к точке максимального приближения к Солнцу, его должно быть хорошо видно с Земли. Вот, вероятно, второе «малое» солнце, которое видели через «тучи пожарищ» аборигены Амура. Вот, вероятно, откуда у древних шумеров, китайцев, догонов и пратунгусов осталась информация о «потрясении Земли», потопе, «падении Поднебесной» и свечении новой звезды-солнца. Возможно, вот оно, «второе» солнце, которое «светило по ночам», как днем, и оставило «следы» своего пребывания штрихами легенд в исторической памяти народов. И не только.

Что за звезда, которая, согласно Библии, в период рождения Иисуса Христа сначала «шла по небу», «блеснула» днем и пошла в обратном направлении? Возможно ли это?

Фаэтон? Но, согласно расчетам, он должен быть в это время в точке, наиболее удаленной от Солнца, и с Земли не должен быть виден. Опираясь на законы движения астрономических тел:

— во-первых, это возможно за счет разных скоростей и радиуса вращения планет вокруг Солнца: наша планета сначала «догоняла» эту звезду за счет большей радиальной скорости, затем, оказавшись с ней на «одной линии», звезда «остановилась» на какое-то очень короткое время, «блеснула и стала «уходить назад»;

— во-вторых, надо полагать, что это была какая-то еще одна звезда, которая «вертится недалеко» вокруг нашего Солнца. Возможно, эта самая звезда и была «третьим» солнцем?

Кстати, по мнению автора гипотезы, под воздействием звезд, а точнее, их дополнительного энергетического «облучения», в такие периоды рождаются особо одаренные люди. И это не только мнение Л. Константиновой, подобного мнения придерживаются и многие генетики.

Таким образом, на горизонте «появились» кроме Солнца — Гелио еще два солнца — «малые», легендные.

В 1988 году Л. Константиновой удалось вычислить еще одну звезду, вращающуюся по орбите вокруг Солнца за Юпитером, и этому спутнику-звезде дано название Милиуса. Орбитальный «круг» Милиусы — 1400 лет. Обе эти звезды в телескоп в настоящее время не видны из-за удаленности, «малого» свечения и «малого «объема в соответствии к расстоянию удаления от исследователя. Можно предположить, как считает Л. Константинова, что появление таких «странников» вблизи Земли не столь частое, и потому они могут оставаться «незамеченными» в столь давние времена».

Своей гипотезой Л. Константинова «противоречит» школьным учебникам по астрономии, но зато еще раз подтверждает правоту ньютоновского закона: чем дальше планета отстоит от Солнца, тем большей массой, а следовательно, и большим энергетическим потенциалом (именно это приводит к удаленным эллиптическим орбитам) она обладает. Автор гипотезы рассчитала, что Плутон относится к «большим» планетам, с большей массой, нежели у Юпитера, и с большей «вытянутой орбитой. За Плутоном на достаточном удалении по еще более вытянутой орбите мчится следующая большая, более «тяжелая» планета, вернее, звезда, которую давно «просчитали» российские и американские астрономы. Эта планета (звезда) получила временное название Трансплутон, что означает «находящаяся за Плутоном». Период обращения ее вокруг Солнца 600 лет.

Таким образом, с карандашом в руках можно приблизительно подсчитать, когда на небе светили три солнца и какое из них было «третьим». Вот и «проявляются» космические причины гибели предшествующих «цивилизаций», мамонтов, раздробленности Европы и Древней Руси, Великой смуты, революций и кризисов, народной активности и пассивности, рождения гениев и взлета культур.

В перекрестках чисел оживают легенды и гипотезы ученых, «следы» в Солнечной системе, в начало очередного из которых нас занесло время. И эти «следы» на «перекрестках» встреч трех (четырех) планет-звезд остались в общей картине прошлого и говорят сами за себя:

— 1270 лет до н.э. — гибель материка Му в Тихом океане, изменение географического полюса Земли, перемещение экватора с Поамурья на его современную линию;

— 9900 (9700) лет до н.э. — гибель Атлантиды, изменение Северного географического полюса, обледенение Европы, рост Таймырского ледяного панциря, переселение пратунгусов в Приамурье и Приморье, гибель мамонтов;

— 7100 лет до н.э. — таяние ледников Севера и Юга, разрушение цивилизаций Древней Индии, ее практическая гибель, потоп;

— 1500 лет до н.э. — Санторинская трагедия, гибель эгейской цивилизации, «падение неба», потоп. На небе «светят три солнца», вода в Амуре изменила свое течение.

Схема ближней части системы к Солнцу *(по Л.В. Константиновой)*

Меркурий, Венера, Земля и Марс — малые планеты Солнечной системы. Между Марсом и Юпитером в «полосе» астероидов «пролегает» орбита Фаэтона. Подобная полоса астероидов обнаружена астрономами между расчетными орбитами «больших» планет — Юпитером и Сатурном, где, по мнению Л.В. Константиновой, «пролегает» орбита Милиусы.

Нужно отметить, что этот «перекресток» встречи, согласно расчетам, когда Фаэтон и Милиуса «приняли участие» в «большом» параде планет;

— 1300 лет до н.э. — в народной памяти остался потоп, вулканизм, цунами, которые смыли прибрежную линию японских островов, северо-восточной и центральной полосы Африки.

«Очередной», «неполный» парад планет был в 1200 — 1300 годах. В «гостях» у больших планет Трансплутон и его «краски» — гибель дальневосточной чжурчжэньской цивилизации, небо «затянуто пылью», «черные дни», цунами, вулканизм.

Согласно расчетам в небе снова засветятся три солнца в 4100 году, как и в «прошлый» раз — в 1500 году до н.э. Вот, вероятнее всего, и вырисовывается то время, когда на небе светили три солнца — Гелио, Фаэтон и Милиуса. Тогда-то и родилась легенда.

А что за звезда «блеснула» на небе в день рождения Иисуса Христа? Расчеты показывают, что это была Милиуса, так как Фаэтон был уже давно не видим, а Трансплутон «гостил» на целых 100 лет раньше.

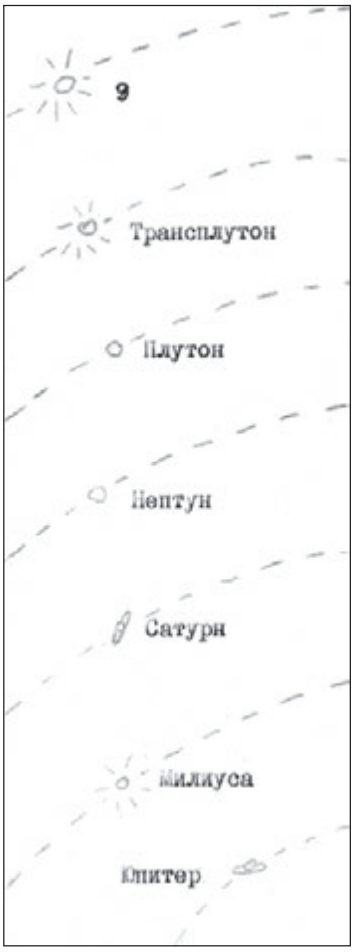


Схема Солнечной системы «больших планет»

На основе математических расчетов Л. В. Константинова делает вывод о том, что Плутон является также «большой планетой», и это, в свою очередь, подтверждает закон Ньютона. За Трансплутоном, по мнению автора астрономической гипотезы, должно находиться еще одно солнце: горячий спутник Солнца — Гелио. Однако обнаружить эту светящуюся планету-солнце пока не удается, так как орбита вращения этой безымянной планеты-солнца вокруг Солнца сильно вытянута. В настоящее время она находится на максимально далеком расстоянии от центра, и период ее обращения по своей орбите превышает несколько тысячелетий. Именно в этом основная причина того, что ученым обнаружить ее пока не удается, хотя расчеты показывают ее наличие и свечение. Также, по расчетам Л. В. Константиновой, в период «большого» парада всех спутников Солнца, что бывает крайне редко, их «возмущение» оказывает на нашу Землю катастрофическое воздействие, как и на другие «малые» планеты Солнечной системы и на само Солнце. Во всем этом чувствуется своя периодичность.

***ИВАНОВА Ольга Ивановна,** ведущий методист Госархива Хабаровского края. Родилась в поселке Теплоозерске (ЕАО). В 1984 году окончила филологический факультет Дальневосточного государственного педагогического университета. В Госархиве Хабаровского края работает с 1988 года.*
Интересуется судьбами творческих людей, развитием культурной жизни и многими другими вопросами, которые нашли отражение в том числе и в архивных документах.

Что за прелесть эти сказки

Ольга ИВАНОВА,
ведущий методист Госархива Хабаровского края

Истинные ценители культуры коренных народов Дальнего Востока связывают имя искусствоведа Клавдии Павловны Белобородовой с сохранением основ национального декоративно-прикладного искусства. Этой задаче она посвятила свою творческую жизнь. Среди документов ее личного фонда, хранящихся в Государственном архиве Хабаровского края, — эскизы, рисунки, трафареты орнаментов, образцы вышивок, рецепты выделки и окрашивания кожи и т.п. Однако мало кто знает, что среди этой уникальной информации есть и другие жемчужины — записи ульчских, нанайских, удэгейских сказок и легенд.

Мудрость Клавдии Павловны в том, что интерес ее к представителям коренных народов не был узким: она изучала жизнь этих людей во всех ее проявлениях. Внимание к устному народному творчеству, вероятно, определилось тем, что занятия, система представлений об устройстве мира, нравственные ценности, олицетворение сил природы и многое другое нашли отражение в легендах, сказках, преданиях. Согласитесь, представить какой-либо народ без этого духовного пласта так же сложно, как и без языка.

Впрочем, не будем отнимать хлеб у ученых, глубоко исследующих эти проблемы, обратимся к документам фонда и посмотрим на тексты сказок и легенд глазами дилетанта, позволив себе лишь минимальный комментарий. Предварительно также следует сказать, что мы обращаемся к не публиковавшимся ранее легендам и сказкам.

Сказка «Ворон и рак» по сюжету напоминает басню И.А. Крылова «Ворона и лисица». Приведем текст полностью — сказка небольшая.

Голодный ворон кружил-кружил над прудом, искал добычу. Видит — ползет рак. Цап-царап рака. Сел на сук. Рак спрашивает:

— Ворон-ворон, ты что со мной будешь делать? Ведь наши предки дружили.

— Угу, — отвечает ворон, не разжимая клюва.

— Ведь наши деды и бабки дружили друг с другом. Давай дружить? Хочешь?

— Ага, — ответил ворон, а рак упал в болото и уполз.

Налицо еще одно подтверждение теории «бродячего сюжета» (бродячие сюжеты — понятие фольклористики, фиксирующее распространение, перемещение поэтических сюжетов из одной культурно-исторической области в другие. — *Литературный энциклопедический словарь — М.: Сов. энциклопедия, 1987- с. 58. — **Прим. автора**)*. И, конечно же, как подобает сказке, каждый из ее героев наделен характерной чертой. В данном случае рак олицетворяет хитрость, ворон — глупость.

Автор нивхской легенды Ирина Соловьева, записавшая ее текст для К.П. Белобородовой, повествует о воинственном племени, жившем в низовьях Амура, которое грабило и убивало жителей соседних селений. «У них была прабабушка, и у нее была собака сучка, цветом желтая, если она встанет на задние лапы, то ростом достигала любого рослого человека». Когда племя устроило пир по поводу очередного удачного ограбления, то его члены решили охватить, взяв друг друга за руки, стоящую рядом сопку и показать таким образом свое могущество: «Вот сколько нас много, и немного погодя мы сможем всю землю обхватить и завоевать». Однако для того чтобы сомкнуть круг, недоставало одного человека и «порешили эту сучку — собаку — взять за передние лапы». Кружение хоровода, веселье, пляски и песни продолжались долго, никто из людей не обращал внимания на рычание и визг обезумевшей от боли собаки. В конце концов она выкрикнула человеческое проклятие: «Талтагда, малтагда!». По-русски это значит: «Собери их до единого и дотла». Произнеся это, собака раскололась пополам.

Проклятие подействовало: запасы продуктов кончились, охотничье и рыбацкое счастье отвернулось от людей племени — они стали вымирать. «Так не стало существовать у нивхов грабителей»... Казалось бы, точка поставлена, зло наказано, но последняя строка вызывает множество вопросов. Звучит она следующим образом: «Собака-сучка звала было революцию, а она пришла и уничтожила грабителей». Что означает эта строка? Желание автора привнести некий идеологический оттенок? Как могла собака позвать революцию, если она «раскололась пополам»? Что означает использованная форма «звала было»? Звала ли она революцию вообще или это обыкновенная грамматическая ошибка? Достаточно много вопросов, не правда ли? Но жизнь тем и интересна, что ставит перед нами вопросы, решить которые можно, лишь «износив три пары железных сапог».

Железная рука

ЛЕГЕНДА

Рассказчица — Антонина Леонтьевна ДЕЧУЛИ
(село Булава, Ульчский район Хабаровского края)
Художник Илья ЛИХАНОВ

БЕЛОБОРОДОВА Клавдия Павловна, *искусствовед. Внесла огромный вклад в возрождение народного искусства аборигенов Приамурья. Благодаря ей семь народных мастеров были приняты в Союз художников России, их произведения принимали участие в престижных выставках в стране и за рубежом. Результатом серьезного исследования декоративно-прикладного искусства, философии, традиционного образа жизни народов Амура явилась книга «Приамурские узоры» (1975). В 2003 году Хабаровским краевым благотворительным фондом культуры учреждена премия имени К.П. Белобородовой. Первым лауреатом стал талантливый художник, резчик по дереву Николай У (село Троицкое, Нанайский район, Хабаровский край).*

Рассказывают старые люди, что давным-давно ульчи жили в подземельях. Рыли глубокие ямы и под землей устраивали свои дома. Освещали такие жилища светильниками из ракушек, в которые наливали жир и зажигали его. Жили в таких жилищах большими семьями. А когда в подземных жилищах умирали все члены семьи, там поселялись призраки и пугали живых людей.

Рассказывают, что если мимо таких ям, в которых поселились призраки, проходил человек, совершивший дурной поступок, кражу чужих вещей, убийство, вероломство и другие злодеяния, из ямы поднималась железная рука и так сжимала человека, что он погибал.

Но однажды нашлись два человека, два брата, которые ничего не боялись и решили проверить, правду ли говорят о призраках подземелья. Они запрягли собак в нарты и поехали к запретным ямам.

Первым решил спуститься в яму старший брат. Младший помог ему, а сам остался наверху ждать. Долго сидел он у края ямы, но брат все не возвращался. Юноша почувствовал, что случилось что-то недоброе. Тогда он привязал нарты и собак подальше от ямы, взял лук и стрелы и спустился вниз.

Вначале было очень темно, и он ничего не мог различить. Но вот стало светлее, и он увидел, что находится в большой комнате, которая освещается горящим жиром, налитым в большие ракушки. По комнате ходили молодые женщины и дети, одетые в богато расшитые яркие халаты. На их руках и в ушах блестели серебряные браслеты, кольца и серьги. Вдруг он увидел старшего брата, который лежал на полу мертвый. Юноша бросился к брату, но в это время к нему подошел седой старик и сказал: «Ты что так долго шел, он уже давно здесь». А женщины все повернулись к нему и

стали звать: «Иди к нам, иди к нам». Но парень был смелый, не испугался, выхватил лук, натянул стрелу и пустил в старика. Сразу погас свет, только наверху ямы светилось яркое пятно. Юноша бросился к выходу, выскочил из ямы, побежал к нартам и погнал собак прочь от страшного жилища. Не успел он отъехать на некоторое расстояние, как собаки встали, не в силах сдвинуть нарты с места. Парень обернулся, чтобы узнать причину остановки, и увидел две железные руки, уцепившиеся за задние перекладины нарты. Не долго думая парень схватил топор, отрубил перекладину вместе с железными руками и погнал собак что есть духу домой.

Примчавшись на загнанных собаках в деревню, он всем рассказал о случившемся с ним и братом. Тогда весь род братьев решил отомстить подземным жителям за смерть их родственника. Собрались все, кто мог держать в руках копье, и поехали к ямам. Несколько человек подошли к ямам и прислушались, но внизу было темно и тихо. Тогда они спустились вниз. Зажженный огонь осветил темные земляные стены. На полу и на нарах, где парень видел молодых женщин и детей, лежали истлевшие женские и детские халаты, когда-то давно расшитые красивыми узорами и медными побрякушками. Посередине комнаты лежало тело старшего брата и рядом с ним истлевшая мужская одежда, пронзенная стрелой его брата.

Всех так поразила эта картина, что они в панике, захватив тело мертвого юноши, поспешили подняться наверх.

Возвратившись в деревню и похоронив брата смелого юноши, запретили всем даже близко подходить к ямам. Поэтому это проклятое место охотники всегда обходили стороной. С течением времени ямы осыпались, заросли травой, и место их потерялось. Но еще долго случайно заблудившиеся люди вблизи этих мест слышали человеческие голоса и детский плач. Случалось, что людей, совершивших дурной поступок и покрывших позором свой род, постигала кара. Железная рука карала такого преступника. Она схватывала его в железные тиски, и человек погибал.

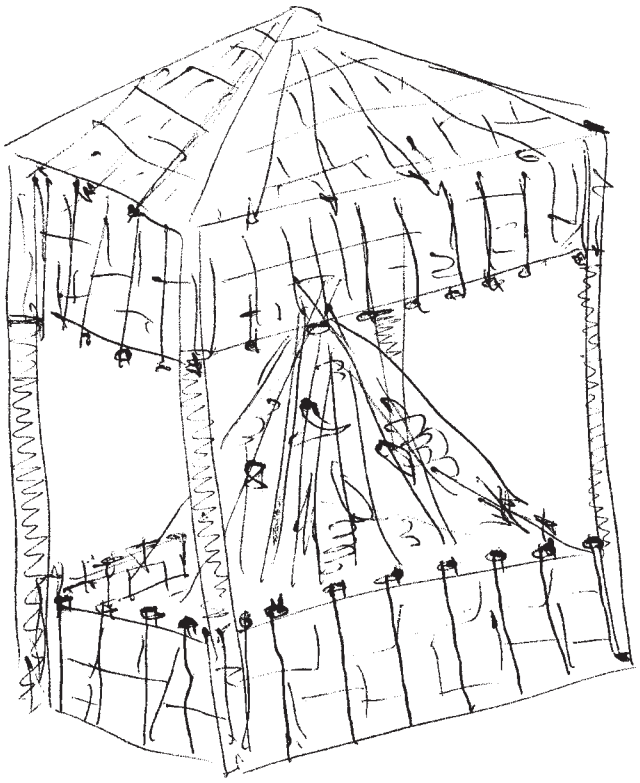
Материал предоставлен Госархивом Хабаровского края

ЛИХАНОВ

Илья Дмитриевич, *дальневосточный художник, выпускник художественно-графического факультета Санкт-Петербургского педагогического института им. Герцена, живет и работает в Хабаровском крае, в селе Сикачи-Алян. Работы Лиханова есть в собраниях Дальневосточного художественного музея, Хабаровского краевого благотворительного общественного фонда культуры, а также в частных коллекциях в России и за рубежом. Он принимал участие в выставочных проектах Дальневосточного художественного музея, Хабаровского отделения Союза художников России, а персональная выставка «Краски Сикачи-Аляна» состоялась в 2001 году в Арт-подвальчике Хабаровского краевого благотворительного общественного фонда культуры.*

В 2003 году в арт-галерее «Метаморфоза» (Комсомольск-на-Амуре) осуществлен творческий проект Ильи Лиханова «Сикачи-Алян».

«КОСТЕР ТРЕВОГИ» над АМУРОМ



Оксана ГАЙНУТДИНОВА,
студентка исторического факультета Комсомольского-на-Амуре государственного педагогического университета

На вопрос о том, где находятся истоки «костра тревоги», однозначного ответа дать нельзя. Однако есть необходимость сделать краткий экскурс в историю, из европейской части перекинуть свой взор на дальневосточный юг, где шло развитие цивилизации своим, отличным от европейского путем. Именно здесь, как отмечено исследователями военного дела дальневосточной страны, зародилась форма передачи тревожной информации при помощи костра, которым в любую погоду, в любое время суток можно подать сигнал тревоги жителям не только своего улуса, но и в соседние поселения, где жители также поднимались по этому сигналу и приходили на помощь.

А сигнал шел дальше: теперь уже загорался их тревожный костер. И так далее, по цепочке информация о нападении врагов уходила во все стороны, поднимая охотников и рыболовов, где бы те ни находились. Собирались на этот сигнал все — и стар, и млад, и мужчины, и женщины. Они приходили на установленное место для получения информации и решения вопросов о дальнейшей деятельности.

«Костер тревоги» играл в жизни приамурцев огромную роль. Они знали, что такое плен — рабство и разорение, ради чего в определенный исторический период велись войны по захвату соседних территорий.

Из большого легендного материала, собранного во время этнографических экспедиций, удалось восстановить требования, которым должен отвечать «костер тревоги».

Прежде всего, костер можно было поджечь в любое время года, суток и в любую погоду. А это значит, что возле него несла вахту смена специально назначенных и подготовленных людей. Как гласят легенды, ночью свет от костра, а днем пелена черного дыма над костром должны быть видны на довольно большом расстоянии, а также должны отличаться от других видов костров. Это означало, что «костер тревоги» располагали на самом высоком месте недалеко от селения, делали его достаточно большим, чтобы его свет был виден издалека в темное время суток, или днем черный дым могли заметить рыбаки и охотники, которые занимаются промыслом вдали своего поселения. Место «костра тревоги» должен знать каждый житель поселения. Очень важно, чтобы «костер тревоги» легко поджигался. Поэтому его основа состояла из легковоспламеняющихся природных материалов.

Еще один важный момент: при любых обстоятельствах костер не должен вызывать пожаров. Для этого площадка вокруг него очищалась от растительности на довольно большом расстоянии, и в случае возникновения очага горения вокруг костра его можно было загасить. Таким образом, где-то рядом находились заранее подготовленные примитивные средства для тушения. «Костры тревоги» должны располагаться на расстоянии друг от друга примерно 15 — 25 километров, которые обычно разделяли поселения вдоль берегов Амура.

Существовала огромная моральная ответственность перед жителями своего и соседних поселений. «Костер тревоги» нельзя было зажечь без необходимости, равно как и не сделать этого при появлении опасности.

Конечно, могли быть и другие требования. Благодаря информации, полученной от старых охотников, шаманов Чонги и Понги, а также из легендного материала, удалось собрать основы описания «костра тревоги», а затем и на практике собрать его и поджечь.

Платформу для костра всегда выкладывали на легкообозреваемом возвышенном месте речным песком или галькой на песчаной основе, чтобы во время дождя не затекала вода. Спасением от обильной и затяжной грозы

служили стволы деревьев, обмазанные глиной (для предотвращения возгорания), которыми обкладывали платформу. На углы соединения стволов выводили желобки утекания попавшей во время грозы воды. Возле платформы постоянно убирали траву вместе с дерном и не допускали ее прорастания. Часть такой платформы была обнаружена рядом с геодезическим знаком на высоте 244 ниже города Амурска на 15 километров.

По рассказу шамана Чонги, над такими кострами, всегда на четырех столбах, устраивали покрытый берестой навес. Настенные навесы тоже делали из бересты. А чтобы бересту не сносило ветром, ее большие куски прижимали стволами молодой поросли тальников и укрепляли для прочности весенним лыком молодого тальника. А весенним потому, что только в это время года, в момент обильного сокодвижения, лыко наиболее прочное, гибкое и легко снимается со ствола.

Основу костра (его легковоспламеняющуюся часть) готовили из хорошо просушенного и пробитого колотушкой до состояния ваты большого березового трута. Такой «выработанный» трут древние охотники и рыболовы использовали также для разведения костров во время промысла, для прикуривания трубок.

Итак, поверх «выработанного» трута крест-накрест укладывали узкие полоски тонкой высушенной бересты. Ее специально заготавливали в больших количествах ранней весной: только в это время можно было снять цельный пласт бересты без повреждений. Затем собранный материал сортировался: для навеса и для костра. Если первые пласты стремились применить сразу, пока они еще не начали сохнуть, то вторые скручивали в рулон и подвешивали под навесом для просушки. Такой обработанный «воспламенитель» костра клали на высушенную деревянную плаху из хвойного дерева (в сырую погоду хвойная древесина не вбирает влагу) где-то сбоку будущего кострища с учетом «розы ветров», оберегая это место от задувания. Затем «воспламенитель» обкладывали лучинами хвойных смолистых деревьев вперемешку с полосками бересты. Далее костровую массу огораживали очищенными от коры жердями хвойных пород деревьев диаметром 5 — 7 метров под «шалаш» с обильным насыщением костра лентами бересты, которые легко возгораются и горят длительное время. Промежуток не заделанных берестой стен позволял на возвышенных местах ветру почти постоянно раздувать такой костер. Он горел до получаса и более большим ярким пламенем с выделением немалого количества дыма, как указывалось в легендах. Высота такой костровой массы была намного выше роста человека, а в диаметре, если судить по линзе пепла на высоте 244, около 4 — 5 метров.

Где-то в углу под навесом, обычно с южной стороны («со стороны солнца»), в берестяном туеске (чумашке) хранилось кремниевое кресало, защищенное таким образом от отпотевания. Сосудов обычно было два-три. Это для того, чтобы в темное время суток их не пришлось долго искать.

Недалеко в полуземлянке находилась постоянно бодрствующая группа людей, и прорезанное в стене этого сооружения окно смотрело в сторону ближайшего «костра тревоги» соседних поселений. В случае их возгорания смена поджигала «свой» костер.

Чтобы не было случайного возгорания «костра тревоги» или он не стал источником пожара, в обязанность дежурной смены входило никого к этому важному объекту не допускать, следить, чтобы растительность находилась от него на определенном расстоянии, а также быть в постоянной готовности к поджогу и тушению. Так как дежурная смена всегда являлась объектом номер один для противника и уничтожалась вражескими лазутчиками в первую очередь, у этих людей имелось оружие, которое могло быть применено без предупреждения к любому человеку, приближавшемуся к костру на близкое расстояние. Исключением была лишь другая смена с установленным секретным сигналом. В случае невозгорания «костра тревоги» (к примеру, гибель дежурной смены) его был обязан поджечь первый, кто об этом узнает. Однако за ложный поджог грозило суровое наказание — от изгнания до смерти.

Сгоревший «костер тревоги» немедленно восстанавливали из заранее приготовленного сырья, хранившегося где-то рядом под навесом. Если горение костра необходимо было продлить, то дров обычно заготавливалось много, и такой костер должен был гореть в полную мощь до тех пор, пока смена не убедится, что в соседнем поселении также вспыхнул огненный знак тревоги и люди стали собираться в условленном месте. Зачастую такое место располагалось у «тревожного костра», и при свете его пламени проходил совет о дальнейших действиях.

Согласно легендам в поселении Эвво (город Амурск) в период монголо-китайского нашествия на знак «костра тревоги» собрались почти все жители урочища, и старейшины решили, что все взрослое население должно с рассвета прибыть на строительство и восстановление крепостного сооружения. При этом организацию работы возьмет на себя один из мэргэнов. Женщины должны будут заготавливать тальниковую лозу, замешивать глину для обмазки стен крепости и непосредственно обмазывать их, а также готовить запасы пищи на несколько дней. Старикам-мужчинам предназначалось готовить оружие, а женщинам пожилого возраста — собирать скарб и опекать детей, быть готовыми в любую минуту увести их в тайгу охотничьими тропами и, сохраняя род, не выходить в поселение и на открытые участки до оповещения. Старшие дети должны были заняться заготовкой хвороста для будущих костров и обеспечивать работающих на возведении крепости питьевой водой, разносить пищу. Часть мужчин была послана в район Болы, где шли ожесточенные бои. Несколько человек на легких долбленых оморочках отправились в район Хумми, Туссера, Хунгари, Омми, Мылки, Бельго с оповестительной информацией о состоянии дел в районе Болы и других ближайших поселениях (например, Малмыже) и получить сведения о том, что сделано в этих местах.

«Костры тревоги» на скале острова Крохалева на высоте 244 и на сопке у озера Падали горели до тех пор, пока дежурные смены не убедились, что на высокой скале у озера Хумми во всю мощь воспылал подобный знак, а находящиеся на промысле рыбы люди увидели его. Когда наблюдатели заметили, что враг приближается, все, кто не мог и не должен был участвовать в сражении, ушли в тайгу, захватив с собой часть скарба. Другую часть они предварительно спрятали, чтобы она не досталась противнику.

Суть оповещения жителей о беде через «костры тревоги», история которых уходит в глубину веков, на вооружение приняли себе монгольские племена и занесли эту знаковую систему в ходе завоевательных походов в европейскую часть. Затем ее переняли казаки Запорожской Сечи, и «костры тревоги» сыграли значительную роль в оповещении населения в случае надвигающейся беды.

Я родилась в маленьком, по уральским меркам, городе под Екатеринбургом. Там, в красивой, тихой и любимой Ревде, произошла моя первая встреча с музеем. Мама со своими учениками создала музей боевой и трудовой славы в городском профтехучилище, одно лето она помогала сотрудникам музея крупного завода в городе. Отец часто перечитывал «Дерсу Узала» В. К. Арсеньева.

Я окончила историко-архивное отделение исторического факультета Уральского государственного университета имени А. М. Горького (г. Екатеринбург). По распределению и собственному выбору стала сотрудником Государственного архива Хабаровского края. Через несколько лет перешла работать в Хабаровский краевой краеведческий музей. Тогда, 13 лет назад, меня терзали большие сомнения, ведь я шла на должность музейного этнографа, а об этнографии вообще и культуре местных коренных народов в частности почти ничего не знала. Сегодня я кандидат исторических наук по специальности «Этнография, этнология, антропология», автор около 50 научных статей по культуре коренных народов Хабаровского края, но непознанного мною в этой области значительно больше, чем я знаю. И это радует, потому что изучение прекрасной культуры нанайцев, ульчей, нивхов, орочей, удэгейцев, негидальцев, эвенков и эвенов необычайно увлекательно, а знакомство с замечательными представителями этих народов дарует новых добрых друзей и радость общения.

Ненастоящий дракон пуймур

Татьяна МЕЛЬНИКОВА,
кандидат исторических наук,
главный хранитель Хабаровского краевого
краеведческого музея им. Н.И. Гродекова

В культуре нанайского народа сформировались представления о водяном драконе пуймур (во множественном числе — пуймурсэл). Пуймур как явление нанайской демонологии ранее не исследовался. В отличие от небесного дракона мудур нанайцы считали водяного дракона ненастоящим. Его образ на современном этапе этноса является размытым. Даже люди пожилого возраста рассказывают об этом персонаже национальной мифологии по-разному. Одни представляют его в виде необычного огромного сома, другие — в виде большого крокодила, третьи считают его просто драконом.

«Пуймур». *Автор Е. Н. Бельды, село Найхин. 2001*

Данная работа является попыткой представить этот реально мифологический образ на основе опубликованных фольклорных источников и полевых материалов автора.

В.В. Воробьева, жительница села Джари Нанайского района Хабаровского края, так рассказывает о пуймуре: змея — не змея, червь — не червь, но огромный. Бабушка М.З. Бельды характеризовала пуймура как дракона. Однако в народе существует мнение, что пуймурсэл — крокодилы, которые остались в Приамурье с того периода истории планеты, когда на этой территории был тропический климат.

По словам С.С. Бельды, жительницы села Найхин Нанайского района Хабаровского края, пуймур был озерным существом, водяным ящером без крыльев. Размерами он уступал небесному дракону мудур. Жители села Троицкого Нанайского района, супруги К.М. и З.Н. Бельды, поставили под сомнение утверждение о том, что пуймур — большой сом. Последний имел в нанайском языке собственное название — дуака. К.М. Бельды рассказал о пуймуре так: «Это не рыба, с короткими ногами, живот тянет по песку». П.П. Ходжер, родившаяся в селе Петропавловском, связала различия в трактовке пуймура с территориями проживания разных групп нанайцев. Она заметила, что в ее родном селе пуймуром называли крокодила, а в селе Джари — огромную змею.

Однако все рассказчики сошлись в утверждении, что пуймурсэл жили в озерах с черной водой. По легендам, вода таких озер обжигала, их берега были черными-черными, на них ничего не росло. В районе протоки Чирочин на острове напротив села Найхин было такое озеро, в которое якобы нырнул этот дракон. Эти загадочные существа жили в глубоких больших озерах с черной водой на острове Пахали в лугах напротив нынешнего села Маяк, а также в районе бывшего села Соян, в озере около Туссэра.

По одной из легенд пуймур обитал в озере на вершине Ауринского утеса в Ульчском районе Хабаровского края. Ее слышала от своего отца С.С. Бельды: «Внизу под Ауринским утесом есть воронка поёл. В нее как-то попала большая китайская лодка майма с людьми и товарами. Только на следующее лето нашли остатки майма — на утесе. Там тоже жил пуймур. На берегу озера были следы: это пуймур гонялся за оставшимися в живых людьми...»

О происхождении таких озер отец К.М. Бельды рассказывал следующее. Под землей есть реки, в которых жили пуймурсэл. Иногда какой-нибудь пуймур выскакивал из-под земли и оставлял после себя озеро. Кроме того, пуймурсэл жили в речных заливах и омутах. В мифологических представлениях нанайцев пуймур являлся хозяином, властелином реки или озера.

В определенной степени пуймур походил и на рыбу, и на дракона. Его туловище было покрыто чешуей, снабжено плавниками и сверкающим хвостом. Возможно, пуймурсэл были разного цвета. В легендах есть упоминания о темном пуймуре, о пуймуре с красной пастью и светлым брюхом. Ударом своего плавника он сдвигал мэргэнов (охотников) с места на одну-две

«Пуймур». *Копия Е. Н. Бельды, с. Найхин. 2001. Рисунок узора выполнен мастером З. А. Бельды*

«Пуймур». *Фрагмент ковра О. Е. Киле. Автор Е. Н. Бельды, с. Найхин. 2001*

пяди. От его движения в воде образовывалось девять волн. Другая легенда говорит о том, что появление пуймура сопровождалось подъемом воды над рекой в виде фонтана высотой с трубу дома. Удар по глазам ослеплял пуймура и на некоторое время обезвреживал. Герой другой нанайской легенды победил пуймура, сунув ему в пасть якорь. Пуймур «тут же повалился наземь». Железные части якоря расплавились, так высока была температура его тела.

Вместе с тем, по представлениям нанайцев, пуймур мог принимать человеческий облик. Так, в нанайском сказании «Гарилдан и Гарбилдан» он был тестем шамана Исаки и по ходу повествования превратился в старика среднего возраста. В сказании «О мэргэне и его младшей сестре» пуймур именовался матушкой, выступал в паре с лиственничным сэвэном Диулин мужского рода и помогал главному герою.

Пуймур мог бегать, летать, он хорошо плавал и нырял. У него из пупа шел огонь. Долго вне воды он находиться не мог, его чешуя высыхала. Вот как описывали пуймура низовские нанайцы (запись 1968 года, село Верхний Нерген): «Наступит ночь — пасть его огнем светится. По земле пройдет — за ним река остается. В воде разыграется — поднимаются огромные волны. Он всплывает на поверхность только в ясную тихую погоду».

Художница Л.У. Пассар из Комсомольска-на-Амуре, комментируя одну из своих работ, пишет о пуймуре следующее: «Род Ходжер. Его тотемом служит изображение «Пуймура» — водяного дракона в образе огромного сома с ластами на четырех конечностях и с соответствующим хвостом. Пуймур мог изрыгать пламя, обладал огромной силой и мог проглотить лодку с пассажирами».

Спастись от преследования пуймура можно было только на песке.

«Жила одна девушка красивая. Посватался к ее родителям один парень. Большой выкуп предложил. Девушка не хотела за него замуж выходить. Не нравился он ей. Отец ее сказал юноше, чтобы тот наловил ему свежей рыбы на талу и посоветовал место на протоке, где лучше ловить. Поехал юноша, стал ловить рыбу. За ним погнался пуймур. Стал юноша быстро-быстро грести маленькими веслами мэлбиэ (-н), выехал на Амур. Выскочил носом лодки на песчаную косу и побежал. Пуймур с разгона выскочил на песок и застрял. Он же не мог передвигаться по песку.

Юноша сел в лодку и уехал. Вернулся в селение, рассказал людям. Старика судили на родовом суде за то, что отправил юношу на смерть — он знал, что в протоке водится пуймур. Родовой суд присудил: дочь старика отдать замуж за юношу без уплаты выкупа». Эта легенда рассказана автору Н.Б. Гейкер в селе Даерга Хабаровского края. Другой вариант опубликован в сборнике «Нанайский фольклор».

Хрусталики глаз пуймура считались амулетом суу. Обладавший ими человек «до самой смерти» оставался сильным и удачливым охотником.

У нанайцев бытовало множество вариантов легенды о трагической встрече с пуймуром во время сбора бересты тало. Вот одна из них.

«Однажды мужчина поехал с сыном за берестой. У сына на пальце было серебряное кольцо. Снимали они бересту с берез. Сын стал носить пинго (носилки) с берестой на берег к лодке. Носил-носил и пропал. Что-то не идет. Отец собрал еще одну пинго бересты и пошел к лодке. Вышел на берег и увидел, что одежда сына на лодке лежит. Подошел он к реке, опустил руку в воду: она теплая. Понял, что тут пуймур живет. Стал он кидать пинго с берестой в реку. Когда кинул последние, седьмые, носилки бересты, всплыл пуймур вверх брюхом. Мужчина распорол ему брюхо и нашел только серебряное кольцо сына. Береста сгорела в брюхе пуймура и сожгла все его внутренности».

Камбука Гейкер, знаменитый проводник В.К. Арсеньева, рассказывал внуку С.А. Гейкеру такую легенду о пуймуре. «На берегу круглого озера стояло стойбище. В нем жили нанайцы. Все жители стойбища знали, что на берегу озера росло дерево, под которым любил отдыхать пуймур. Однажды дети из стойбища стали купаться, и пуймур съел девушку. Ее отец пошел к тому дереву и увидел лежавшего под ним пуймура с раздутым животом. Отец девушки разрезал ему живот и спас дочь».

Нанайцы считали, что род Ходжер произошел от дракона пуймур. Случилось это так. Одна девушка из рода Ходжер забеременела без мужа. Чтобы скрыть свой позор, новорожденного ребенка она бросила в реку. Его тут же проглотил пуймур. Мальчик стал расти в желудке у пуймура. Вырос и стал хозяином реки. От него пошел род Ходжеров.

Пуймур не ел представителей своего рода, и подтверждение этому тоже находим в фольклоре. «Однажды ехали на лодке рыбаки, и за ними погнался пуймур. Вот-вот догонит их. А в той лодке был старец. Он ударил кулаком по носу одного из Ходжеров. Из его носа пошла кровь, и старик заставил окропить этой кровью воду. Пуймур, почуяв родственную кровь, отстал от них».

Иногда нанайцы считали пуймура защитником и в некоторых случаях рассматривали встречу с ним как хорошее предзнаменование. Так, однажды, во время Великой Отечественной войны, Гэюкэ Киле вышла ночью на улицу и увидела в небе большого узорчатого пуймура. Она рассказала об этом своим родственникам, сделав вывод, что СССР победит в войне.

Пуймуром нередко пугали детей. Старики говорили: «Не купайся долго. Или черепаха схватит за ногу, или пуймур ноги откусит». У нанайского писателя Андрея Пассара с пуймуром связаны другие воспоминания: «Когда мы в детстве плохо гребли веслами, отец говорил: «Вас сейчас пуймур догонит». И мы сразу начинали быстрее махать веслами».

В 1968 году жители села Верхний Нерген еще верили, что «пуймур до сих пор обитает в озере близ Туссэра». В настоящее время многие нанайцы 30 — 40-летнего возраста вообще не слышали о пуймуре. Например, Е.С. Ходжер, жительница села Джари, узнала о водяном драконе, лишь когда ее ребенок получил в школе задание написать реферат по родословной. Только тогда выяснилось, что род ее мужа произошел от пуймура.

Среди ульчей люди, знающие или слышавшие о водяном драконе, встречаются значительно реже. Ульчи называли его пуймули. По рассказам А.А. Ван и М.П. Пенганю, «были очевидцы того, как на мари вдруг поднялись блестящие воды», видимо, это дракон двигался. Л.П. Дечули называла пуймули шаманским драконом. Лингвист С.В. Ангина разложила ульчское слово пуймули на следующие составляющие: пуй — кипеть, бурлить, му — вода, ли — суффикс, превращающий слово в существительное.

Ненастоящий дракон пуймур, пуймули уходит из памяти этносов, чьи предки считали его реальным существом. Его образ все больше становится мифическим. Еще немного, и упоминания о нем останутся только на страницах фольклорных сборников.

Екатерина Дмитриевна Самар

ГОЛОС ДАЛЁКИХ ПРЕДКОВ

сквозь ветер времени

Светлана ФУРСОВА

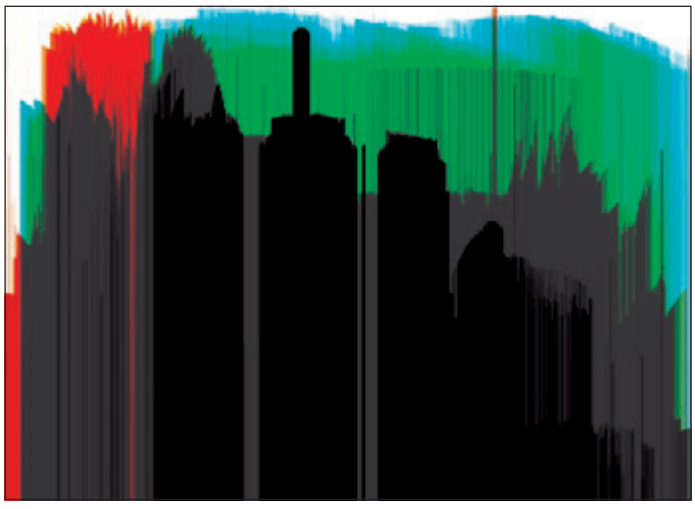
Художник Илья ЛИХАНОВ

Врача-терапевта Екатерину Дмитриевну Самар называют нанайской сказительницей. Она родилась в селе Бичи Комсомольского района. Детство прошло в единении с природой, когда деревья и травы казались девочке гигантскими драконами, цепляющимися за косы и платье. Закончив школу, Екатерина Дмитриевна поехала в Хабаровск поступать в мединститут на лечебный факультет. В 1961 году по распределению работала в Эльбане. Позже вернулась в Комсомольск-на-Амуре, где с тех пор живет и работает.

Как вспоминает Екатерина Дмитриевна, село Бичи, по сравнению с другими поселками на Амуре, было однородно нанайским. За исключением трех русских семей, которые приехали туда во время войны и после уеха-

Палоа Нингма

Дюэр Пудин бичинь. Эткэни молоха,дуйси тоха.Нэвуни дили силкора,нуктэи сигдигурэ силигухэни. Тойтара, алтама дяпара боачи масаланггдахань муэвэнь. Энэе! Бадгядигда, Манггоа даврама яям, мэпи девром («девром» — на гаринском диалекте значит шутка, насмешка над собой, ирония): “Силопонди бэгдику чико-чико,эвгэди нгалако габудунгг-габудунгг, коэгэдь хэмдэку коел-коел, борактади насалку болдя-болдя, палоадь дилико пакал-пакал”. Тойтам Пудин нгэлэхэнь. Игурэ, хондор чиалани,сим, сирихань. Сириха. Мэпи девром тоила торини: “Силопонди бэгдику чико-чико, эвгэди нгалаку габудунгг-габудунгг, борактади насалку болдя-болдя,палоади дилико “пакаря”!”. Пакаря уткэлэ ихэнь. Палоа ундини: “Энэй! Энэй! Эгэе кэвкэни, хавсь энэхэчи?”. Эсигдэ яллохань: “Котокандё-ё-ё-ё-а, сопокандё-ё-ё-ё-а, котытянгг-тянгг-тянгг, хэ-хэ-хэ! Илан мода туй тахань, инепочим. Хэсэнгосини: “Кэвкэ,элэ аначи, чимана давгоре,-гучи”. Кэвкэрэгдэ энухэ. Туй таворду эткэнь морахань: “Эпэнггo, бэлэчинггдэром!”. Нэвудюмэ нерэ бэлэчинггдэхэнь. Эткэни: “Энэй, энэй! Хайм туй очись? Комондоси сэксэдэ ана («комондоси сэксэдэ ана» — аллегорическое выражение, обозначающее состояние человека, находящегося на грани смерти, т.е. скоро душа соединится с духом). Нэвуни унгкини: “Амба пулчине, силопонди бэгдику, эвгэди нгалаку, борактади насалку, куэгэди хэмдэку, палоади дилику. Мэпи девром яям пулсине, бумбо гэлэгуйне, тади нгэлэхэмбе”. Эткэнигдэ инектэхэни: “Хэ,хэ,-хэ! Силопонди бэгдику чико-чико, звгэди нгалако! Хэ,хэ,-хэ!» Нэвуи гисурэгуйвэни,амба деврондивани, ча инектэгуй бахань. Нэвуни ундини: “ Чимана амба дидюйне, ми мологочая, эдь инектэрэ яяйдуни: котакандё-ё-ё, сопокандё-ё-ё, котытянгк-тянгг-тянгг хэ-хэ, туй инектэйне инепочим”. Эткэни гэсэ, нэвуи ундивэни амдами, инектэхэнь. Нэвуни ундини: “Элэ,си кэтэ инектэйсь манггa,-мэпи вавоандисирагда чимана”. Нэвуни унгухэни: “Ая,ая! Мимбе нгуйдэ вараси!”. Дяла чиманя эткэни дэрэдихэ, нэвуни молоха. Эткэдюмэ дили силкора, нуктэ сигдигурэ, силигухэни. Алтамаи дяпара, боачи муэвэни масаланггдахань. Анае!-Манггo даврама амба яям, мэпи девроми: “Силопонди бэгдику чико-чико, эвгэди нгалако габудунгг-габудунгг, борактади насалку болдя-болдя, коэгэди хэмдэку коел-коел, палоади дилико пакал-пакал”. Эткэдюмэ ча ичэдэм досодяра, декчи игухэнь. Игурэ, хондор чиалань куэксэйгэ сирихань. Амба тоя ториня, томда, тэи Палоа, яям, мэпи деврондинь. Исоханя.Дёкчи ирэ ундини: “Эе! Эгэе хайсь кэвкэ! Хавсь энэхэчи?”. Яялохани: “Котакандё-ё-ё-ё-а, сопокандё-ё-ё-ё-а, котытянгг-тянгг-тянгг, хэ-хэ-кэ!” Иля мода тайдуни, эткэдюмэ инектэлухэни: “Кики- кики-и-и-и”. Амба эткэдюмэ агбимбоханя, эсигдэ, туй барачиханя. Палоа ундини: “Эгэ, дилясь гэлэгитэ?” Пудин ункини: “Ми дилидуя хайда кэвкэ, чиктэдэ анаи”. Палоа ундини: “Ая,ая! Ми чиктэ анада, бадямби!” Эсигдэ, дидэхэ тэсивэнь, туйбэки дилянь гэлэлухэ. Дилянь, нуктэ долань гэлэй, туй гэлэй, тойтамя ундини: “Ата-та, а! Анае! Даи чиктэ бахамби!” Пудин ундини: “Нэрись хайринь”. Палоа ачанггохани: “Хони нэвури, хайда чикясь!” Пудин ундини: “Малоду нэру”. Палоа дяралигуй: “Малода чикясь”. Пудин унди: “Пуксуду нэру”. Палоа дяралигуй: “Пуксудэ



ли, остальное его население составляли нанайцы. И хотя официально нанайского языка в ту пору не существовало, преподавание и обучение в школах велось на русском — язык, обычаи, обряды и традиции в нанайских селах знали. «Политика государства, — говорит Екатерина Дмитриевна, — была направлена на уничтожение нанайского языка. Шла поголовная монолингвинизация. Даже такие писатели, как Ходжер, Пассар писали и говорили только на русском. А как можно в совершенстве знать русский язык, если гены другие», — сетует Екатерина Дмитриевна.

Отец и дед Самар родом из Наана, есть такое местечко близ Кондона. «Когда нанайские территории присоединили к России, наши деды решили построить на свои средства церковь в Наане и Кондоне, — продолжает Екатерина Дмитриевна.— В то время, когда по Амуру не было ни одной церкви (за исключением, пожалуй, Благовещенска), я помню, построили у нас церковь с четырьмя колоколами. Потом добились разрешения открыть церковно-приходскую школу. Правда, просуществовала она недолго, до прихода Советской власти, которая церковь разрушила и священников разогнала».

Хотя жизнь Екатерины Дмитриевны Самар, как и жизнь других ее односельчан, была далеко не сказочной (она лечила людей, ходила по вызовам, много работала), услышанные ею в детстве сказки и легенды всегда жили в душе и памяти. В 1979—1980 годах Екатерина Дмитриевна стала их записывать, мечтая, что найдется издатель, который опубликует ее труд, однако до сих пор это так и остается несбыточной мечтой.

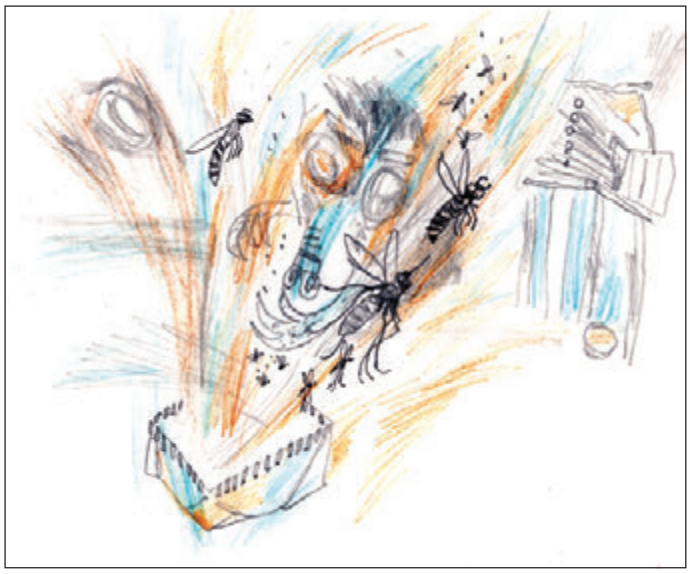
О чем они, эти древние легенды и сказки, не потускневшие в памяти с тех пор, когда маленькая нанайская девочка длинными вечерами с шумом ветра слушала протяжный и гортанный голос бабушки, рассказывающей о духах, шаманах, чертях? Чем отличаются от других приамурских сказок?

«Все они записаны на нашем гаринском диалекте, — поясняет Самар, — оценить который может только специалист, а их мало теперь осталось — знатоков этого наречия».

Именно поэтому свою задачу нанайская сказительница Екатерина Самар видит в том, чтобы «зафиксировать» сказочные образы в том виде, как она их слышала от своей бабушки

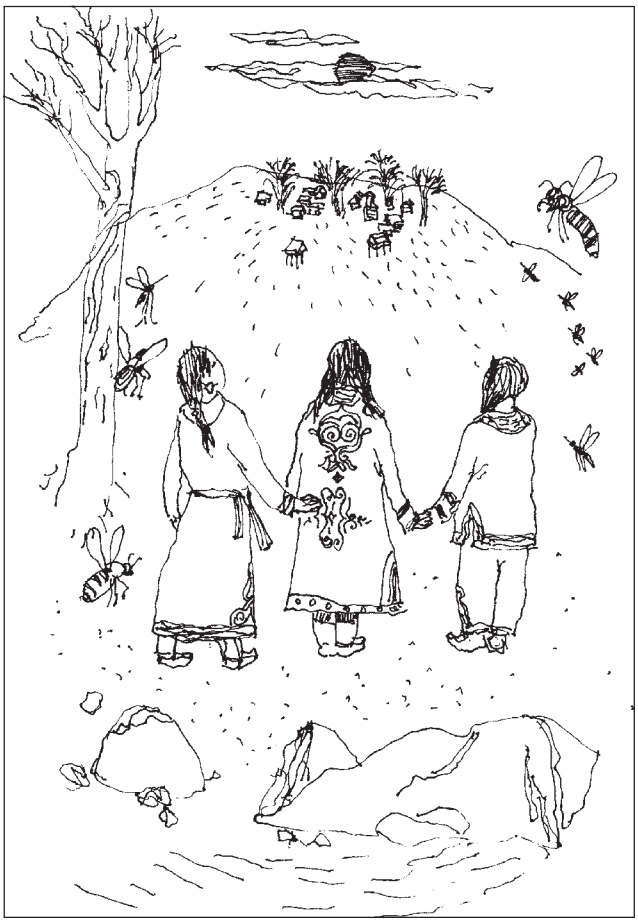
Сказка, которую мы представляем читателям, несмотря на страшноватый сюжет, типична для нанайского фольклора, говорит Екатерина Дмитриевна. Сказительница считает, что нельзя ее адаптировать к русской грамматике, и старается сохранить все своеобразие и самобытность языка своего народа.

чикясь". Пудин унди: "Бэсэрэду нэру". Палоа дяралигуй: "Бэсэрэдэ чикясь". Пудин унди: "Хайду нэрись? Паланду нэру, хайда дайлань пала, чикидяма!" Палоа дяралигуй: "Паланда чикясь". Пудин унди: "Хайду нэрись пулэди, гадю ичэгуе". Палоа дяралигуй: "Хэрэ, Пудин, сингмуй агбимбо, сингмудусь нэгуе". Пудин ундини: "Палан чикясянь сингму чикину?". Палоа дяралигуй: "Ая,ая! Чики, чики!". Пудин сингмуй агбимбохань. Палоа эвгэм нгалади сингмонь дяпара, чопторам тоанкинь. Пудин будэ тахань. Ангмань савря чиксухэне, дилянь чирэптунду нэрэ, дэрэгбэни падиранчи акпангтоангкини. Амба сингмо дяпагура кэвкэрэгдэ энухэ. Хоняда биме, нэвунь морахань: "Эгэ, бэлэчингдэро!" Чим, чим би. Нэвунь хэсэнгосихань: "Элэ,амба ваханьгоань, уюнди хэмэ-хэмэ бивурну". Игухэнь, ичэйнь, эткэнь авлакачимя би. Нэвунь ундини: "Най хэрсиньдэ бэлэчинггдээе, авлакачимя бисем". Энэрэ бэгдень тоанкинь, балана сингки, амба вара, таду нэкухэнь. Ангмань яросинь, Палоа сингмонь тоанкинь. Мова чапчира, ивугурэ, гольдёмби ивангки дебдуй баргира эмучэкэ декпини. Дяла чиманя давхань, Палоа поктолань, симатаду сэксэгдэ-сэксэгдэ эткэнь сингмонь давухань. Мангго давханя, таванки Палоа поктолань туй энэме, энэме эм такто бахань, такто долань тыс би, найсал бэгдинимэле. Туй энэме, энэме такто бахань, такто долань тыс би, найсал нгаланималя. Туй энэме, энэме такто бахань, долани найсал бэенимэле. Тадуки туй энэме, энэме такто бахань, долани найсал сингмунимэле, тыс кондарак ловоха. Эткэнь сингмунь тэ-э-э дакяла бинь, сэксэ сабдахань тэпэм чиаксихань. Таванки энэме, эм дёкчи энэхэнь. Боакялань найсал гирамсань яа-а-а-ам би. Уткэ дяпаконь дяпара, уткэ нихэлим дёкчи ихэнь. Долани эм Пудин эмучэкэ бинь. Пудин ундинь: "Ми нэвуй амба Палоа,симбе дептэсинум, хайду дяявре?" Андаха депонкине, мэнэдэ декпине. Туй биме Палоа эткэни ункини: "Элэ нэвуй Палоа дидюе, симбе хайду дяявре, хонянди опоандамбе. Хайда, хавойда, уелэ би сэвэ, дяпачайни осини, хораврида одяра". Нгалади дилянь ондар пачилахани, хонян опоанда, паландуки дяпагура, курмилэ гидалахань. Туй тахань хамялань амба исогохань. Дидюхэне, игухэне. Эткэй каничинь эм гиувэ дёлаханя, мэндечи эм найва дёлаханя. Тэгухэндуй унди: "Эгэ, най парпай пум бие, эй дёгду!" Эткэнь госолай: "Хамача парпай очинь,эсь гадюхась най парпай бесикэ!"Тойтара, Пудин гиувэ тэлгэчирэ пуюхэнь.Палоа,нёань найггоань, чапчира энюэлэнь ихэнь,пуйсихэне Амба эткэнь ункинь: "Мэнэ котолару,хаборада".Палоа декпине, силэ омиханя, тойтара ундини: "Элэ,элэхэмбе,халда декпинди эсимэ пулэ декпимбе". Эткэнь эмучэкэ туючихэнь, тойтара, отай улпими, гольдён уткэ тавадуни тэсихэни. Чаду нэвунь мэдэчини: "Эгэ, хайду акпамбуре?". Эткэнь ундини: "Мэнэ бэвндуй аврись хайринь, гочидяла". Палоа ачангуйни: "Гочиду гочиктала". Пудин ундинь: "Малоду аврись хайринь". Палоа ачанггуй: "Малоду махарисямбе". Пуди ундинь: "Пуксуду аврись хайринь". Палоа ачангуй: "Пуксунду пунгнюрисембе". Пуди ундинь: "Паланду аврись хайринь". Палоа ачанггуй: "Паланду пакарисямбе". Пуди ундинь: "Хэни пачидонь аврись хайринь". Палоа ундинь: "Кэкэ-кэкэ-э-э! Тэнгг улэн! Дюпуко-о-о-о акпамборь". Энэрэ, хэни дочинь ирэ, акпангкинь: "Тэнгг улэн! Хэниду акпангким, нам-м-м очи". Туй аври, туй аври, эткэни сэручим "тух" тахань. Палоа мэдэсинь: "Эгэ, хайва ундися, а?". Пудин ундинь: "Хайва ундембе, эй отай тухэне, отагой улпие". Туй горо, дидя биче, Палоа акпамда акпандасе дола. Пудин "тух" тай,Палоа элэдэке мэдэси: "Эгэ, хайва ундись тухда,а?" Пудин ундинь: "«Хайва ундембе, эй сумулбэ чиамбом дёбое". Горо биме-е-е "тух"



тайньда амба хончирамя дола аври Эткэнь хонямба дяпара паланчи дёлахань. Андаха Пудин кичоря илёвхань. Тойтара, амба эткэнь сучуку дяпаха, Пудин сурэ дяпаха,эсигдэ хэничи энэмэри чапчида, нучида тахачи. Палоа морайнь: “Энэнэ! Энэнэ! Силопома бэгдие, эдь моктора!” Пудисэл мокторам пачилаха Палоа морайнь: “Эвгэм нгалая, эдь моктора!”. Пудисэл мокторам пачилаха. Палоа морайнь: “Коэгэмэ хэмдэе, эдь тэкэрэ”. Пудисэл тэкэрэм чанчиха. Палоа морайнь: “Боракtама насалбя, эдь боярa!” Пудисэл боярам пачилаха.Палоа морайнь: “Палоама дилия,эдь калтара!” Пудисэл калтарам чапчиха,чимомсак.Пудисэл ёнки,туй нучидэ,туй чапчида тайчи, хэниду чим, чим би, элэ борты вахачи амбамба. Палоа гирмаксань эткэни матахачь нэрэ боачь пихундэхэни. Пихундэми ундини: “Чу даи гирмаксал, хачин девэсэл осо. Фуй! Фуй! Фуй! Тэй пэдгелэни би гирмаксал, даи кармакта осо! Фуй! Фуй! Фуй! Тэй пэдгелэни би гирмаксал, даи пурмикта осо! Фуй! Фуй! Фуй! Тэй пэдгелэни би гирмаксал-,нучи пурмиктэ осо! Фуй! Фуй! Фуй! Тэй пэдгелэни би гирмаксал, хачин чёкта ооо! Фуй! фуй! Фуй! Туйбэки симиансал дэгдэхэчи. Эткэнь нэвуй гирмаксань чёпал” пихундэхэнь. Матахай дяпагора дюкэ дёкчи игухэни. Тойтара, андаха Пудин, хамась мочогой дёкчи, дягуй баха амба эткэни. Пудин дёкчи энуе,туй энумэре исогохачи.Нэвудюмэ Пудин эткэй сингмони ангмачинь гидалавхань, тойтара тоичи эвухэни. Тоиду эткэй нгалань дяпара ункинь: “Улэн найсал иргэдуни,найсалдуки увуй бичи осини, кичоря илигодячи! Иргэн найсалди гэсэ бичи осини, тувуйчэме илигодячем! Эткэй хархира дёлахань. Эткэни тувуйчэме илёвхань. Иргэнэйди гэсэ бичиньтэни.

Элэ, дувэ.



Палоа - Молоток

Бабушкина сказка

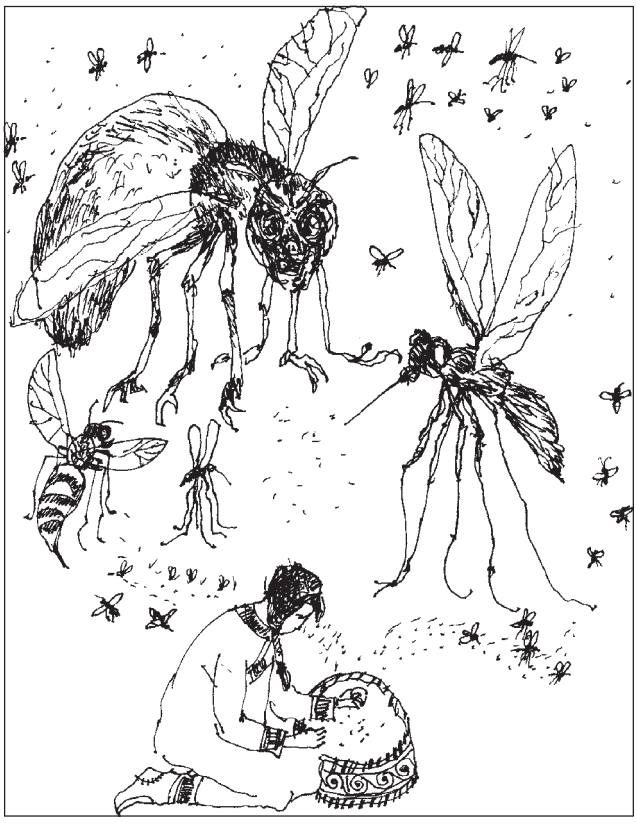
Перевод с нанайского Натальи СКОРПНЕВОЙ

Жили две сестры-красавицы Пудин. Старшая сестра в лес пошла за дровами, младшая сестра осталась дома. Младшая голову помыла, расчесала волосы и заплела в косу. Взяла тазик, на улицу вышла и воду выплеснула. Ах! Видит с того берега Амура Палоа идет. Идет и по-шамански поет — ЯЯЙНИ, насмехаясь над своим безобразием: «Из вертелов ноги скрип-скрип, из клещей руки цап-цап, из кремней глаза выпучил, из кузнечного меха живот пух-пух, из молотка голова черная-пречерная!» Амур переходит. Младшая Пудин испугалась, в дом зашла, за циновку спряталась, так хорошо спряталась, совсем незаметно. Палоа-молоток, над своим безобразием посмеиваясь, по берегу к дому идет: «Из вертелов ноги скрип-скрип, из клещей руки цап-цап, из кремней глаза выпучил-выпучил, из кузнечного меха живот пух-пух, из молотка голова черная-пречерная!» В дверь вошел: «Ах! А сестер моих нет, куда пошли?» Запел по-шамански: «Чашечки, чувашечки, трах-тах-тах! Ха-ха-ха!» Три раза повторил, рассмешить девушек хотел. Потом говорит: «Ну нет их, завтра приду». Исчез, как его и не было, ушел.

Тут старшая сестра пришла с дровами и кричит: «Младшая, помоги!» Вышла младшая Пудин, помогать стала. Старшая сестра говорит: «Чего ты, сестра, испугалась, такое лицо у тебя, как будто за тобой смерть приходила». Говорит младшая сестра: «Приходил сюда злой дух Палоа-молоток, у него ноги из вертелов, руки из клещей, глаза крёмнёвые, живот — кузнечный мех, а голова из молотка. Ходит, по-шамански поет, насмехаясь над своим безобразием. Нас разыскивает. Этого я испугалась. Завтра он придет, как я за дровами пойду. Палоа будет петь по-шамански, чтобы тебя рассмешить. Смотри, не засмейся». Старшая сестра рассмеялась: «Ха! Ха! Ха! Из вертелов ноги скрип-скрип, из клещей руки, из кремней глаза выпучил, из кузнечного меха живот. Ха-Ха-Ха!» — повторяла и смеялась. Младшая сестра говорит: «Чересчур ты, сестра, смеешься, навлечешь на себя смерть!» Старшая сестра говорит: «Ну-у-у, никто меня не убьет!»

На следующее утро ушла младшая сестра за дровами. А старшая сестра дома осталась. Голову помыла, волосы расчесала и заплела в косу. Взяла тазик воду выплеснуть, из дома вышла. Ах! С того берега Амура идет Палоа-молоток. Идет и поет по-шамански, насмехается над своим безобразием: «Из вертелов ноги скрип-скрип, из клещей руки цап-цап, из кремней глаза выпучил-выпучил, из кузнечного меха живот пух-пух, из молотка голова черная-пречерная». Старшая сестра послушала пение черта, в дом зашла и за циновкой спряталась, да так небрежно, вся циновка вспучилась над ней. Черноголовый по берегу идет к дому и поет по-шамански, насмехаясь над своим безобразием: «Из вертелов ноги скрип-скрип, из клещей руки цап-цап, из кремней глаза выпучил-выпучил, из кузнечного меха живот пух-пух, из молотка голова черная-пречерная!» Вошел в дом черноголовый: «О! Моих сестер нет снова!» И запел опять по-шамански черт: «Чашечки-чумашечки, трах-тах-тах! Ха! Ха! Ха!» Как третий раз повторил, старшая сестра засмеялась: «Хи-хи-хи —и-и». Вытащил он ее из-за циновки, обрадовался и говорит: «Давай, сестра, поищу у тебя в голове, нет ли вшей!» Девушка сказала: «Нет в моей голове никаких вшей!» Палоа говорит: «Ничего, ничего! Я найду, если даже и нет!» Прижал ее сидящую и стал искать вшей в ее волосах. Ищет, ищет и говорит: «Ох! Какую большую вошь нашел! Куда положить?» Девушка сказала: «Положи куда-

нибудь». Палоа говорит: «Куда ее положу, никуда не поместится». Девушка сказала: «Положи на кан МАЛО в глубине дома», Палоа говорит: «На кане мало не поместится». Девушка говорит: «Положи на правый кан ПУКСУ от двери». Палоа говорит: «На кане пуксу не поместится». Девушка говорит: «Положи на лавку БЭСЭРЭ у центрального столба дома». Палоа говорит: «На лавке бэсэрэ не поместится». Девушка говорит: «Ну на пол положи, вон какой большой пол, поместится». Палоа говорит: «Такая большая вошь, что и на полу не поместится». Девушка сказала: «Где еще поместишь? Покажи мне ее». Палоа говорит: «Пудин, высуни язык, на язык положу». Удивилась девушка: «На полу не помещается, а как на языке поместится!» Палоа сказал: «Ничего, ничего! Поместится!» Высунула старшая сестра язык, схватил Палоа клещами-руками язык и вырвал. Умерла старшая Пудин. Палоа уложил ее на кан, голову на подушку положил, лицом к стене, рот черемуховыми стружками набил. Придал ей вид спящей и ушел. Сколько-то прошло времени, младшая сестра вернулась, позвала: «Старшая, иди помоги!» В ответ тихо-тихо, не отзывается сестра. Жива ли? Разгрузила младшая сестра дрова с нарт, зашла в дом. Увидела, лежит сестра, и говорит: «Зову помочь, а ты полеживаешь». Подошла и дернула за ноги: давно сестра окоченела. Проверила рот — черт язык вырвал. Дрова младшая занесла, затопила печку-гольдён, приготовила еду и поела одна. На следующее утро младшая Пудин перешла Амур и по следу Палоа пошла, на снегу красные капли крови от языка сестры. Шла-шла по следу и видит амбар, полный человеческих ног. Дальше пошла. Шла-шла и к амбару пришла, полному человеческих рук. Дальше пошла и дошла до амбара, полного человеческих тел. Дальше пошла, дошла до амбара, полного подвешенных человеческих языков. Язык сестры у входа висит, капли крови застыли на полу. Забрала язык сестры, завернула в платочек, положила в котомочку. Дальше пошла по следу черноголового и пришла к дому. Во дворе дома много человеческих костей белеет. Взяла ручку двери, дернула на себя и вошла в дом. В доме была одна девушка — Пудин. Говорит девушка: «Мой младший брат черт, он тебя убьет, куда бы спрятать тебя?» Накормила девушка гостью, сама поела. Вскоре девушка сказала: «Скоро брат черт придет, надо тебя спрятать, превращу в ложку, хоть надежда, если кто из высших сэвэнов будет держать твою душу, может, останешься живой». Девушка ударила рукой гостью по голове и превратила в ложку. Подняла ложку с пола и положила в коробку КУРМИ для хранения ложек. Тут же пришел младший брат девушки черт Палоа. Себе на кан ГИЛОН слева возле двери человеческое тело бросил, на кан сестры косулю бросил. Сел и говорит: «Сестра, свежий человеческий запах есть в доме!» Сестра его ругает: «Какой свежий человеческий запах, вон принес человеческое тело, вот и свежий запах у тебя в носу». Девушка косулю разделала, себе сварила. Человеческое тело разрубила, положила в котел брата. Закипело в котле черта варево, она ему говорит: «Вот, сам вытаскивай и жри». Поел Палоа, бульону попил, сказал: «Насытился как никогда, сейчас лишнее съел». Сестра сидит около приоткрытой дверцы печки и шьет обувь. Тогда младший брат спрашивает: «Сестра, где лечь спать?» Девушка говорит: «На свое место ложись, на кан возле двери». Палоа сказал: «Возле двери на кане плохо». Девушка говорит: «Тогда на кан в глубине дома ложись». Палоа сказал: «На кане мало неуютно». Девушка говорит: «На правый кан пуксу ложись». Палоа сказал: «На правом кане пуксу неровно». Девушка говорит: «Тогда на полу ложись». Палоа сказал: «На полу грязно» Девушка говорит: «Ну, так лезь в деревянную ступу!» Палоа сказал: «Вот точно! Хорошо! Плотненько уложусь» К ступе пошел, внутрь залез: «Как удобно, как хорошо!» В ступе улегся, вроде спит. Девушка решила проверить, глубок ли сон брата, и обувью стук об пол. Палоа спрашивает: «Сестра, что сказала?» Девушка отвечает: «Что сказала? Это я уронила обувь, шью себе обувь». Так долго было. Никак Палоа не засыпает. Девушка обувью



стук об пол, тут же брат спрашивает: «Сестра, что сказала словом «стук»?» Сестра отвечает: «Что скажу, вот сухожилие сучу, работаю, мучаюсь». Долго так продолжалось. И вот девушка стукнула обувью об пол. Храпит Палоа, не откликается. Девушка взяла ложку, бросила на пол и обратно превратила гостью в Пудин. Взяла сестра Палоа пест, Пудин взяла топор, подошла к ступе, и одна рубит, другая толчет. Закричал Палоа: «Больно! Больно! Ноги мои из вертела, не ломайтесь!». Пудин враз размахнулась и рубанула, сломала ноги черта. Палоа кричит: «Руки мои из клещей, не ломайтесь!» Пудин враз размахнулась и рубанула, сломала руки черта. Палоа кричит: «Мой живот из кузнечного меха, не лопни!» Пудин враз размахнулась и рубанула, лопнул живот у черта. Палоа кричит: «Кремнёвые глаза мои, не разбивайтесь!» Пудин враз размахнулась и рубанула, вдребезги разбились глаза черта. Палоа кричит: «Голова моя из молотка, не расколись!» Пудин враз размахнулась и рубанула, раскололась голова черта, сразу умолк крик Палоа.

Девушки вошли в азарт, одна продолжает рубить, другая — толочь. Из ступы не раздается ни звука. Все, убили черта совсем! Девушка высыпала кости брата в берестяной таз-матаха и на улице веять стала, приговаривая: «Самые большие косточки, станьте разными осами. Фуй! Фуй! Фуй! Поменьше косточки, станьте большими комарами. Фуй! Фуй! Фуй! Еще меньше косточки, станьте мелкими комариками. Фуй! Фуй! Фуй! А еще их меньше косточки, станьте большими мошками. Фуй! Фуй! Фуй! А еще их поменьше косточки, станьте мелкими мошками. Фуй! Фуй! Фуй! А совсем маленькие косточки, станьте мокрецами. Фуй! Фуй! Фуй!»

Все развеяла. Из костей черта, киша, целые рои полетели. Осы, оводы, комары, мошки, мокрецы. Девушки еле-еле убежали домой. Так гнус появился.

Младшая Пудин забрала девушку с собой, и пошли они домой. Дошли до дома благополучно. Вложила младшая сестра язык в рот старшей, зашила. Принесла тело сестры на берег, взяла за ноги и сказала: «Если ты лучше людей, живущих в селении, была, сразу прямо встанешь на ноги! Если ты ровня с ними была — встанешь на ноги шатаясь». Покрутила вокруг себя и бросила. И встала сестра покачиваясь. Значит, ровня людям, живущим в селении, была.

ЛЕМЕНТОВИЧ
***Татьяна Васильевна**, искусствовед, работает в Дальневосточном художественном музее около 30 лет. Специализация — народное искусство. С 1981 года занимается организацией экспедиций по Амуру с целью предметного комплектования коллекции народного искусства. При участии Татьяны Лементович реализованы выставочные проекты: «Лики надежды и гармонии» (Международная российско-американская выставка), «Традиционное и современное искусство коренных народов Приамурья 70 – 90 гг. XX века» (совместно с Союзом художников РФ, 2000), «Рисуют дети Амура» (2003), а также персональные выставки многих народных мастеров.*

Потомственная вышивальщица
Лариса Бельды

Лариса Бельды — лауреат премии губернатора Хабаровского края в области декоративно-прикладного искусства. Справа — С. Ю. Черепанова — председатель Хабаровского краевого благотворительного общественного фонда культуры. 2000

Лариса Ганзулиевна Бельды, член Союза художников России, мастер в области традиционной вышивки по текстилю (костюм и его атрибуты, ковер).

Родилась в 1954 году в селе Джари Нанайского района Хабаровского края, закончила Хабаровское училище искусств (1977), Хабаровский государственный институт культуры (1982). С 1988 по 1992 гг. — директор и преподаватель детской национальной школы искусств в селе Найхин. Участник многих выставок: "Дальний Восток" (зональная, 1997, Хабаровск), "Лики надежды и гармонии" (российско-американская), 1998, Дальневосточный художественный музей, Хабаровск), "Искусство нанайцев" (1996, Музей народов Амазонии, Цуруока, Япония), "Северная цивилизация. XXI век. Мифология. Быт. Культура" (1999, филиал музея современной истории России, Москва).

Произведения автора находятся в собраниях музеев Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, Санкт-Петербурга, Японии, Канады.

Проблема сохранения цельности и чистоты народной культуры сегодня обозначилась особенно остро. В центре этой проблемы стоит художник- создатель и продолжатель традиции. Лариса Бельды — потомственная вышивальщица, одна из представительниц не многочисленного, но древнего амурского народа — нанайцев.

Ее работы достойны обсуждения и представления на выставках любого ранга благодаря чистоте художественного языка, яркой образности и верности традициям. Самое важное для мастера — не потерять, донести каноны, выработанные предками на протяжении многих столетий. В создании национального костюма и его атрибутов художник обращается к пластической форме, утверждая ее ценность для нашего времени.

Лариса Бельды по крупицам собирает древние орнаментальные мотивы, тщательно реконструирует традиционный национальный костюм (мужской, женский, детский, ритуальный и бытовой), бережно сохраняет цветовую и орнаментальную семантику. Процессы познания и творения неразрывны в ее искусстве. Природный вкус, опыт художника и здоровый консерватизм, необходимые в народном искусстве, оберегают автора от влияния массовой культуры, позволяют сохранить внутреннюю независимость.

Лариса Бельды чувствует ответственность за судьбу женского амурского искусства, аккумулируя в своем творчестве его лучшие достижения, сохраняя традиции для последующих поколений.

Татьяна ЛЕМЕНТОВИЧ, искусствовед

Книга Ларисы Бельды «Даня Гуйсэкэни» вышла в свет в 2000 году совсем небольшим тиражом — всего 300 экземпляров. Однако информация, представленная автором, уникальна и может заинтересовать широкий круг читателей. Редакция журнала публикует полный вариант книги художника Ларисы Бельды.

Памяти Клавдии Павловны Белобородовой, искусствоведа, светлого человека

Даня гуйсэкэни (Бабушкин сундучок)

Традиционная одежда нанайских детей

Лариса БЕЛЬДЫ

Нанайская традиционная одежда как детей, так и взрослых вплоть до 30 —40-х годов XX века шилась из ткани, рыбьей кожи, ровдуги и состояла из плечевой (верхней и нижней (халаты), поясной (нательной: трусы-штаны, ноговицы), дополнительных элементов (рукавицы, пояс, нарукавники, нагрудники), обуви, головных уборов, различных украшений. По покрою детская одежда в основном не отличалась от взрослой. Она также выполнялась аккуратно, была практична, удобна.

Строгий взгляд других женщин стойбища сразу давал оценку изготовленной вещи. Обсуждению подвергалось все: как сшиты шнурки для петель ***хэхэ сидюхэ*** (***хэхэ*** — петля, ***сидюхэ*** — процесс шитья шнурка для петель), как пришиты петли ***хэхэ***, пуговицы ***тохон***, соблюдены ли пропорции окантовок, какой подол у халата...

Никаких скидок на детство. Даже когда изготавливали вещи с соблюдением обряда ***плиочи*** (буквально поднять, поднимать), который совершали в семьях, где умирали дети, халатики с застежкой на левую, в обе стороны, на спине или сшитые из девяти лоскутов, взятых в девяти домах, из кожи девяти пород рыб, не нарушали форму, целостность.

Аккуратность, ответственность начиналась еще в детстве, когда девочке впервые давали работу: соединить две половинки кожи мелкими стежками через край (***гулумбэ каптори*** называется работа). Плохо выполненная работа сразу распарывалась взрослыми и отдавалась на переделку.

Существовали запреты при изготовлении детской одежды, которые строго выполнялись.

Нельзя заранее готовить вещи еще не родившимся детям. Беременность женщины, рождение младенца скрывали, боялись козней злых духов.

Родители желали счастья, удачи ***кэси*** своим детям. Большим грехом ***соромбори*** считалось одевать их хорошо, шить одежду из дорогих тканей. Говорили, будет ***кисиако*** — несчастливым.

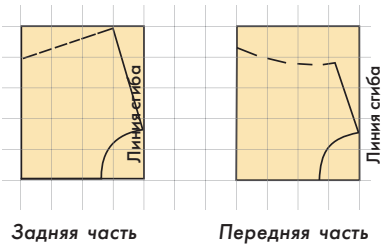
Девочка — будущая мать. Страх за ее предстоящие роды (родов нанайские женщины боялись больше всего) запрещал шить одежду, обувь из шкуры, ровдуги, применять сухожильные нитки изюбра ***бочан***. Боязнь трудных родов требовала соблюдения этого запрета, так как по поверьям нанайцев самка изюбра рожает тяжело, просунув голову между развилкой дерева ***алчар***. В 1986 году в селе Джари Нанайского района Бельды Боли (дев. Ходжер, род. в Доокида в 1907 г.) рассказала, что она рожала своих детей стоя (роды по обычаю проходили на улице) и была уверена в том, что по чьей-то ошибке (она росла без матери) в детстве носила одежду, где что-то было от изюбра: камус, ровдуга, нитки.

Рассмотрим детскую одежду, как если бы мы одевали ребенка, и увидим: все в одежде нанайцев было целесообразно и продумано. ***(О самой технологии шитья одежды мы здесь не будем говорить).***

ПЭРУ

(трусы, штаны)

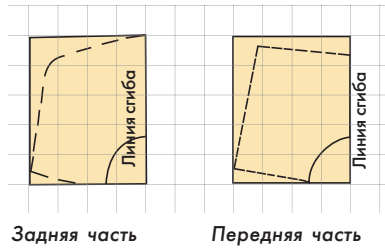
При работе над детским комплектом (одежда девочки и мальчика) мне было рассказано о двух видах штанов, которые шились как из ткани, так и из рыбьей кожи. Условно назовем их ***тип 1*** и ***тип 2***. К ***типу 1-му*** отнесем ***пэру***, по покрою сходные с современными мужскими трусами без боковых швов. Ко ***2-му типу*** — трусы, которые имели название ***цолима пэру,*** с боковым швом.



Тип 1.

Покрой ***пэру*** простой. Для каждого типа брали по два куска ткани прямоугольной формы шириной, превышающей ширину бедер. Ткань складывали вчетверо. Для ***2-го типа*** со стороны сгиба выкраивали полукруглый вырез для промежностей, боковую часть слегка заужали к верхней части. Трусы ***1-го типа*** кроили от края.

По длине ***пэру*** доходят до середины бедер, но могут быть и чуть короче. Верхняя часть выше талии, но при этом задняя часть выше передней, имеет полуовальную форму. Сзади, ниже пояса, пришивали две завязки недалеко друг от друга и завязывали впереди. Детали штанов соединяли очень тщательно мелкими частыми стежками через край.



Тип 2.

К ***пэру*** девочек пришивались нагрудники ***дилба*** (***дилба —*** нательный нагрудничек прямоугольной формы), доходящие почти до шеи с лямочками или завязками на концах. Пришитые на уровне груди завязки (причем левая длиннее) завязывались с правой стороны. Девочкам нельзя было показывать пупок ***хуйму***, груди — ***ку,*** ходить без трусиков — ***пика.*** Большего стыда ***иламо*** не было. Считалось, что такие девочки вырастут наглыми — ***дарако***, бессовестными — ***хайдида ирэнтэси*** (здесь неиспытывающие чувства стыда).

Дети до 2—3-летнего возраста носили штанишки с небольшим открытым вырезом в промежностях.

ХАЛАТ

Халат мальчика из рыбьей кожи

Халат мальчика (вид спереди)

Халат мальчика (вид сзади)

Халаты девочек и мальчиков не отличались по покрою. У девочек они длиннее, доходят до икр, у мальчиков — выше колен, имеют боковые разрезы ***саркал.***

Для раскроя халата материал перегибали по ширине (линия плеч) и по длине (середина халата). Выкроив кимоно, получали спинку, перед, верхнюю часть рукавов. Вырезали горловину: сзади она равна ширине двух пальцев, спереди — трех (у сутулых, соответственно, одному и двум). От шейного выреза делали небольшой надрез вниз, от него — срез вправо, а затем к правой подмышке.

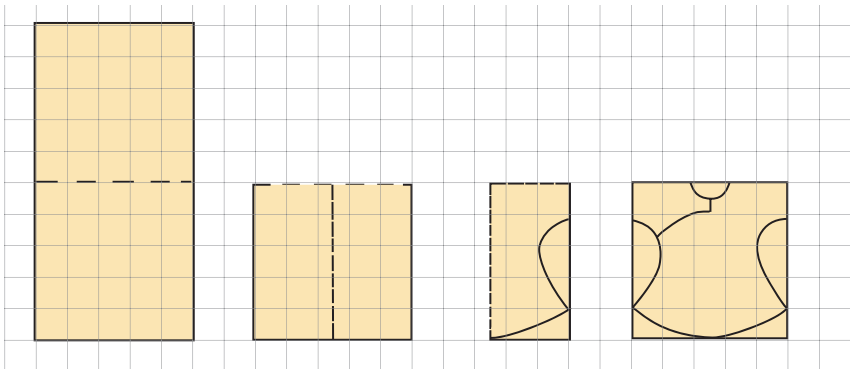
К короткой части добавляли ткань того же цвета и выкраивали внутренний подол ***до элэни*** (***до —*** внутренний, ***элэ —*** подол), равный середине задней или передней полы. Нижняя часть внутреннего подола срезалась к середине для того, чтобы нижняя пола халата не была видна из-под верхней. Поэтому она выглядит как бы приподнятой. После этого надставляли рукава.

Широкая левая пола дала название халату — левополый. Халаты из рыбьей кожи раскраивались чуть проще, потому что выкраивались из отдельных деталей, разделенных плечевым швом. Халаты, сшитые из ткани, называли ***босома тэтуэ*** (***босо —*** ткань, ***тэтуэ*** — одежда) или ***нани тэтуэни*** (***нани —*** нанайский). Шились тканевые халаты с подкладкой ***капчима*** или ***дококо*** (***доко —*** подкладка) и без нее — ***покто***; на вате — ***ёханку*** (***ёхан —*** вата).

Орнаментированные халаты из рыбьей кожи назывались ***амири,*** а без орнамента — ***утэсу.***

Спинки детских халатов из ткани часто выполнялись в технике лоскутной мозаики: чешуя, треугольники, прямоугольники, ромбы, которые выполняли защитную функцию. Это так называемая спинка дракона, защищавшая человека от злого начала. Некоторые матери на спинку детских халатиков пришивали кусочек ткани и под ним помещали кожу ерша ***аодян*** (защита от злых духов), пушок птички оляпки ***оёрпоан*** (для стойкости к холоду).

Халатики из кожи (кожа — ***согбо,*** кожаный — ***согбома,*** одежда — ***тэ-***



туэ) обычно не оторачивались полосками ткани и не имели вышивку. Для халата ***амири*** орнаменты, отделочные полосы вырезались из кожи, окрашенной природными и китайскими красителями синего, желтого, красного цветов.

Тканевые халаты оторачивались по краям полосками ткани другого цвета (часто черного). У девочек все части халата (ворот ***монго***, от ворота до подмышек ***харпи,*** от подмышек до подола — ***хэту,*** подол ***тэ,*** концы рукавов ***хуэксэ***). На халатах у мальчиков оторачивались край левой полы, подол, боковые разрезы, концы рукавов. На подоле девичьих халатов пришивались металлические подвески ***ачиан,*** раковины каури (вид морских раковин) ***кякта.*** Позднее стали применять мелкие белые пуговицы, кнопки. Ширина оторочки строго соблюдалась.

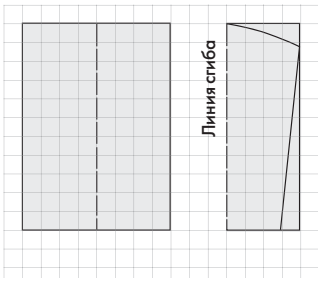
Боязнь привлечь злых духов не позволяла украшать детскую одежду вышивкой. И если она использовалась при шитье халатов, то чаще была на вороте, от ворота до подмышек (реже — по всем краям) у девочек, а у мальчиков — от ворота до подмышки, от подмышки до подола, на боковых разрезах. Халаты застегивались на петли и пуговицы, которые пришивались у шеи, плеча, под рукой и на боку. Пуговицы пришивались на открытой части переда халата, а петли на закрытой.

Нанайские дети носили также халатики, сшитые без оторочки или с частичной оторочкой, которые смотрелись скромно и красиво. Такая сдержанность и строгость присуща орнаментированной, окантованной разными полосками ткани и кожи и сшитой без всяких прикрас одежде.

ГАРОН
(ноговицы)

Длинных штанов у нанайских детей не было, их заменяли ноговицы ***гарон.*** Для раскроя брали ткань, соединенные куски кожи (размером больше обхвата бедер), сворачивали вдвое по длине. Линия сгиба — это середина передней части ноговиц. В верхней части край ***гарон*** как бы повторял форму бедра, книзу ноговицы сужались к ноге.

Летние ***гарон*** шились из ткани с подкладкой, а зимние — на вате и из рыбьей кожи. На тканых могла быть вышивка: у девочек в нижней части, у мальчиков — в верхней. Ноговицы имели завязки, пришитые к середине верхнего края ***чири*** и к нижней части. У мальчиков на щиколотке, а у девочек — на щиколотке и под коленками ***гори.*** Верхняя завязка ***чири*** привязывалась к нешироколому пояску из ткани ***умуру.***



ОИ
(зимние ноговицы)

Зимой поверх ***гарон*** и обуви надевали зимние ноговицы ***ои*** из рыбьей кожи или плотной ткани. ***Ои*** чуть шире и длиннее ***гарон.*** Завязки в верхней части привязывались к пояску ***умуру.*** Нижние концы ноговиц не убирались, предохраняя от попадания снега в обувь.

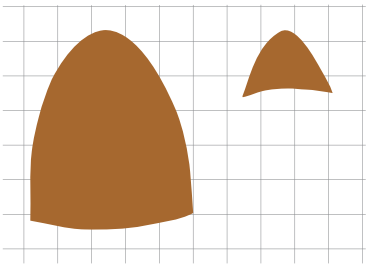
ДОКТОН
(ватные чулки)

Бэгдини даи оси — ноги большие станут — так говорили нанайцы, если не одевать детям ***доктон.*** Шились они из ткани на вате и из шкуры мехом вовнутрь по размеру ноги. Высота ***доктон*** доходила до икр. Верхняя часть ватных чулков могла отделываться полосой или полосками разных тканей, орнаментироваться. ***Доктон*** надевали поверх наголенков ***гарон.*** Сушили чулки, завязав завязки, пришитые сзади в верхней части. Перевязывали ***доктон*** завязками, пришитыми сзади на щиколотке.

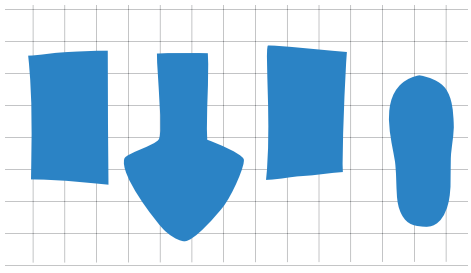
ОТА
(обувь)

Зимой дети носили обувь из рыбьей кожи амурского типа с треугольной вставкой на подъеме. Выкройка такой обуви проста. Из одного куска кожи вырезали подошву (подошва, боковая часть — это цельная выкройка). Отдельно выкраивали треугольную вставку ***эрму,*** голенище ***турэксэ,*** готовили три ременные петельки ***сэндехэ***, ременной шнурок ***суэксэ.***

Вкратце остановимся на сборке деталей обуви. Нужно стянуть носок (от стянутого носка обувь получила свое название ***татама ота —*** стянутая обувь), обработать задник, пришить петельки, голенища, вдев в петельки шнурок, вложив вовнутрь ***наокта*** (сухая трава, род тонкой осоки). В итоге получим обувь, готовую к носке. Маленьким детям шили из сукна унтики.



Раскрой обуви



Раскрой чулков

Обувь с ватными чулками

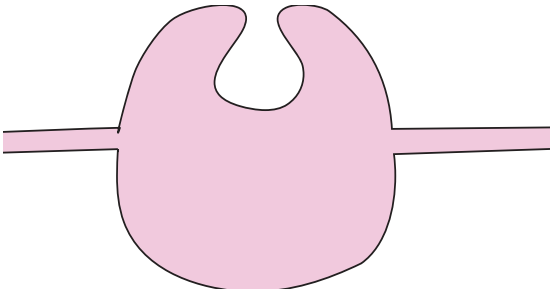
Лэлэ (нагрудник)

ЛЭЛЭ
(нагрудники)

Детям до пятилетнего возраста поверх халата надевали разные по форме нагруднички ***лэлэ.*** У малышей они овальной или прямоугольной формы в нижней части, с застежкой сзади на шее и завязками ниже подмышек.

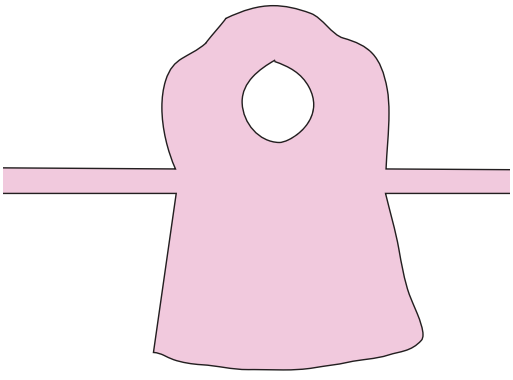
Дети постарше носили нагруднички, по форме напоминающие безрукавку с застежкой спереди или сзади.

Иногда к такому нагрудничку у девочек пришивали передничек, и в этом случае застежка была сзади. К ***лэлэ*** пришивали узкие полоски ткани с прикрепленными металлическими подвесками, раковинами ***каури.*** Здесь могли быть также челюсти белки ***хулу гиани,*** зайца ***гормохон гиани,*** когти медведя. Такие подвески выполняли роль оберега. При соприкосновении друг с другом они издавали мелодичный звук, который, по поверью, отпугивал злых духов.



ХУЭТУН
(нарукавники)

Хуэтун — прямые полосы ткани (чаще двойные) или рыбьей кожи длиной 20 — 25 см, шириной 4 см, чуть зауженные с одного конца, где пришивалась завязка. Рукав халата у запястья подворачивался вовнутрь, между образовавшейся складкой вставлялся широкий конец нарукавника. Ими обертывали рукав от себя. Собранные таким образом рукава не мешали в работе (а дети с ранних лет выполняли различные поручения взрослых) и не пропускали холод.



ОМОЛ
(пояс)

Халаты подпоясывали поясом ***омол*** (полоса темной ткани, которую иногда сшивали вдвое). Справа к поясу подвешивали ножны ***корми*** с ножиком ***куцэ*** (у маленьких детей они были деревянные), слева — сумочку для хранения принадлежностей для высекания огня (позднее — спичек) ***силчу. Корми и силчу*** шили из камуса (шкуры, снятой с ног животных).

Мужчины и женщины подпоясывались следующим образом. Пояс обертывали вокруг талии (назад, вперед) и завязывали спереди дважды двумя узлами. Концы подбирали под пояс ***силпигой.*** Были некоторые различия в подготовке к подпоясыванию. Женщины стояли чуть нагнувшись вперед, зажимая коленками передний подол халата, а мужчины подворачивали халат назад с боков.

УКРАШЕНИЯ
ПРИЧЕСКИ И УКРАШЕНИЯ К НИМ

Волосы нанайским детям заплетали: у девочек было две косички, а у мальчиков — одна. В косу вплетали ***униптэнги*** (три длинные полоски черной ткани, соединенные с одного конца. Они были равны трем прядям косы), с помощью которой закрепляли концы волос.

Каждая заплетенная косичка у девочек складывалась несколько раз (в сложенном виде ее длина составляла примерно 10 см) и перевязывалась завязками ***апито.***

Апито (***апи*** — затылок) — украшение на затылочную часть головы четырехугольной формы из темной ткани на жесткой основе. На концах верхних углов пришивались завязки, которые продевались в основание каждой косы. В итоге получалась красивая прическа нанайской девочки —

качакта из двух сложенных кос с украшением ***апито*** между ними.

Не менее привлекательно выглядела головка девочки с украшением ***гедо. Гедо —*** налобник, своего рода девичья повязка со сдвигающимися сзади параллельно друг другу концами из ткани темного цвета, шириной на лобной части 5—6 см, на конце — 4—5 см.

Украшения для кос расшивались бисером ***чичи,*** мелкими пуговицами ***таника,*** перламутровыми пуговицами ***кэю таняни.*** На нижнюю часть ***апито*** и ниспадающие концы ***гедо*** пришивали металлические подвески ***ачиан,*** раковины каури ***кякта,*** которые при движении ребенка издавали красивый мелодичный звук.

Летом волосы девочек заплетали в одну косу ***сосхоли*** (косичка мальчика тоже ***сосхоли***) из гигиенических соображений. Волосы часто распускали для сушки. Считалось также, что в таком виде они растут. Девочкам обычно косы не подрезали, волосы считались украшением.

Апито

СЪЕМНЫЕ УКРАШЕНИЯ, ОБЕРЕГИ

Девочки носили кольца ***хоника,*** браслет ***сидэри,*** сережки ***хойпо.*** В тех семьях, где дети болели, умирали, говорили: ***илиаси.*** Что означало: дети не поднимались, не вставали на ноги. В качестве оберега малышам надевали на шею подвешенные на веревочке кабаний клык ***нэктэ гояни***, когти медведя ***мапа хосактани.*** На ноге носили медные браслеты. Мальчикам в одно ухо вдевали сережку (люди вспоминают, что видели стариков, которые носили на ноге браслеты, а в ухе сережку, надетые им еще в детстве). Детям делали и такие браслеты: в кусочек белой ткани вшивали волосы старушки и перевязывали им ножку (реже — ручку).

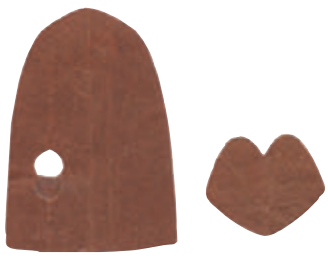
Гедо

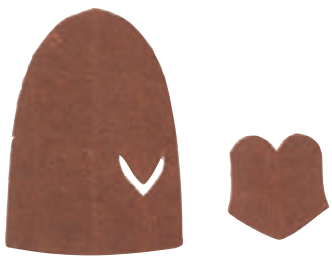
ШАПКИ, ШАРФЫ, ПЛАТКИ

Маленьким детям повязывали на голову платок. Дети постарше зимой носили шапки своих матерей — ***вэксун апо,*** отороченные мехом собаки, зайца, а шею обматывали китайским шарфом или женским платком.

РУКАВИЦЫ

Рукавицы, сшитые из ткани на вате, называли ***дяпагда,*** а меховые — ***кацама.*** Сверху для защиты надевали чехол из рыбьей кожи ***дёпчо.***





Нанайсккий мальчик Нанайская девочка

Вот перед нами нанайские дети, облаченные в традиционную одежду, — девочка и мальчик. Про тех, кто носил вещи аккуратно, говорили ***цаё,*** на неаккуратных — ***ладяка. Гарако*** говорили о тех, у которых все рвется почти на ходу (***гара —*** сучок).

У нанайцев существовали различные запреты, связанные с детской одеждой. Нельзя на ночь оставлять детские вещи на улице. Однако заносить их вечером в дом тоже нельзя. Поэтому рядом с детскими вещичками вешали одежду взрослого человека и говорили им, чтобы караулили. Когда вещи заносили в дом, стряхивали их от чёрта ***амба***. Еще один запрет заключался в том, что нельзя было детские вещи складывать у ног взрослых людей: иначе в загробный мир толкнут (насквозь, прямо) — ***буничи лукту ани.*** Запрещалось также на ночь завязывать нижние завязки чулок ***докто***. Говорили, что когда ребенок во сне будет бежать от чёрта ***амба***, он может запутаться и упасть.

Детские вещи нельзя было вешать рядом с рукавицами взрослого человека: боялись, что они душу ребенка ***паня*** отдадут ***амба.***

Существовало и такое общее правило для взрослых и детей: нарукавники, завязки обуви обматывали от себя (как бы наружу). Наоборот, вовнутрь, делали только покойникам.

Нюра Федоровна Бельды со своим правнуком и правнучкой

В этой работе сделана попытка рассмотреть традиционную нанайскую детскую одежду. Обычно для шитья халатов использовали кожу сазана, кеты (самки), толстолоба, для обуви — ленка, кеты, тайменя. Тканевая одежда шилась из гладких однотонных или с неброским мелким рисунком полотен. Для девочек из более светлых, для мальчиков — более темных тонов. Детали с узорами на одежду вышивались отдельно. При раскрое изделия с подкладкой последняя выкраивалась чуть больше. Если одежда сопровождалась вышивкой или оторочкой из другой ткани, эти детали соединяли с основной выкройкой, а затем кроили подкладку.

Когда требовалась ватная простежка, соединяли нижнюю часть рукавиц, подол халата (а у чулок, ноговиц — верхнюю часть) с подкладкой и помещали между ними вату. После этого изделие простегивалось.

Приведенные в книге размеры кроя приблизительны. В те времена все зависело от вкуса и меры каждой хозяйки, которые строго оценивались другими женщинами.

Все в своей жизни нанайцы связывали с воздействием сверхъестественных сил: беременность, рождение и смерть. Для охраны еще только зарождающейся и уже рожденной жизни существовали различные обряды, поверья. Все имело свое строго определенное место, и на примере традиционной детской одежды мы смогли в этом убедиться.

В работе были использованы воспоминания моей мамы Нюры Федоровны Бельды и уже покойных Киры Андреевны Киле, Боли Степановны Бельды. Все они представители Среднего Амура, и, следовательно, терминология, использованная в тексте, тоже среднеамурская.

Елена СОЛНЦЕВА

Сколько национальных стойбищ, разбросанных по берегам Амура, живёт сегодня только в воспоминаниях. Заросли прибрежного тальника еще помнят детский смех. Пустынному берегу все еще кажется, что вот-вот причалит лодка и выйдет хозяин с богатым уловом, обрадует свою семью. Земле, согретой солнцем, так не хватает этого маленького мирка, где все строилось по своим справедливым законам, где обитала гармония.

ХРАНИТЕЛЬ ПАМЯТИ
стойбища Кольчём

Стойбищу Кольчём в Ульчском районе Хабаровского края каким-то чудом удалось сохраниться. Конечно, сегодня жизнь не кипит здесь, как прежде, ветшают дома, сменяются поколения, но пульс все равно не затихает. А главное, хранится память о людях, которые в свое время прославили ульчское селение. Хранителем памяти стал художник Николай Дявгода. Его корни, его дар — оттуда, из Кольчёма.

Это древнее стойбище было довольно популярным у хабаровских археологов, приезжали сюда и японские исследователи. Когда-то здесь располагались три стоянки первобытных людей, и земля сохранила ценные находки, которые так или иначе стали еще одной разгадкой к «книге древности» приамурской земли.

Из Кольчёма берет начало род Дявгода, Дятала, Уды. Именно здесь жили потрясающие мастерицы, имена которых, к сожалению, оказались неизвестными. Поэтому для Николая Дявгода очень важно сохранить хотя бы то немногое, что осталось. В течение многих лет, приезжая в родное стойбище, он записывал воспоминания старожилов. Есть у него специальная тетрадь с беглыми заметкам и черно-белыми фотографиями. По существу это набросок к серьезной исследовательской работе художника, который многим обязан тому самому местечку на берегу Амура и его людям.

Есть у Николая Дявгода и еще одна уникальная вещь — этнографическая коллекция, собранная им по крупицам в Кольчёме. Вещи, которые он бережно хранит и которым вполне может позавидовать музей, связаны с Николаем родовыми нитями. Узорчатый халат, расшитые рукавицы, ковер — это от бабушки. Свадебный халат — от мамы. Хранятся в этом частном этнографическом музее, вызвавшем, кстати, искреннее восхищение у японцев, охотничье копье, древняя керамика и даже ритуальная

скульптура. Однако Николай Дявгода верит, что сэвэны из родного Кольчёма не принесут ему вреда.

Профессиональное образование Николай получил на худграфе в Хабаровском государственном педагогическом институте. Для него оно стало тем инструментом, который позволил художнику придать законченную форму детским познаниям и творческому чутью. Потому что именно в детстве произошло полное погружение в атмосферу народного творчества. Его бабушка, дедушка славились мастерством, и Николай перенимал их дар абсолютно естественно, принимая уникальное искусство как неотъемлемую часть жизни.

Уже на худграфе пришло понимание, насколько серьезно искусство его народа, какая глубинная философия питает его. Тема научной работы, связанная с ульчской и нанайской берестой, за которую никто из сокурсников не рискнул взяться, поначалу и у Николая вызвала неуверенность. Но потом это прошло. Он три года изучал древние технологии, разрабатывал собственные и в итоге защитил дипломную работу «Художественная обработка бересты».

Ему пришлось работать в селах школьным учителем, он строил художественные мастерские. Сегодня Николай Дявгода — свободный художник. Он пробовал себя как книжный график, проиллюстрировав книгу Евгения Гудана «Амба — хранитель древнего рода». Впрочем, у Николая Дявгода есть мечта записать сказки и легенды стойбища Кольчём и сделать к ним иллюстрации.

Ульчский фольклор и обычные, на первый взгляд, картинки из жизни наполняют холсты Николая Дявгода, где живут женщины-птицы и северные красавицы, простые люди и мифические герои. Сюжеты лаконичны, но в них читаются сотни разных историй, которые либо происходили на амурских берегах, либо вполне могли происходить.

В своем творчестве художник опирается прежде всего на традицию. В изделиях декоративно-прикладного искусства — традиционные формы и материалы, линии орнаментов, повторяющие те, что на произведениях старых мастеров. Но в декоративных панно, где художник соединяет дерево, рыбью кожу, замшу, старинные монеты и минералы, древняя философия осмысливается при помощи авторской символики. За годы поисков, а этот художник все время ищет новые формы, фактуру, цвет, Николай Дявгода создал особую систему знаков, которая трактует старинные образы, верования и обряды северных народов современным языком. Это как непрерывающаяся нить от прошлого к будущему.

Татьяна МЕЛЬНИКОВА,
кандидат исторических наук, главный хранитель ХКМ
Фото Валерия СПИДЛЕНА

Так обрабатывают кожу рыбы

Завещание Зои Пластиной

Согласно паспортным данным известная ульчская мастерица Зоя Александровна Пластина родилась в 1911 году, однако она считала, что при паспортизации ее омолодили на несколько лет. Ее родное село Хэвэндани давно исчезло с лица земли, оно находилось в устье озера Кизи.

Название этого ульчского селения так и переводится «устье озера»: хэвэ(н) – большое озеро, соединенное с протокой, дани – основание, основа, корень чего-либо *(Суник О. П. Ульчский язык. Исследования и материалы. – Л., 1985. – С.255,189)*

В детские годы Зои Александровны в селении Хэвэндани было около 20 домов. З. А. Пластина происходила из ульчского рода Э(ы)гдумсал. Ульчское слово *эгди* означает «много» *(Суник О.П. Ульчский язык. Исследования и материалы. — Л.,1985. — С. 255, 189)*. Легенда о происхождении рода Эгдумсал говорит, что в далекие времена жила семья, в которой было много детей – братьев. С течением времени о них стали говорить: *эгдумсал* – много людей, что закрепилось за их многочисленными потомками и сохранилось до настоящего времени. *(Полевые материалы автора, 1991, 1992 гг. от Пластиной З.А.)*. До появления в окрестностях будущего села Мариинского русских предки З. А. Пластиной жили в селении Киди. На его месте и выросло потом русское поселение, а ульчи переселились на три километра ниже по Амуру – на озеро Кизи. С ульчского языка слово *киди* переводится как «1. задвижка (деревянный запор); 2. пряжка (на ремне)». *(Суник О.П. Ульчский язык. – С. 204)*. Почему село предков Зои Александровны получило такое название, во время нашего короткого знакомства с мастерицей я спросить не догадалась.

Я познакомилась с Зоей Александровной в 1991 году. Она сломала указательный палец правой руки, он неправильно сросся. «Теперь он, как камень», — прокомментировала она свое состояние. З. А. Пластина не видела одним глазом, у нее болело сломанное плечо, мучила бессонница. Однако она продолжала работать: плела традиционные ульчские пояса, обрабатывала бересту и делала из нее тарелки *пача*, выделывала кожу рыбы и шила из нее традиционную одежду. В канун медвежьего праздника она выполнила для музея школы искусств села Булава костюм рыбака из кожи рыбы.

За короткое время нашего знакомства – Зоя Александровна умерла в августе 1992 года – мне довелось наблюдать, как она плела традиционный ульчский пояс, обрабатывала кожу рыбы, делала из нее нити, работала с берестой. Одну незаконченную по моей просьбе берестяную тарелку *пача* я привезла в Хабаровский краевой краеведческий музей, и сегодня она выставлена в нашей экспозиции как отражение

Пластина З. А. показывает, как снимать чешую с кожи рыбы. с. Булава, Ульчский район, 1992. Фото В. Спидлена

Пластина З. А. Халат ульчский. 2-я пол. XX века. Рыбья кожа, металлические подвески, аппликация 95х78. СОХМ (Сахалинский областной художественный музей)

Пластина плетет З. А. традиционный ульчский пояс

Пластина З. А. Пояс ульчский. 2-я половина XX в. Х/б, нить, плетение. 6,8 х 240

Пластина З. А. Пояс ульчский. 2-я половина XX в. Х/б, нить, плетение. 5,5 х 240

Пластина З. А. Сумочка для хранения принадлежностей женского рукоделия (лицевая сторона). 1-я половина 1980-х годов. Фото А. Храмцова

процесса создания ульчской тарелки. Два загнутых уголка тарелки уже укреплены полосой бересты и прошиты корнем ивы, два других — сдерживают только деревянные гвозди *тукпо*.

В прошлом кожа рыбы была традиционным материалом для изготовления одежды у народов бассейна Амура. Ульчи шили одежду из кожи кеты, сазанов, щук, сомов, толстолобов, ленков, верхоглядов, тайменей и некоторых других рыб. Праздничные халаты *арми* они шили из кожи сазанов и щук, рабочие — из кожи кеты и сомов. На пошив одного халата уходило от 25 до 35 рыбьих шкурок, в зависимости от размера одежды и шкурок. В начале 90-х годов З. А. Пластина была единственной ульчской мастерицей, работавшей с кожей рыб. Она поделилась со мной некоторыми своими секретами.

Рыбу потрошили и вялили несколько часов, прежде чем снять с нее кожу. Если снимали кожу с мороженой рыбы, то ее предварительно вялили над огнем. Ульчские женщины традиционно снимали кожу с рыбы с помощью костяного ножа. З. А. Пластина пользовалась деревянным ножом. Кожу сушили вдали от открытого огня и в тени — до полного высыхания.

Зоя Александровна удаляла чешую с сухих шкур металлическим ножом с тонким изогнутым лезвием: она подводила лезвие под чешуйку, зажимала ее между лезвием и пальцем и отдирала. Следующий этап обработки был связан со специальным приспособлением — мялкой, состоящей из станка *дэли* и молотка *паты*. В последние годы жизни Зоя Александровна в качестве станка использовала деревянный брус с прямоугольной прорезью в центре, а молотком у нее был тупой топор-колун. Перед тем как заложить кожи рыб в прорезь станка, мастерица вымачивала их в бульоне из рыбьих голов, скручивала, расправляла, мяла руками. Только потом тщательно выбивала в мялке. Обработанные таким образом кожи сазанов и щук получались как шелковые.

Раскрой халата из кожи рыбы — сложная и ответственная операция. Амурская женщина должна была избежать эффекта беспорядочно нагроможденных, как заплат, кусочков и создать гармоничную мозаичную композицию из несколько десятков рыбьих шкурок.

Детали сшивали в единое целое нитями из той же кожи рыбы. Мне довелось наблюдать, как изготавливала такие нити З. А. Пластина. Выделанную кожу верхогляда она поэтапно смазала разжеванной сухой икрой кеты: промазала полученной жвачкой одну полосу, свернула ее в рулончик, промазала следующую полосу и т. д. В результате весь кусок кожи был свернут валиком. Затем Зоя Александровна разрезала его поперек ножом на узкие рулончики, после чего каждую полоску протянула сквозь сомкнутые зубы. Они растянулись и стали совсем узенькими.

Спинку праздничных халатов *арми* украшали розетками из выкрашенной в синий цвет кожи рыбы. В описании журналиста А. Миловского орнаментальные розетки из крашеной кожи рыбы З. А. Пластина приклеивала на основу из кожи рыбы. При этом она использовала клей, полученный путем растапливания над пламенем костра накрученной на палку кожи рыбы. Основу она срезала на расстоянии около 1 см вдоль контура розетки и пришивала на спинку халата нитями из кожи рыбы. *(Миловский А. Халат на рыбьем меху. Журнал «Родина». — 1997. — №7)*.

Зоя Александровна Пластина и ее внучка Юлия — дочь сына Ивана — были очень близки. Девочка чаще проводила время с бабушкой, чем играла со сверстниками. Опекая внучку, бабушка исподволь передавала ей свои знания, умения и навыки. В нашем разговоре Юлия Ивановна охарактеризовала этот процесс ненавязчивого, незаметного для ребенка обучения «странным». Она вспомнила такой эпизод: «Я обычно смотрела, как она плетет пояса, порой даже помогала. А однажды бабушка сказала: «Садись, делай». Я села, стала плести и вдруг засомневалась. Глядь, а бабушки в комнате нет. Спросить не у кого. Пришлось самой разбираться, и разобралась. Первый пояс хороший получился».

Именно плетение поясов стало любимым делом учителя английского языка средней школы села Булава Юлии Ивановны Чижик. Сегодня она передает основы своего мастерства дочерям, правнучкам Зои Александровны Пластиной.

Мы ехали в негидальское село Владимировка по льду Амгуни. Сияло яркое весенное солнце, нестерпимо сверкал снег. Я вертела головой по сторонам в надежде увидеть рыбаков. Их не было. Я не утерпела и спросила, где же они? Оказывается, еще рано, рыбаки выходят на махалку, когда начинает темнеть. Хороший клев продолжается до полуночи. И тут одна из собеседниц, зная, что я мечтаю пообщаться со старейшей негидальской мастерицей, членом Союза художников России Анной Порфирьевной Надеиной, вспомнила, как несколько лет назад наблюдала уникальную картину: Анна Порфирьевна вытащила из лунки метрового тайменя!

Анна Надеина – мастерица и рыбак

Негидалка Анна Порфирьевна Надеина демонстрирует отделочные полосы для торбасав

А. П. Надеина родилась в 1916 году в селе Дуки. Ее отец, негидалец Порфирий Никифоров, был шаманом, мать происходила из Кондона — она нанайка из рода Дигор. В годы Советской власти ритуальную одежду, бубны и культовые фигурки отца сожгли. «Русские — лоча сожгли, родители потом говорили о людях из НКВД», — добавила собеседница.

Анна Порфирьевна Надеина до сих пор выделывает камус (шкуру с ног лося), скручивает нити из лосиных сухожилий и шьет торбаса. Только вот орнамент для отделочных полос вышивает дочь. Кстати, по выражению мастерицы, чтобы вырезать орнамент — надо иметь настроение.

Выделка камусов лося (шкуры с ног животного) для торбасов — процесс сложный и длительный. По словам Анны Порфирьевны, снять шкуру с ног лося не так просто. Это надо уметь. Но вот камус в руках у мастерицы, теперь ей надо тщательно снять мездру. Тоже непросто, так как мездру снимают ножом, и велика вероятность повредить шкуру. Очищенную шкуру она растягивает для просушки на палочках. Высушив, скоблит ее инструментом «у». Затем кожаную поверхность камуса поливает рыбьим жиром, а для того чтобы он не промокал, коптит в дыму. Далее мастерица вымачивает камус и натирает его кожаную сторону мылом. Вымоченную шкуру сворачивает мехом наружу, обматывает тряпкой и кладет под пресс, роль которого обычно выполняет камень. После этого она берет в руки инструмент «кодояа» и скоблит камус. На следующем этапе камус мнет руками целый день, пока он не высохнет. В заключение Анна Порфирьевна разглаживает шкуру инструментом «чэчэн». Во время разговора А. П. Надеина проворно поднялась с кресла, принесла из кухни этот самый скобель и показала, как им пользоваться, чтобы «разгладить» шкуру.

Надеина А. П.
Сумка для хранения женского рукоделия. 1995. с. Владимировка. Фото В. Спидлена

Детали из камуса она сшивает в торбаса сухожильными нитями *тэмкэ*. Их изготавливает из сухожилий *суму* с ног лося. Сухожилия снимает от сустава до сустава, сушит на воздухе. Как сказала Анна Порфирьевна, «лучше всего в мороз, если на солнце сушить, нитка рваться будет». Высушенное сухожилие она раздирает на волокна, которые и скатывает в нитку. Негидалки скатывают сухожильные волокна в нить на бедре движением на себя, а вот отдельные тонкие нити в более толстую — движением от себя. А. П. Надеина подчеркнула, что сухожильные нити делают с одного конца более тонкими, чтобы было удобно вдевать в иголку. И еще одно важное правило работы негидальских женщин, связанное с нитью (его озвучила дочь Анны Порфирьевны): они никогда не дают другому человеку иголку с ниткой, на конце которой завязан узелок. «Иначе мы с вами на том свете не встретимся, — объяснила Дарья Ивановна Надеина этот древний запрет. — Видеть друг друга будем, будем желать встретиться, будем горько плакать, но...»

В фондах Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н. И. Гродекова хранится сумка для принадлежностей женского рукоделия работы Анны Порфирьевны Надеиной. Выполнена она в традиционной технике меховой мозаики *сахэмат* из небольших квадратных кусочков меха лося разного цвета. Сколько метров швов пришлось выполнить Анне Порфирьевне, чтобы собрать эти кусочки в единое целое и получить это прекрасное произведение?!

Нередко прикладное искусство проигрывает «спор» за внимание Анны Порфирьевны Надеиной другому увлечению старейшей негидальской мастерицы — рыбалке. Она ходит на Амгунь с дочерьми: Дарьей Ивановной Надеиной и Галиной Ивановной Кондаковой. Зимой — с ноября по конец апреля — начало мая — подледный лов с махалкой. Днем щук без приманки ловят, ночью (с 6 вечера до 12 ночи) — налимов на мелкую озерную рыбку в качестве приманки. По словам знающих Анну Порфирьевну людей, она очень азартный рыбак. Не ловится у нее в этой лунке, долго ждать не будет, побежит новую лунку долбить. Дочери за ней. Отбирают пешню, выдалбливают новую лунку, а через некоторое время видят, как мать пытается продолбить лед для третьей лунки. Однажды, как потом, смеясь, рассказывала Галина Ивановна, они всю рыбалку с сестрой бегали за Анной Порфирьевной, долбили лунки. Но А. П. Надеина не только азартный, но и очень удачливый рыбак. Я уже писала, что ее добычей не раз становились огромные таймени. Сама Анна Порфирьевна говорит о своем рыбацком счастье так: «Я иду на рыбалку, говорю: «Ловись, только не таймень». Его так тяжело вытаскивать». Дарья Ивановна на эти слова матери добавляет: «Мама за жабры его хватает, ложится и на себя тянет».

Рыбачат Надеины круглый год. Лед сойдет, идут с закидушкой — леской с тремя крючками — ловить сомов и чебаков. С 20 июня по октябрь на блесну промышляют щуку, а с ноября опять начинается беспокойная зимняя махалка...

Наследство Любови Самар

С известной нанайской мастерицей, членом Союза художников России Анной Кузьминичной Самар (1909 – 1991) я знакома только по рассказам и ее произведениям, которые хранятся в фондах Хабаровского краевого краеведческого музея. Встретиться нам не довелось...

Анна Кузьминична Самар родилась в древнем нанайском стойбище Сорго, что стояло на левом берегу реки Девятки. Сейчас на месте этого селения сажают картофель жители Кондона. Нанайцы реки Девятки верят, что на левом берегу их прекрасной реки спит древний дракон. Голова его напротив села Кондон, а вот село Сорго (Сорголь, как его чаще, но неправильно называют) стояло у задних ног этого легендарного дракона. А. К. Самар происходит из нанайского рода Наймука. Ее работы хранятся во многих музеях нашей страны и за рубежом. Ее дочь Любовь Федоровна Самар унаследовала все лучшее из опыта своей матери и в настоящее время занимается традиционной нанайской вышивкой.

В фондах Хабаровского краевого краеведческого музея хранятся три берестяные коробки работы А. К. Самар. Одна из них – цилиндрическая – называется *куркэ*. Бересту в Кондоне собирали в июне. О секретах изготовления берестяных коробок, которые знала А. К. Самар, рассказала ее дочь Любовь Федоровна. Бересту для простых небольших вещей Анна Кузьминична не вываривала. *Куркэ* она делала в два слоя бересты. Сначала сшивала сухожильными нитями внешний цилиндр, потом внутренний и вставляла его во внешний. Далее края цилиндра укрепляла берестяными полосами, верхнюю из них – узкую берестяную полосу – окрашивала часто черной краской. Берестяные полосы она временно закрепляла деревянными гвоздями *токпо*, а потом обшивала корнем тальника *нуэктэ*. Дно пришивала сухожильными нитями к краям коробки. Накладной орнамент пришивала на бересту тоже сухожильными нитями. По свидетельству Л. Ф. Самар, ее мама никогда не использовала трафарет для создания орнамента. Она просто брала кусок расслоенной бересты, ногтем рисовала орнамент, а потом вырезала его специальным ножичком.

Однажды я спросила у Л. Ф. Самар, применяла ли Анна Кузьминична технику тиснения для орнаментирования берестяной посуды. Она ответила: «Мама не использовала штамповки. Она считала, что резьба по бересте более красива по сравнению с тиснением». *(Личный архив автора: письмо Л. Ф. Самар от 01.09.2001)*.

Анна Кузьминична намечала ногтем на полосе бересты орнамент, осторожно обводила линии ножичком на одну глубину материала. Поверхность орнамента она покрывала черной краской. После высыхания краски мастерица снимала верхние слои бересты между элементами орнамента. Рассказывая о технике резьбы по бересте мамы, Л. Ф. Самар подчеркивала: «Снимают бересту на один и тот же слой. Разные слои не допускаются». Черная краска для тонировки берестяной посуды готовилась Анной Кузьминичной Самар по рецептам предков. Она жевала сушеную кетовую икру и смешивала ее с сажей с внешней поверхности котлов. В фондах Хабаровского краевого краеведческого музея хранится великолепная коробка *куркэ* работы Анны Кузьминичны Самар, украшенная резными драконами.

В районе Кондона не растет тальник, которым традиционно нанайские женщины обшивали края берестяных сосудов. Можно использовать еловые корни, но они перепутаны в лесу с корнями других деревьев и их трудно вытащить из земли. А. К. Самар привозила корни с Амура, куда она ездила в гости к сестрам. Тальниковые корни собирают весной, когда сходит лед с рек и водоемов. После ледохода корни обнажаются и легко вытягиваются из песка. Корни свивали сразу в рулончики. Когда возникала необходимость в корнях, их сутки отмачивали.

Для плетения корзин *соро* А. К. Самар весной собирала прутья краснотала *воченкура* длиной около 70 см в низинах вокруг Кондона.

Любовь Фёдоровна Самар

По словам дочери, А. К. Самар собирала все лоскутки, кусочки тканей, даже с ноготь. Она использовала их для пошива традиционных нанайских одеял *полта*, которые орнаментировала в технике текстильной мозаики. А. К. Самар хранила лоскутки в большой берестяной коробке *уел*.

В фондах Хабаровского краевого краеведческого музея хранится повседневная обувь А. К. Самар. В ней она ходила по селу в 1980-е годы. Поршневидная с треугольной вставкой на подъеме обувь *уимэ* выполнена мастерицей из кожи сохатого. Треугольная вставка украшена рельефным орнаментом, выполненным редким сейчас стянутым швом *тамама упиури*. Чтобы увлажнить кожу треугольников для выполнения рельефного орнамента, ее держат во влажной тряпке. Потом оттягивают кожу по линии узора и прошивают ее между собой сухожильными нитями.

Анну Кузьминичну Самар считает своим учителем нанайская мастерица Раиса Григорьевна Баранова. Когда на Комсомольском-на-Амуре телевидении была создана передача "Мангбо Найни", Баранова вместе со съемочной группой ездила по нанайским селам. В родном Кондоне и состоялась ее встреча с Анной Кузьминичной, которая рассказала, как делает свои работы из бересты. По словам учителя родного языка средней школы села Кондон Р. А. Самар, Анна Кузьминична была доброй и одновременно строгой.

Главной ученицей Анны Кузьминичны все-таки является ее дочь. Л. Ф. Самар рассказывала: «Мама не заставляла меня, не подталкивала. Я вредная, если меня заставлять, я не буду делать. Сама дойти должна». Дошла, научилась, просто наблюдая за работой матери, при случае помогая ей. Сегодня Любовь Федоровна Самар – признанная нанайская мастерица. Но, как она сама признается, вышивать она не любит. Придумывает орнамент, общую композицию оформления вещи, а вышивает ее дочь Анна. Династия! Любовь Федоровна больше любит создавать спектакли, придумывать и шить сценические костюмы. Если бы не трудная наша жизнь, она занималась бы только этим. Спектакль «Золушка», написанный Л. Ф. Самар в стихах, имел огромный успех в селе, с ним труппа кондонского драмкружка даже гастролировала с аншлагами в районном центре.

Анна Кузьминична Самар, нанайская мастерица, член Союза художников России. 1980-е

Куклы Светланы Кимонко

В 2002 году коллекция аборигенной игрушки Хабаровского краевого краеведческого музея пополнилась новым экспонатом – авторской куклой «Нанайская невеста». Создала ее преподаватель центра внешкольного воспитания села Троицкого и частный предприниматель Светлана Евгеньевна Кимонко.

С. Е. Кимонко. Фото Е. Глебовой

Она родилась и выросла в красивом нанайском селе Верхний Нерген. С детства вышивала и ... мастерила кукол. Вместе с сестрами. Мне кажется, что именно в этой детской игре-соревновании и развился природный талант нанайской мастерицы, отшлифованный худграфом Ленинградского педагогического института имени Герцена. После окончания института Светлана Евгеньевна вернулась на родину и много лет преподавала рисование в школах Нанайского района. Но куклы всегда оставались с ней. Она шила для них традиционные костюмы XIX века и украшала их традиционной нанайской вышивкой.

Рождение куклы начинается с шитья фигуры человека из белой ткани. Ее набивают ватой, вышивают лицо, хотя раньше это было не принято. Нанайцы считали, что кукла с лицом неизбежно станет прибежишем злого духа и принесет вред ребенку. Далее «выращивают» кукле две роскошные косы, а потом начинают ее одевать...

Музейный экспонат – кукла «Нанайская невеста» облачена в три свадебных халата, как и положено настоящей нанайской невесте. Нижний – нательный – из голубого репса с белым бисером по отделочной полосе подола. Средний – левополый – халат «босома амири» с длинными рукавами из белой хлопчатобумажной ткани и с вышитыми на спинке спирально-ленточными розетками. Вышивка украшает отделочные полосы этого халата. Самый красивый и богатый верхний халат «сикэ» с короткими рукавами, открывающими красивую вышивку на отделке рукавов среднего халата равными полочками и длинным разрезом на подоле спинки. Он сшит из серебристой ткани на голубом подкладе. На спинке «сикэ» Светлана Кимонко вышила двух драконов, на левой полочке – одного. Вышитые спирально-ленточные розетки украшают отделочные полосы халата.

Поверх халатов на плечи куклы надет круглый накладной воротник из синей ткани с белой машинной вышивкой. Края воротника обшиты бордовыми нитями и снабжены 23 низками из фиолетового и красного бисера.

Волосы куклы спрятаны под традиционным нанайским головным убором невесты: шлемовидной шапки с удлиненными ушами и фестончатым выступом сзади. Шапка куклы сшита из черной шелковой ткани, подклад из малинового шелка. Ее макушку венчает малиновая шишечка, по бокам вьются ленты из розовой тесьмы, а поверхность шапки сверкает белым бисером.

Косы куклы «Нанайская невеста» обвиты фиолетовыми нитями, которые дополнены двумя подвесками из цветного бисера и золотистого стекляруса.

В костюме куклы, изображающей девушку-невесту, воспроизведены даже такие детали, как короткие штанишки с вышитой желтыми нитями спирально-ленточной розеткой и наколенники. Ноги куклы обуты в праздничную обувь, украшенную отделочной полосой, которая вышита крестиком.

«А еще я обычно делаю для такой куклы шейно-нагрудное украшение с большим диском. В прошлом диск был из нефрита. Я же делаю его из фольги и подвешиваю на низку из бисера. Для этой «Невесты» сделала не совсем обычное «сиака». После переезда на новую квартиру фольгу не нашла», — рассказала Светлана Кимонко, когда передавала в музей свое произведение. «Сиака» в данном случае было сделано из серой крупной бусины, подвешенной на «бусы» из голубого и оранжевого бисера, который сгруппирован автором по три.

Кстати, музейная «Нанайская невеста» – настоящая путешественница. Работать над ней Светлана Евгеньевна начала в Троицком. Потом поехала в Канаду по линии компании «Мак-Грегор», поддерживающей частную инициативу в России, и взяла куклу с собой. Руки до нее в Канаде не дошли, но кукла посмотрела на другую страну и ее аборигенов – индейцев. Возвращалась домой С. Кимонко через Сеул. Так что «Нанайская невеста» краем своего раскосого глаза увидела жителей этой сопредельной страны. Только там, в сеульской гостинице, Светлана Евгеньевна внесла новые стежки на куклу.

Если собрать все куклы, созданные искусными руками Светланы Кимонко, можно населить большое нанайское село Ирга.

Куклы Светланы Евгеньевны украшают частные коллекции и государственные музеи разных стран. Совсем недавно целую семью ее кукол — нанайских красавиц и охотников — приобрел Мичиноку-банк.

ТИТОРЕВА Галина Теодоровна, *искусствовед. Родилась в Комсомольске-на-Амуре. В 1981 году окончила Хабаровский государственный институт культуры, а в 1993 — Ленинградский государственный институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина.*
С 1976 года и до сего дня работает в Комсомольском-на-Амуре музее изобразительных искусств. Больше 20 лет занимается изучением традиционного искусства коренных народов Приамурья.

ФИЛОСОФИЯ амурского лоскутка

В Комсомольске-на-Амуре и Хабаровске состоялась выставка, объединившая коллекции двух музеев: Хабаровского краевого краеведческого им. Н.И. Гродекова и Комсомольского-на-Амуре музея изобразительных искусств.
«Лоскутная техника в культуре народов Нижнего Амура» — это совместный проект, цель которого в глубоком изучении музейных собраний и знакомство с ними зрителей других городов.

В экспозицию вошли произведения эвенских, эвенкийских, негидальских, ульчских и нанайских мастеров конца XIX — XX веков, представляющие все материалы и разнообразные приемы их орнаментации.

Такие узкие по тематике, а тем более «технологические» выставки позволяют и зрителям, и исследователям акцентировать внимание на подробностях и деталях творческого акта, понять секреты и средства выразительности того или иного вида рукоделия, особенности его художественного языка.

Поистине безгранична изобретательность приамурских мастеров в создании разнообразных способов украшения своих изделий. Веками складывались в амурском искусстве технические приемы исполнения орнамента. Среди женских видов рукоделия наряду с вышивкой и аппликацией, наиболее популярной и широко распространенной у народов Нижнего Амура, является лоскутная мозаика. Она имеет многовековую историю, богатые традиции и известна, наверное, всем народам мира.

Лоскутная мозаика применяется в различных материалах: текстиле и рыбьей коже, ровдуге и мехе. В основе ее лежит бережное отношение к материалу, принцип «безотходности» художественного производства, и это свойственно всему народному искусству. Мастер сохранял самые мелкие обрезки меха, ткани, кожи, остающиеся от пошива больших изделий. Когда их накапливалось достаточное количество, чтобы можно было свободно комбинировать цвет, фактуру, форму лоскутков, не ограничивая свою фантазию однообразным набором заготовок, тогда и рождались новые высокохудожественные изделия, которые поражают зрителей разнообразием вариантов, высокой декоративностью, яркой эмоциональностью.

Выразительность текстильной мозаики достигается, в первую очередь, выверенной ритмичностью цвета, формы и размера лоскутов. Ритм — главный способ организации лоскутной композиции, он регулирует степень ее динамичности и гармоничности. Одеяла и халаты, ковры и сумки... Немыслимо фантазийные цветосочетания, чистота линий и ритма рисунка, безукоризненное мастерство исполнения этих бытовых по значению изделий делают их, безусловно, художественными произведениями, которые достойны представлять культуру своего народа в музейных коллекциях и лучших выставочных залах. В этих произведениях — оптимизм и жизнеутверждающая сила, энергия радостного восприятия жизни и мудрость народной философии.

Меховой мозаике отдают предпочтение северные народы — эвены, эвенки, негидальцы. Хотя владеют ею и нанайские, ульчские, орочские мастера. Они подбирают разноокрашенные кусочки меха, чаще контрастных цветов, и сшивают их в разнообразные узоры, учитывая направленность ворса, толщину и фактуру меха. Строгая геометрия узора, объемная фактурность, цветовая монохромность придают образу изделия особую монументальность, созвучные характеру природного окружения, в котором испокон века живут эти народы.

Рыбья кожа — материал, особенно любимый на Амуре. И хотя в каждой семье его было в избытке, хозяйки сохраняли все обрезки и, соединяя кусочки кожи разных пород рыб, имеющих соответственно разный цвет (или специально тонируя их), шили мелкие бытовые вещи — сумки, рукавицы, нарукавники. Поскольку цвет всех кусочков был близким, то художественного эффекта добивались за счет разнообразных комбинаций, соединяя их то под наклоном «елочкой», то чередуя размер лоскута, то пропуская между ними кант из яркой ткани или добавляя орнаментальную аппликацию. Лоскутки сшивали нитками из рыбьей кожи мелкими, едва заметными стежками.

Техника лоскутной мозаики не особенно сложна, но очень трудоемка и кропотлива. Она требует от мастера исключительной тщательности и большого терпения.

В синкретичной этнической культуре техника рукоделия связана не только с эстетическими, но и с религиозно-мифологическими представлениями народа. Так, у амурских жителей, в семьях, где часто умирали дети, существовал обычай шить одежду для маленьких детей из лоскутков, взятых у девяти многодетных женщин. Родители верили, что такое изделие будет сильным оберегом для их малыша. Очень распространена была детская одежда — халатики, ноговицы — из лоскутных «чешуек», которые выполняли те же охранительные функции.

И сегодня техника лоскутной мозаики по-прежнему популярна. Мастера используют не только остатки материалов, но и покупают новые, разрезая их на лоскуты нужной формы. Старинное ремесло не только сохраняется, но и продолжает развиваться, изобретая новые технические приемы, включая в традиционные узоры новые мотивы.

В чем причина долговечности этого незамысловатого, на первый взгляд, ремесла? Может быть, в том, что эти радужные рукотворные узоры несут людям доброту, тепло, уют и покой, в котором нуждаются во все времена.

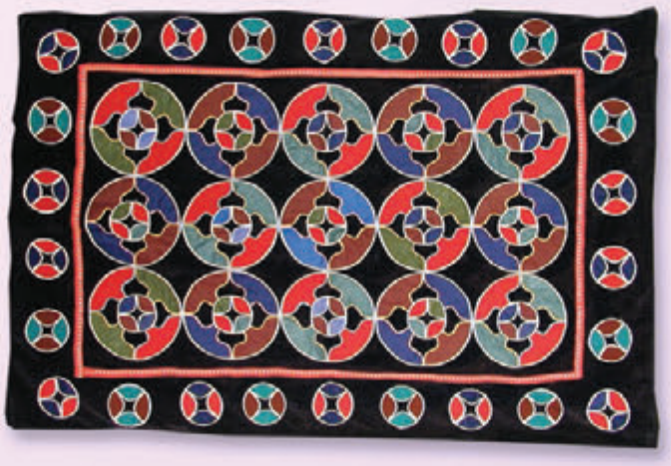
Киле М. Б., Гейкер Н. Б. Воротник женский. *2000. Нанайцы. Мех, мозаика. КМИИ. Комсомольск-на-Амуре*

Бельды Л. Г. Нагрудник «лэлэкэ» детский (для девочки). *2001. Х/б ткань, мозаика. Нанайцы. с. Джари. ХКМ. Хабаровск. Фото А. Храмцова*

Самар А. А. Ковер. *1989. Х/б ткань, плетение. Нанайцы. КМИИ. Комсомольск-на-Амуре*

Росугбу О. Л. Халат женский свадебный. *1-я половина 1980-х годов. Х/б ткань, мозаика, атл., вышивка. Ульчи. с. Булава. ХКМ. Хабаровск*

Бельды Т. К. Халат женский свадебный (перед). *1972. Х/ткань, мозаика, вышивка. Нанайцы. с. Муха. ХКМ. Комсомольск-на-Амуре*



Бельды М. А. Ковер. *1990-1991. Синтетическая ткань, мозаика, аппликация. Нанайцы. КМИИ. Комсомольск-на-Амуре*

Колчан «дяпау» для стрел. *Конец XIX века. Мех, волос оленя, вышивка, инкрустация. Ульчи. ХКМ. Хабаровск*

Сергучева Л. И. Ковер. *1986. Мех оленя, мозаика, инкрустация. Эвенки. КМИИ. Комсомольск-на-Амуре*

Сумка. *1-я четверть XX века. Мех, кожа, мозаика. Эвенки. Тугуро-Чумиканский район. ХКМ. Хабаровск*

24 мая 2001. Запись передачи «Мангбо Найни». Комсомольск-на-Амуре

ГТРК «Комсомольск», декабрь, 2002. Авторский коллектив программы «Мангбо Найни» слева направо: Наталия Сурнакова, журналист; Галина Гринько, режиссер; Маргарита Заксор — переводчик, автор нанайского текста

«МАНГБО НАЙНИ» - народная передача

Наталия СУРНАКОВА, журналист

Телевизионной художественно-публицистической программе на нанайском языке «Мангбо Найни» («Люди Амура») Государственной телерадиокомпании «Комсомольск» исполнилось 15 лет. Она уникальна тем, что, пожалуй, единственная в России вещает на языке народа, не имеющего автономии. Программа реально сохраняет живую нанайскую речь, которая является основой культуры.

Написала эти строчки и задумалась. О себе. Почти 30 лет в журналистике. Из них пять иду рука об руку с нанайским народом, живу его проблемами и радостями, вижу мир через призму многообразия его талантов. Ловлю себя на мысли, что обижаюсь, когда чиновник или «сведущий во всех делах» назовет нанайцев «малой народностью». В таких случаях устало повторяю, что нет малых народностей, есть малочисленные народы. А любой народ, любая культура — неповторимая жемчужина в ожерелье мировой общечеловеческой культуры. Не станет ее, произойдет необратимый процесс, и мы лишимся части общей истории, общих корней.

Так вот, эти пять лет работы в редакции «Мангбо Найни» считаю большой удачей в своей журналистской судьбе. Она подарила мне незабываемые встречи...

Мысленно возвращаюсь к истокам программы. Об этом я знаю по рассказам тех, кто начинал. Среди них — нынешний режиссер программы Галина Павловна Гринько. Она вспоминает: «Работая в редакции литературно-драматического вещания, часто приходилось общаться с удивительно талантливыми людьми, представителями коренного населения Приамурья. Составляя план вещания на следующий год, неожиданно пришла идея: почему бы не создать самостоятельную передачу, рассказывающую не только о коренном малочисленном народе, но прежде всего для него? Задумали и решили двигаться дальше. Собрали активных членов ассоциации народов Севера. Они с большим энтузиазмом поддержали идею, стали выдвигать свои предложения. Тут же родилось название. Программу решили вести на родном языке, а для русскоязычных зрителей давать перевод субтитрами».

Как и в любом начинании, первые шаги «Мангбо Найни» были сложными. Среди коллег находились скептики, которые предрекали программе короткую жизнь: мол, материала хватит на два-три выпуска...

Итак, 23 января 1988 года впервые в телевизионном эфире прозвучали позывные «Мангбо Найни», и первые ведущие обратились к своим землякам. Ими были Маргарита Заксор и Георгий Бельды. Среди тех, кто начинал, — журналист Галина Таск, переводчик и ведущая Зинаида Оненко.

Со временем у программы появилось множество друзей, активных помощников. Это самобытные писатели и художники, врачи и учителя, народные мастера традиционных ремесел, фольклорные коллективы, руководители предприятий и администраций. Благодаря их участию и поддержке программа «Мангбо Найни» крепко встала на ноги, завоевала любовь и признание не только у нанайцев, но и у других коренных малочисленных народов, русскоязычных жителей Хабаровского края.

А темы были самые разные. Авторы «Мангбо Найни» поднимали проблему сохранения древних петроглифов Сикачи-Аляна, рассказывали о сегодняшнем укладе жизни хэджэ — нанайцев, проживающих «по ту сторону Амура», в Китае, вели репортажи из Москвы с IV съезда коренных малочисленных народов Севера России.

Сегодня у «Мангбо Найни» есть дочерние передачи: «Живые ремесла», «Родная земля», «Ачамбори» («Встречи»), «Человек дела». Но «Мангбо Найни» — долгожитель эфира ГТРК «Комсомольск». В ее архиве хранятся уникальные записи об уходящих ремеслах, традиционных обрядах, интервью с представителями творческой интеллигенции.

Со временем телепрограмма стала рассказывать о жизни других коренных малочисленных народов Приамурья — удэгейцев, негидальцев, орочей, ульчей. Ее выпуски транслировались не только в Комсомольске-на-Амуре и национальных селах Комсомольского, Солнечного, Амурского, Нанайского районов, но и в Хабаровске.

Эта телевизионная программа, без сомнения, сыграла важную роль в объединении народа. Люди потянулись к своим истокам, к изучению родного языка, истории традиций.

Москва, апрель, 2001. На Горбатом Мосту — участники IV съезда коренных малочисленных народов Севера России. Протест против политики правительства

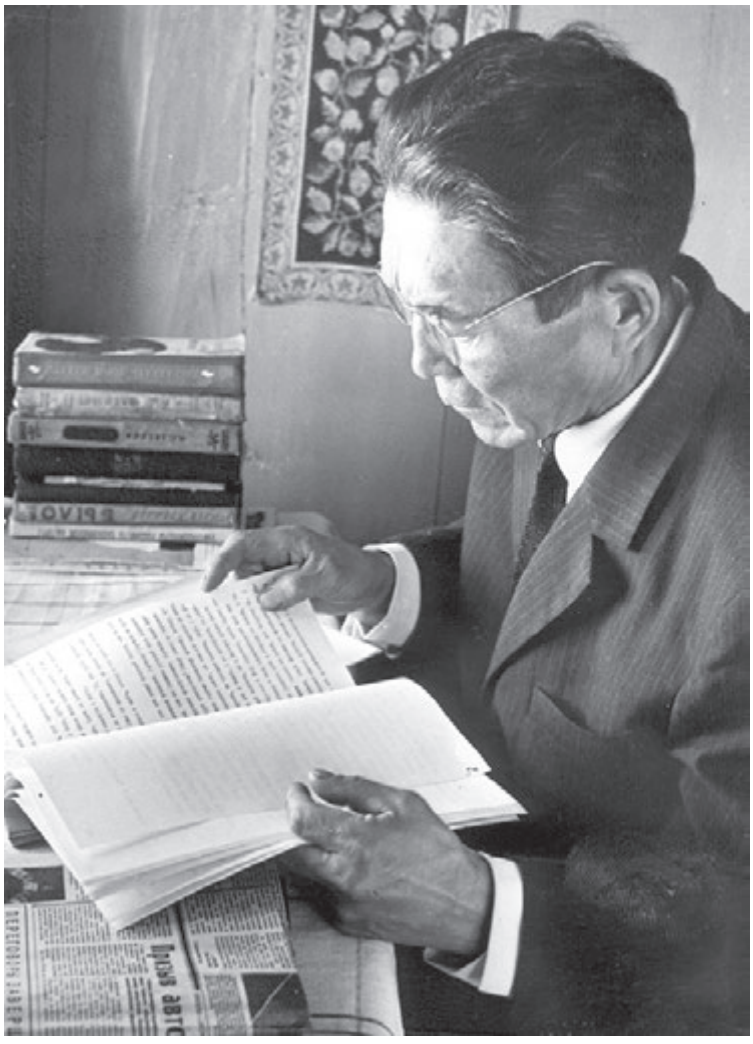
КНР, провинция Хэйлунцзян. С семьей хэджэ, в селе компактного проживания этого коренного народа Приамурья

ВАЛЬДЮ Алексей Леонтьевич (1915 — 1994)

Первый ульчский прозаик, член Союза писателей СССР (с 1972), заслуженный работник культуры РСФСР (1985).

Родился 5 апреля 1915 года в селе Монгол Ульчского района Хабаровского края. Учиться начал только в 1927 году, т.к. приходилось помогать отцу на рыбалке. Но когда в соседнем поселке Ухта открылась школа-интернат, отправился туда. Желание учиться привело его в дальнейшем в Хабаровск, где он поступил в Дальневосточный техникум народов Севера. Прежде чем стать профессиональным писателем, А. Вальдю сменил много профессий: работал учителем начальных классов, секретарем районного Совета депутатов трудящихся.

Много лет своей жизни А. Вальдю посвятил журналистике. Его первые рассказы, очерки и зарисовки появились в местной печати в 40-е годы. В 1953 г. в журнале «Дальний Восток» опубликованы первые сказки А. Вальдю «У костра». В 1956 г. в Хабаровском книжном издательстве увидела свет его первая книга «Жизнь и сказка», а затем сборник рассказов «Ошибка Пираки Сенкинча» (1960). В Ленинграде на ульчском языке вышла книга «Сказки народов нани» (1961). В Хабаровске опубликованы «Сказки бабушки Лайги» (1972). В 1974 издательство «Современник» выпустило сборник А. Вальдю, в который вошли «Сказки дедушки Дай Гирамса», повесть «Сойнган — сын своего народа», а также повесть, давшая название всей книге, — «Месяц первых цветов». Это повествование о русской девушке, которая приехала в амурское стойбище учить детей грамоте, о том, как строилась новая жизнь у северных народов. Эта же тема нашла продолжение в повести «Свет в окне» (1984).



А. Л. Вальдю.
1970-е гг., с. Богородское Ульчского района.

***БОГАТЫРЕВА (ВАЛЬДЮ) Эпанина Алексеевна**, дочь писателя А.Л. Вальдю, архитектор. Родилась в селе Богородском Ульчского района Хабаровского края. Училась в школе в селе Мариинском, поступила в педучилище в Николаевске-на-Амуре, а затем в Хабаровский государственный пединститут на художественно-графический факультет. С 2003 года — член клуба художников-любителей «Родник», участник выставок в Доме народного творчества (Хабаровск).*

Первая ОХОТА и последняя РЫБАЛКА

Раннее утро. Мы идем с отцом по тропе в лес. За плечами у него ружье, а я машу каким-то прутиком. Я большая, мне осенью идти в школу.

Отец любил ходить утром на охоту. Мы, бывало, еще спим, а он уже принес домой пару рябчиков. Просыпаемся, а на печке варится вкусный суп. Мама собирает остатки перьев в мешочек, чтобы потом сшить подушку.

А сегодня у меня радость. Я кое-как упросила отца взять меня с собой на охоту.

Алексей Вальдю с первой внучкой Людой, 1964

А. Вальдю на берегу Амура с сыном и внучкой. 1980, с. Монгол

Много лет спустя о таком вот утре у меня сложатся стихи:

Какое утро — чудо-солнце!
Прохлада вот уже сквозит.
Жук пробудился, спрыгнул с ветки
И кукурузником летит.
А паутинка вся в росинках
На свежем воздухе дрожит.
Еще немножко — оторвется
И тоже плавно полетит.
Уходят летние денечки.
Тепло, красиво. Тишина...
И на душе успокоенье.
Кусты — ажурны кружева.
Деревья обрядились в разноцветье,
Сверкает радугой река.

А тогда я еще не знала букв и не умела читать. Я держалась за руку отца. Мне было хорошо, весело. Кругом росинки сверкают, муравьи разбегаются в разные стороны, и птицы поют. Мы подошли к небольшой полянке. Отец остановился, попросил меня не шуметь, а сам стал прислушиваться. Потом посмотрел на меня и говорит: «Ты постой здесь, а я скоро приду». Я кивнула головой и замерла. Отец был учителем, его все дети слушались. Он любил детей, а они его. Детвора часто ходила с отцом на рыбалку, и отец рассказывал интересные истории, сказки.

Мы жили в маленьком ульчском селе Ухта на берегу красивейшей реки Амур. В этом селе когда-то была школа-интернат, в которой учился мой отец. В то время их, маленьких мальчиков и девочек, собирали по деревням и привозили в эту школу учиться. После тех домиков и фанзочек, где они жили, школа-интернат показалась им сказкой. Светлые классы, парты, школьная форма, обеды в столовой, русские учителя — все это было ново, необычно, опасно. Дети, которые редко умывались, ходили в халатах, мальчики, носившие косу, окунулись в новый мир. Детвору это потрясло, но больше всего — их родителей, которые боялись за своих детей и еще больше переживали, что лишились помощников.

Мой отец, проучившись три года в школе-интернате, был на год отлучен от школы своим отцом, который хотел определить сына на работу помощником продавца. А когда учителя, убедив родителей, снова привезли его в интернат, отец с большим рвением взялся за учебу, потому что ему не хотелось отставать от своих друзей. Он много читал, и первая сказка, которую потом рассказывал на русском языке, была «Маугли». Позднее отец станет писателем, сам будет сочинять для детей сказки, его будут печатать за границей, присвоят звание заслуженного работника культуры.

А сейчас он оставил меня одну на лесной поляне, и его долго нет. «Где он? Жив ли? Не заблудился ли и вернется ли за мной?» Мне было страшно. Лес потемнел, и мне казалось, что из-за кустов кто-то смотрит, кто-то шипит. Еще подождала немножко и закричала на весь лес: «Папа! Папка!» Слезы брызнули из глаз, и я стала их вытирать.

В это время вышел из кустов отец, он был рассержен. Взял меня за руку, и мы пошли домой. Дорогой он передразнивал меня, как я кричала, а потом и маме все рассказал. В это утро он не принес ни одного рябчика. Оказывается, что когда он только прицелился, я громко закричала, и рябчик вспорхнул.

А у меня осталась обида. К тому же ребятишки долго еще вспоминали, как я испугалась в лесу. Ну почему он оставил меня одну? Только по прошествии времени я поняла, что отец берег мое маленькое сердечко. Он не хотел, чтобы я видела, как убивают птиц. Это в нем было воспитано с детства. Женщины у ульчей не должны присутствовать при убийстве зверей и птиц. Когда в старину проводились медвежьи праздники, женщины никогда не наблюдали за тем, как медведя приносили в жертву богам. А вот мальчик, если он уже умел ходить, все это видел, его вели к тому месту, где медведь ждал медвежьего праздника.

Одним словом, отец больше никогда не брал меня с собой на охоту.

...И вот я уже сама бабушка, а мой отец — прадед. Дочь моя живет в Москве. Она закончила МГУ, у нее два сына. А я на пенсии.

Отцу плохо, он стар и болен. Отказался жить в Хабаровске и уехал в свое родное село Монгол, где родился, вырос, где жили все его предки. Он решил, что будет умирать на своей родине, где знает каждый дом, куст, камень, гору, протоку. Среди односельчан, которые его любят, почитают, ценят. Здесь он часто ходил в лес, гулял один вдоль берега Амура, наблюдал закаты. В лесу разговаривал с родословным деревом.

Наш маленький домик стоит на берегу Амура. Из калитки выходишь сразу на берег. Здесь есть где посидеть. Лежит перевернутая лодка, стоят бочки, ящик, скамейка, несколько чурок. Здесь часто осенью усаживаются мои братья с детьми и долго обсуждают житейские проблемы, решают, куда завтра отправятся: на рыбалку или на охоту, или за грибами и ягодами. Осень собирает нас всех вместе. Два брата, Юра и Владик, с детьми и я — старшая сестра.

Но сейчас зима, и я приехала побыть с отцом. Меня отпустили внуки.

Зима — прекрасное время в Монголе. Чистейший снег, сказочный лес. И главное — тишина. Она просто оглушает. Отцу плохо, он быстро устает, часто ложится отдыхать, сердится на собак, которые постоянно ждут его на рыбалку, а у него нет уже сил...

С вечера он просматривает свои блесны, которые аккуратно замотаны во фланелевую тряпку. Он их бережет, потому что сам изготовил. На эти блесны когда-то хорошо ловилась щука, толстолоб и особенно сиг. Многие мужчины в Монголе ходили к отцу за советом, как делать такие блесны. У него они были яркие, украшенные перьями, похожие на сувениры. А сейчас? Они лежат как беспомощные безделушки.

Мне стало жаль отца, и я сказала ему: «Завтра пойду с тобой на рыбалку». Глаза у него загорелись, он заулыбался. «Заулыбались» и его блесны в руках, когда он стал их перебирать. А утром он вскочил рано, вскипятил чай, собрал все, что нужно для рыбалки, и мы пошли. Я везла санки, на которых лежали снасти, печня. Собаки бежали радостно следом.

До протоки идти простым шагом всего-то минут двадцать, но так как у отца была одышка, мы шли медленно и долго. Собаки убегали далеко вперед, потом снова возвращались, удивленно смотрели на отца, а потом снова уносились. Их приятели давно уже были на Амуре, резвились, а они только-только добирались. Видимо, нашим псам было стыдно, что они позже всех пришли на рыбалку. Они виновато виляли хвостами.

Алексей Леонтьевич Вальдю с женой Евдокией Кузьминичной

Ближние и лучшие лунки были уже заняты, и нам пришлось идти к дальним местам. Старые лунки замерзли. Отец взял печню и стал разбивать лед, но у него это плохо получалось. Тогда я сама стала бить лед, но у меня вышло еще хуже. Тогда сосед, видя нашу беспомощность, взял у меня печню и сразу разбил лед в двух лунках. Мы выбрали сачком остатки льда и сели рыбачить.

Когда мы еще только шли к этому месту мимо рыбаков, видели, что возле каждого лежало по нескольку пойманных щук. Среди рыбаков я заметила нескольких женщин. Они не отличались от мужчин ни сноровкой, ни уловом, только более задорно махали руками и чаще вращали головами по сторонам. Когда они увидели нас с отцом, заулыбались, приветливо закивали. Это придало мне уверенности, потому что я ни разу не рыбачила зимой на блесну. Но когда размотали свои блесны, отец обнаружил, что забыл дома наживку. Я его успокоила, сказав, что схожу домой, хотя этого не хотелось, так как знала, что «удачи не будет».

Время шло, клев ухудшился, но мы упорно сидели с отцом и рыбачили. У него были грустные глаза и слабая улыбка. Он сердился на собак, которые его обступили и смотрели в лунку. Многие рыбаки уже возвращались с уловом домой, а отец все сидел. Один раз у него сорвалась рыбина, видимо, большая, и он с ней не справился. Вдруг у меня что-то потянуло блесну. От неожиданности я ее дернула и потянула вверх. На крючке висела щука. Она мне в этот момент была дороже всего, потому что я увидела на лице отца улыбку.

Вскоре мы собрали свои снасти и пошли домой. Щучка была небольшая, но радость — великая. Отец ожил, повеселел, я и поняла его состояние. Он думал, как все отцы: «Возможно, эта щука принесет моей дочери счастье».

Елена ГЛЕБОВА
Фото автора

Волшебная аура Аури

О том, что в Ульчском районе есть загадочный мыс Аури, я узнала задолго до своей командировки. Рассказывали, что лишь там растут белые маки и какие-то сладкие корни, что утес расчерчен странными знаками, а справа от него — не что иное, как «палец горного духа». Словом, Аури — это такое место на земле, которое, увидев однажды, не забудешь никогда. Так, собственно, и вышло.

МОЙ ПРОВОДНИК — ИВАН РОСУГБУ

Отправная точка путешествия на Аури — старая Булава, село, подарившее миру таких ярких мастеров и художников, как Зоя Пластина, Очу Росугбу. Есть еще Новая и Малая Булава, но именно в старой деревне, укрывшейся за мохнатыми сопками, стираются границы времен, мирно соседствуют современность и далекое прошлое. По утрам к ногам старой Булавы стекают с сопок прозрачные туманы, а речная свежесть умывает просыпающуюся деревню. Вечер тщательно укрывает ее песнями сверчков-невидимок и шорохом речных волн. А когда ночь уверенно занимает эту территорию, над спящей Булавой взлетает голос шаманского бубна.

Здесь, на берегу Амура, построив свой собственный мир, живет Иван Павлович Росугбу — художник и философ. Только он мог стать моим проводником на Аури, потому что родился там и вырос. И даже теперь, когда земля Аури опустела, помнит все тропы и все легенды, связанные с этим мысом.

Аури в переводе с ульчского — тихое, спящее место. Какие бы ветры не дули, на Аури всегда благодать. Когда-то здесь располагалось стойбище, основанное по легенде родом Росугбу. Старики рассказывали, что с верховьев Амура спускались как-то три брата из этого рода. Решили они каждый идти своей дорогой, но спустя годы обязательно встретиться. А для этого разломали на три части родовое огниво, чтобы потом, при встрече, соединить обломки и таким образом узнать друг друга. Поравнялась лодка с мысом Аури, и один из братьев сошел на

Вера Георгиевна Ангина. Здесь когда-то был маяк

берег, другой высадился на Дуди, а третий взял курс на Май, где жил род Ангиных.

В советское время на Аури была деревня со всеми положенными атрибутами: сельсоветом, колхозом «Красный маяк» и начальной школой. Ребятишки подрастали, и речной трамвайчик отвозил их в Булавинскую среднюю школу. А в свободное время босая ауринская детвора гоняла по крутым сопкам, не боясь ни острых камней, ни увертливых змей.

Здешние места, как, впрочем, и все Приамурье, благодатными были и щедрыми. Нам, сегодняшним, вряд ли удастся представить, сколько водилось рыбы в реке. Рассказывают, что рыбаки даже опасались плыть на гребной лодке по протоке: пугливые толстолобы выпрыгивали из воды и могли ненароком угодить в голову. Впрочем, богатейшим разнотравьем Аури и сегодня может похвастаться. Иван Павлович Росугбу еще помнит сладкий вкус корней «тукус», которые выкапывали по весне и с удовольствием ели. Только в этих местах можно отыскать особую травку, которую ульчи добавляют в свое любимое блюдо — «буду». Это что-то вроде жидкого крупяного супа, приправленного сушеной красной икрой и той самой пряностью с Аури. К слову, великолепный, энергетически наполненный и полезный напиток.

Красота мыса Аури, конечно же, привлекала художников. Дмитрий Иванович Ангин, личность в этих краях известная, основатель знаменитой школы искусств в Булаве и создатель музея под открытым небом, привозил сюда своих хабаровских друзей-художников на этюды. Кому-то из студентов худграфа здесь тоже посчастливилось тогда побывать. Живописец Игорь Кравчук до сих пор вспоминает белые маки на утесе Аури.

В те времена на самой вершине Ауринского утеса стоял маяк, помогавший судам благополучно миновать довольно узкий поворот Амура. Жительница Булавы Вера Георгиевна Ангина, или попросту баба Вера, когда-то ловко взбиралась на крутой утес, чтобы зажечь керосиновый фонарь на маяке. Как давно это было. А на заросшем травой и покинутом кладбище лежат ее мама и четверо первых ребятишек, умерших совсем маленькими.

Аури давно уже спит тихим сном, укрывшись мягким одеялом из можжевельника и чабреца. Погас маяк, закрылся сельсовет, перестал курсировать речной трамвайчик, и народ потихоньку перебрался в Булаву. Последними уехали с любимого места родители Ивана Павловича Росугбу. Они и вправду проросли в эту землю корнями.

Долго еще стояли пустые дома, растерянно глядя на проплывающие лодки, а потом и они исчезли под разбушевавшимся несколько лет назад лесным пожаром. Сама природа стерла с лица земли село Аури.

Мой проводник Иван Росугбу рассказал, что такие утесы, как Ауринский, на Амуре считаются священными. Он отмечен особым знаком — «пальцем горного духа» — ответвлением утеса в виде большого столба. По другой легенде здесь жил великан, который привязывал к каменному столбу свою лодку.

На вершине священного утеса пару лет назад православные водрузили большой деревянный крест. Но даже его присутствие не в силах стереть особый дух исчезнувшего ульчского поселения. И как-то не верится, что Аури уснуло навсегда. У Ивана Росугбу, который вывел меня на самую вершину утеса, есть мечта: вернуться сюда когда-нибудь и возродить свою малую родину.

ШАМАН – ЭТО КАК СОВЕСТЬ

Оказывается, когда мы, загрузившись в старенькую моторку Ивана Павловича Росугбу, отправились на Аури, он совсем не был уверен, что нам удастся добраться до мыса. Мотор практически не тянул и грозил заглохнуть прямо посреди реки. И тут в небе откуда-то появилась большекрылая птица. Она покружила над нами и полетела в сторону Аури. Мотор перестал капризничать, лодку словно кто-то приподнял сильной рукой, и она понеслась сквозь серебро брызг. Позднее, когда мы уже вернулись в Булаву, возле дома бабы Веры Ангиной, где я остановилась, обхватив колени руками, сидела бабушка Зинаида. Так же, как и я, она здесь гостила с внуком Степкой. Бабушка Зинаида, или Индяка, — шаманка. Возможно, последняя сильная шаманка в здешних местах. Я взахлеб стала рассказывать ей о поездке на Аури, о наших приключениях на

реке. Старушка улыбнулась и произнесла: «Знаю, я тоже там была». Сначала я не поняла смысла этих слов и подумала, что на Аури бабушка приезжала раньше. Что ж в этом такого? Но она укоризненно посмотрела на меня и сказала: «Почему не чектырили? **(Чектырить — по-ульчски разбрызгивать водку или вино кончиками пальцев в разные стороны и таким образом «кормить» духов. *Прим. автора*).** Почему Хозяина не угостили? Он вас встречал...» А ведь и вправду, не догадались прихватить с собой чекушку, чтобы вылить ее на ауринскую землю. Спасибо, что хоть Иван Павлович подсказал бросить в воду сигареты для Хозяина... И тут я вспомнила красивую птицу над нашей лодкой, неведомую силу, которая помогла нашей лодке, и догадалась, что шаманка Индяка тоже была с нами на Аури, помогала в пути и оберегала. Кстати, позднее я узнала, что ее имя, Индяка, переводится как морская птица.

Для многих из нас шаманизм — лишь экзотика, описанная в научных трудах, застывшая в виде музейных экспонатов, запечатленная на картинах художников. Но для жителей Булавы

Бабушка Индяка с внуком Степаном

до сих пор это важная часть жизни. И звуки шаманского бубна, долетающие ночью из того или иного дама, так же естественны, как роса по утрам. К шаману обращаются в горе и болезни, с ним советуются.

Много было в здешних местах великих шаманов — шаман касат, говорят ульчи. До сих пор вспоминают Михаила Дуван, Кагу Мала... А сегодня роль посредника между людьми и духами выполняет Индяка Дяксул. Маленькая белая старушка. Молчаливая, с пристальным взглядом. Для местных жителей она как добрый талисман. Бабушке больше 100 лет (кто-то утверждает, что 107), хотя по паспорту она с 1911 года. Но ведь мы теперь знаем, как в свое время выписывали документы для аборигенов, которые, естественно, не помнили даты своего рождения. Смотрели на глазок, записывали наугад, вот и получилось: те, кто помоложе, в метриках оказались старше своих более взрослых собратьев.

Несмотря на преклонный возраст бабушка Индяка управляется с хозяйством, рубит дрова и одна воспитывает пятилетнего внука Степку. Его отец три года назад пропал на рыбалке, и теперь смышленый малыш — единственная отрада для старушки. Они живут в селе Монгол, в маленьком домике на берегу реки. В Булаву бабушку привозят по просьбе местных жителей, и тогда неделю, а может, и больше камлает она для людей, исцеляет недуги или провожает души усопших в царство мертвых. Уж в этом деле без помощи шамана не обойтись: заплутает душа иначе, затеряется между мирами.

Как раз на второй день моей командировки в Булаве проходили большие годовые поминки. На кладбище собрались люди, запалили огромный костер, разложили поминальную трапезу. В тишине леса оранжевые языки огня выхлопывали какой-то особый ритм, он разлетался далеко по округе и смешивался с тихой ульчской речью. По старинному обычаю сын умершей женщины отдавал пламени вещи матери — халат, головной платок, а кроме этого бросал туда сухую крупу. Словом, все то, что пригодится женщине в другом мире.

Мне посчастливилось: шаманка несколько дней жила у бабы Веры — они давно дружат. Я могла наблюдать за белой бабушкой, задавать вопросы, прислушиваться к ее разговорам с другими. Довелось мне и в камлании участвовать. Бабушка сама меня пригласила, а иначе я вряд ли бы осмелилась «напроситься». Сидела в полной темноте, пропитанной дымом от можжевельника и багульника, в тесном кругу, слушала песни шаманки и спрашивала себя: откуда только силы берет бабушка Индяка? Шаманский обряд нелегок, порой камлание происходит несколько часов и требует огромных сил. Но никому и никогда не отказывает она. А ведь к ней едут со всего края со своими бедами. Одного местного мальчишку вылечила от эпилепсии, вернула к жизни человека, на котором врачи уже поставили крест, подарила ребенка бесплодной женщине. И это не вымысел.

Вот только себе шаманка Индяка помочь так и не смогла. Поделилась как-то со мной: сын пропал, говорит, искала его везде, обернувшись рыбой, плавала аж до Софийска, но так ничего и не нашла. «Может, живой?», — осторожно спросила ее. В ответ она только покачала головой. Много горя пережила бабушка за свой век. Из одиннадцати детей осталась только одна дочь.

Если отбросить шаманский дар, судьба Индяка Дяксул мало чем отличается от судьбы других стариков: всю жизнь работала в колхозе, рыбачила, растила детей. Особый дар видеть прошлое и будущее, лечить людей перешел к ней от деда по отцовской линии. Поздно взяла она в руки бубен — за пятьдесят уже было. А до этого к ней приходили странные сны, которые потом оказывались вещими.

Бабушка Индяка сразу видит душу человека — черная она или светлая. Ей ничего не стоит отправиться в прошлое и рассказать то, о чем кто-то, может быть, старается не вспоминать. И она точно знает, почему народ так плохо живет сегодня. «Кровь открыто течет, — сказала она, видимо, имея в виду кровопролития, — злые духи собираются и толкают людей на еще большее зло...» Все верно: жестокость порождает жестокость.

Я сделала для себя очень важное открытие. Шаман — это как совесть народа, как мерило добра и зла. И пока жива белая бабушка, чаша весов не качнется в сторону черных сил. А потом, возможно, она передаст свой дар следующему, и равновесие в мире не нарушится.

Маша Макарова, *15 лет;* ***Катя Ходжер****, 16 лет;* ***Лена Ходжер****, 15 лет;* ***Аня Киле****, 16 лет;* ***Ксения Ходжер****, 15 лет.* ***Национальный детский костюм: халат и нагрудник.*** *2002. Ткань, вышивка. Руководитель П.П. Ходжер, с. Ачан*

Таисия Киле*, 14 лет.* ***«Ангадякан (Сирота)»****. 2002. Бум., гуашь. Руководитель С. Ж. Бельды, с. Дада*

ФАНТАЗИИ детей АМУРА в рисунках и узорах

Светлана ФУРСОВА

В марте 2003 один из залов Дальневосточного художественного музея был отдан детям. Впервые в его стенах экспонировалась выставка живописи, графики и декоративно-прикладного творчества детей аборигенов Дальнего Востока: нанайцев, нивхов, ульчей, удэгейцев, орочей, эвенков, эвенков, негидальцев. Выставка «Рисуют дети Амура» — часть большого проекта, направленного на поддержку подрастающего поколения коренных малочисленных народов. У его истоков стояли министерство природных ресурсов Хабаровского края и Дальневосточный художественный музей.

В последние годы культура коренных малочисленных народов Приамурья, пройдя все стадии от забвения до почти полного уничтожения, стала медленно, но неотвратимо возрождаться. В школах начали вводить непременное изучение национального языка и основ народного искусства. На основе древних мифов и легенд издаются учебники и книги. Это закономерно, ибо сохранение традиций и преемственности, в истоках которых черпает живительные соки современное искусство, зависит от того, насколько дети из далеких национальных сел проникнутся духом и красотой родного края.

Благодаря кропотливому труду талантливых и неравнодушных людей, среди которых в пер-

Катя Лиханова*, 8 лет.* ***«Дома»****. 2002. Бум., гуашь. Руководитель О. В. Баранова, с. Сикачи-Алян*

Катя Лиханова — лауреат конкурса «Рисуют дети Амура»

Мастер-класс Ларисы Бельды, члена Союза художников России

***Маша Юпкук**, 12 лет. **«Лабаз»**. 2002. Бум., акв. Руководитель С. А. Нурпейсова, с. Пуир*

вую очередь хочется назвать искусствоведа К.П. Белобородову, изделия национальных промыслов, начиная с 1965 —1967 годов демонстрируется на всевозможных международных выставках и ярмарках.

Выставка «Рисуют дети Амура» включила в себя около шестисот работ юных художников из четырнадцати районов Хабаровского края — Сикачи-Аляна, Кондона, Охотска, Арки, села Пуир, районов Тугура и Чумикана, а также Улика-Национальное, Джари, Ухта, Найхин и совсем крошечных селений Дада, Даерга, Синда.

Участники уникального проекта «Рисуют дети Амура», а ими стали ребята в возрасте от 5 до 17 лет, рассказали в красках и художественных образах о мире, который их окружает. И вот они, небольшие по формату листы, на которых сотканные из фантазий и снов детства предстали перед зрителями рогатые олени и призрачные дома с разноцветными окнами, ковер с причудливым национальным орнаментом и синие-синие реки, над которыми машут крыльями невиданные птицы, прилетевшие, казалось, из старинной легенды.

«Отличительной чертой творчества детей Амура, — отметила куратор проекта «Рисуют дети Амура» искусствовед Татьяна Лементович, — является обобщенность форм, декоративность и пронзительная открытость цвета, доходящая до архаичной знаковости, а также преимущество пейзажа как любимого жанра. Слово юного художника особенное, оно и сказочно, даже мифологично, и первозданно, оно наполнено любовью к миру».

Добавлю, язык слова, равно как язык творчества, понятен не только детям, но и взрослым. Они-то и должны сохранить в своих питомцах любовь к своему краю и в то же время не дать им замкнуться и отгородиться от остального мира.

Одна из целей выставки — оказать помощь в освоении традиционной декоративно-прикладной и современной изобразительной культуры через мастер-классы, встречи с художниками, посещение музеев и выставок.

«Рисуют дети Амура» — это не только выставка, но и своеобразная игра-конкурс, где в каждой возрастной группе награждались победители, занявшие призовые места.

Кроме того, в рамках проекта впервые были учреждены две дополнительные премии — от министерства природных ресурсов и от Дальневосточного художественного музея имени его первого директора П.М. Покровского.

Хочется, чтобы на дальневосточной земле не переводились художники, воспевающие суровую и пронзительную красоту тех мест, где жили их предки и чьи традиции и обычаи им предстоит развивать и умножать.

***Екатерина Бельды**, 15 лет.*
***«Легенда о том, как появились комары»**. 2001. Бум., акв. Руководитель Р. А. Бельды, с. Найхин*

***Максим У**, 12 лет.*
***«Впечатление»**. 2000. Бум., акв. Руководитель Е. А. Киле, с. Джари*

***Светлана Чайкун, Александра Дэ, Юлия Василенко**, 13 лет.*
***«Койвон — род священной лиственницы»**. 2002. Ткань, ковер, вышивка. Руководитель А. В. Кан, г. Николаевск-на-Амуре*

Владимир Клавдиевич Арсеньев

МИРОСОЗЕРЦАНИЕ

Фрагмент брошюры «Лесные люди — удэхейцы» (1926)

В. Арсеньев в удэгейском костюме. Фото из Госархива Хабаровского края

Все удэхейцы — анимисты. По их воззрениям в природе нет ничего неорганического, все живое и все человекоподобное. Сама по себе земля есть колоссальное живое существо (Муцеляни). Голова земли находится на северо-востоке, ноги — на юго-западе. С этой точки зрения им понятны землетрясения. Вот почему удэхейцы никогда не задаются мыслью искать на земле начало жизни... Земля — сама жизнь, и потому все на ней должно быть живое и все человекоподобное.

По воззрениям удэхейцев, утесы и отдельные скалы — тоже люди, жившие раньше, но окаменевшие. Глядя на быстро бегущую воду в реке, они видят в ней живую силу: то тихую, то бурную, то бешеную, то покойно несущую на своих волнах хрупкую лодку, то размывающую скалы и ломающую вековые деревья.

Когда удэхейцы плывут на лодке или идут по тайге, они все время рассказывают друг другу, с кем что случилось, кто что видел, и по прихоти своего суеверия населяют тайгу разными чудесными существами.

Они кругом видят жизнь. Смерти нет. Она возможна только от козней злых духов... Вот почему охотник, найдя в тайге мертвого соболя, не тронет его и поспешно уйдет на другое место.

Лодку можно долбить из живого дерева, при этом и рубят его с особыми заклинаниями. Дерево, принесенное водою, — мертво. Великая опасность грозит человеку, который позарится на плавник и сделает из него себе лодку.

...Высшее божество — Бо Эндули. Оно бессмертно. Кроме него есть еще и второстепенные боги. Это будут: 1) Хэгуху Эндули, он ведает всей природой на земле, в том числе и растениями; 2) Буй Эндулини — покровитель животного царства. Последнему подчинены два лесных духа: Буй Адзани — хозяин зверей, которого удэхейцы представляют в человекообразном виде, но со звериной головой, с густой шерстью на плечах и на шее и с хвостом; другой дух — Онку — это страшный дух, преследующий охотников. Место обитания его можно сразу узнать. Здесь, на сопке, часто кричит заяц, днем ухает филин или лает собака. В тихую погоду завывает ветер и слышно, как шумят лыжи, кто-то свистит и бросается камнями, там слышны удары топора, скрип полозьев нарт и человеческие голоса. Тогда охотник заболевает. Надо как можно скорее уходить подальше от проклятого места, скорее устраивать бивак и с помощью особых заклинаний изгонять злого духа. Чем дольше держать его в себе, тем труднее потом будет освободиться от болезни. Кусунские удэхейцы говорят, что Онку является начальником всех зверей и птиц. Он же посылает людям соболей на охоте. Они изображают его так, что нижняя часть его тела — пень с кореньями, а верхняя — человекообразная. Это человек пожилых лет с копьем и стрелами в руках. Людям он не делает зла.

...Богом моря является седой старик Гинихи. Он хозяин рыб и морских животных (сюгзаа-адзани). Он посылает касатку нагонять рыб в реке и т.д.

После этих трех добрых богов следует целый сонм злых духов, которые мешают людям жить спокойно. Горный дух — Какзаму. Удэхейцы представляют его себе худотелым великаном, на тонких кривых ногах и с головой редькообразной, обращенной тонким концом кверху. Какзаму обитает в самых истоках рек среди скал и осыпей. Он хватает людей, превращает их в камни (када-ни) и заставляет окарауливать сопки.

...Черт Боко — это горбатый карлик, на одной ноге и с одной рукой. Он живет на болоте. Благодаря его козням люди часто блуждают в лесу и не могут найти дорогу.

Самый ужасный дух — Окзо. В виде страшной птицы с железными крыльями, с железным клювом и с железными зубами, он с быстротой молнии летает по всему свету. Великие несчастья он причиняет людям. Злые духи стараются напасть на шамана и ворваться в его дом. Для защиты от них он делает тун. Тун — это лиственное дерево, лишенное мелких ветвей. С него снимаются кора и древесина правильными чередующимися кольцами. Это лестница, по которой взбирается севон (дух) шамана, чтобы сверху посмотреть, не видно ли, где Окзо. Посередине ствола обычно вырезается человеческое лицо. Оно означает, что внутри дерева сидит дух, помогающий шаману, и как бы через отверстие смотрит наружу. На вершинах ветвей укрепляются деревянные изображения человека, зверей и птиц.

Если случилось несчастье и шаман погиб со всею семь-

ей, в жилище его поселяется черт. Тогда он овладевает деревом тун и сам взбирается по стволу вверх для осмотра окрестностей. У туземцев в прибрежном районе между реками Такемой (современная Кема) и Кусуном тун ставился специально для того, чтобы Окзо не вторгся в жилище шамана. Вот почему удэхейцы боятся мест, где стоят покинутые тун. Они не ходят туда ночью, да и днем стараются обойти их стороною.

Гром — Агды. Это дух, изрыгающий пламя изо рта и имеющий вид змеи с лапами и крыльями. Если Окзо долго находится в одной местности, Эндули посылает Агды, и гром гонит черта. Окзо в страхе убегает. Вот почему на футлярах шаманского бубна всегда изображен гром в виде дракона, изрыгающего изо рта пламя.

Сидит ли удэхеец у огня, он смотрит, как двигаются языки пламени, колеблющиеся и замирающие, то короткие, то длинные. Он видит, как из углей образуются фантастические гроты и скалы, как все это быстро меняется и принимает другую форму и рушится. Он задумывается и приходит к убеждению, что огонь есть тоже жизнь. В каждом роде — свой огонь. Поэтому огонь нельзя резать ножом, ворошить палкой, рубить топором, заливать водою. Можно только поправлять щипцами, и вообще с ним следует обращаться осторожно. Уносить огонь из юрты нельзя. Это разрешается только мужчине-сородичу. У стариков хранится родовое огниво, которое передается в наследие из поколения в поколение. В этом огниве скрыта чудесная сила огня. Покойнику в гроб кладется также огниво, которое он и уносит с собой в царство теней.

Среди зверей есть запретные (тотемные) животные. Впереди стоят медведь и тигр. Это очень отдаленные сородичи. Чрезвычайно интересно сказание о происхождении удэхейцев. Некогда жил на земле один человек, Егда, со своею сестрою. Других людей не было. Однажды сестра говорит брату: «Ступай, поищи себе жену». Брат пошел. Шел он долго и вдруг увидел юрту. Войдя в нее, он увидел голую женщину, очень похожую на его сестру. «Ты моя сестра? — спросил Егда. «Нет», — отвечала она. Егда пошел назад. Придя домой, он рассказал сестре все, что с ним случилось. Сестра ответила, что виденная им женщина чужая и в этом нет ничего удивительного, потому что все женщины похожи друг на друга. Брат снова пошел. Сестра сказала, что и она пойдет в другую сторону искать себе мужа. Но кружною тропой обогнала брата, прибежала в ту же юрту, разделась и села опять на прежнее место голая. Брат пришел, женился на этой девушке и стал с ней жить. От этого брака родились у них мальчик и девочка. Однажды, в отсутствие отца, мальчик играл на улице и ранил стрелою птицу чинзипи. Она отлетела в сторону, села на ветку дерева и сказала: «Зачем ты меня ранил?» Мальчик ответил: «Потому что я человек, а ты птица». Тогда чинзипи сказала: «Напрасно ты думаешь, что ты человек. Ты родился от брата и сестры и потому ты такое же животное, как и все прочие». Мальчик вернулся домой и стал рассказывать об этом своей матери. Последняя испугалась и велела сыну ничего не говорить отцу, иначе он их обоих бросит в реку... Когда вернулся отец, мальчик начал было говорить о случившемся, но мать закричала на него: «Что ты болтаешь? Отец пришел усталый, а ты говоришь глупости!»

Мальчик замолчал. Ночью, когда все легли спать, отец стал расспрашивать сына, что с ним случилось... Мальчик рассказал все... Тогда Егда понял, что сестра его обманула. Наутро он на лыжах пошел в лес, нашел крутой овраг, раскатал дорогу и на самой лыжнице насторожил стрелу. Вернувшись домой, он сказал сестре: «Я убил сохатого, ступай по моему следу, спустись в овраг и принеси мясо...» Сестра надела лыжи, пошла, скатилась в овраг и убила сама себя стрелою. Тогда Егда взял сына и дочь и понес их в лес. Скоро в лесу он нашел дорогу, по которой всегда ходил медведь. И бросил здесь девочку. Дальше он нашел дорогу, где ходила тигрица, и бросил там мальчика, а сам пошел к реке и бросился в воду. Девочку подобрал медведь и стал с ней жить, как с женою, и мальчика подобрала тигрица и стала с ним жить, как с мужем. От первого брака произошли все удэхейцы. Второй брак был бездетным. Вот почему удэхейцы считают медведя своим родоначальником, вот почему оба эти животные и стали тотемными. Медведь дал людям законы для жизни, тигрица научила мальчика, где находить зверя и как охотиться на него.

По другим сведениям, медведь воспитал девочку и нашел ей мужа — человека. Мальчика же вскормила тигрица. Когда он подрос, она стала учить его охоте на зверя. Однажды он принес убитого им кабана. Тогда тигрица сказала ему: «Теперь ты можешь жить сам, я вскормила тебя. Поэтому на будущее время никогда не трогай тигров». Сказание говорит дальше. Как-то раз на охоте юноша, воспитанный тигром, увидел медведя и смертельно ранил его стрелою. Умирая, медведь сказал ему, что он был мужем его сестры, и сделал завещание: чтобы на будущее время никогда не давать сестре есть мясо медведя, убитого братом, чтобы женщина никогда не спала на шкуре его. Все это до сего времени строго соблюдается удэхейцами.

Теперь перейдем к празднику съедения головы медведя. Если медведь был убит далеко, то непременно надо взять его голову. Бросить голову — великий грех. Охотник, убивший медведя, собирает всех окрестных удэхейцев в свою юрту. Иные приезжают издалека.

Дня за два до праздника женщины приготовляют во множестве разные явства. Надо кормить всех гостей до отвала. Сваренную голову медведя завертывают в его же шкуру, шерстью наружу, и перевязывают тонкой веревкой. На этом празднике не должно быть спирта — это грех.

Когда гости все в сборе, охотник, убивший медведя, передает голову зверя любимому зятю. Последний, приняв ее, ставит перед собой на нары. Обычай требует, чтобы принявший голову некоторое время отказывался от сделанной ему чести. Его долго уговаривают. Наконец, уступив просьбам гостей, он подымает голову и прижимает к своей груди, затем ставит ее на прежнее место и разрезает ножом веревки. Развернув шкуру, он отделяет возможно большой ломоть мяса от щеки с наружной стороны головы, делит его на столько равных частей, сколько гостей присутствует на празднике. После этого он берет длинную заостренную палочку, надевает на нее мясо по одному кусочку и подает его по очереди каждому гостю, непременно обходя хозяина.

У кусунских удэхейцев самый старший в роде подает кусочек мяса на острие ножа, и первый кусок подается самому охотнику. При этом старик говорит свои пожелания счастливой охоты и на будущее время.

После этого медвежью голову едят все, кто хочет, кроме охотника и женщин. Великий грех уронить на пол мясо. Если хоть капля сала упадет на дерево, то место это выскабливается ножами и выжигается огнем. Когда череп будет совершенно очищен, хозяин опускается на одно колено. Против него, тоже на одно, становится тот, кто свежевал голову и раздавал гостям на палочке мясо. Этот последний, взяв в руки теперь уже голый череп медведя, с рычанием, изображающим рев зверя, быстро передает его в руки хозяина.

Хозяин, приняв череп, прижимает его к своей груди, выносит на улицу и укрепляет его на шесте так, чтобы не достали собаки.

Женщинам воспрещается присутствовать на празднике. Они уходят к соседям и возвращаются домой только тогда, когда голова будет вынесена из юрты.

Раз медведь олицетворяет сородича, то к нему, следовательно, применимы и все обычаи людей. Например, кости его хоронят, для чего делается особый гроб в виде сруба. Впоследствии удэхейцы стали медвежьи кости складывать в дупла деревьев и топить в реке. В тайге черепа медведей закладывают в развилки деревьев, повыше от земли, предварительно обвязав их мелкими хвойными ветками. Ветки эти имеют двоякое назначение: они изображают кожу с шерстью на голове зверя и замаскировывают череп от глаз хищных птиц.

Медведю, покусившемуся на жизнь охотника, полагается мстить так же, как и человеку. Если медведь растерзает охотника, то удэхейцы не успокоятся до тех пор, пока не убьют виноватого зверя. Только тогда душа усопшего попадет в царство теней. Догнав животное, охотники выкалывают ему глаза и обрубают когти, мясо его бросают на съедение воронам и собакам. Шкура бросается в лесу также. Люди вырезают у него сердце, поджаривают его на огне, разрезают на части и разбрасывают по сторонам. Это знак высшего пренебрежения и ненависти. Череп пробивается и вешается на дерево, поставленное для черта Окзо.

Третьим тотемным животным будет косатка Тэму. Тэму боятся все морские обитатели. Перед ней все трепещут, от нее нет спасения, и ластоногие (сивучи и нерпы) бегут и натыкаются на охотника. Вот почему удэхейцы, как только завидят косатку, молятся ей, просят не трогать их и бросают в воду спички, листочек табаку или кусочек сахару в виде жертвы. Они ужасно боятся пустых лодок, выброшенных волнением на берег. Это одежда, оболочка Тэму. Она сбросила ее с себя и пошла бродить по свету. Величайшей опасности подвергается человек, если вздумает присвоить себе такую лодку.

У удэхейцев много предрассудков и разных примет. Эти предрассудки пугают их, заставляют всего остерегаться, всего бояться. Например, нельзя носить унты из бычьей кожи — обидится сохатый. Белку можно жарить только вверх головою, а рыбу — обратно, вниз головою. Нельзя играть костями кита, выброшенными на берег, — море будет сердится. Нож, которым пришлось освежевать сивуча, нельзя носить при себе во время охоты на медведя. Нос соболя при снимании шкурки надо оставлять у животного; то же самое относится и к нерпе. Ранения и язвы нельзя показывать женщинам и т.д.

Ночное небо со множеством светил заставило лесных людей распределить все звезды на созвездия и создать свой зодиак: Млечный Путь — Буа-гидыни. Это следы лыж старого Канда и молодого Егда. Раньше небо было низко; Канда и Егда отправились, шли много лет; вдруг небо стало медленно подниматься и ушло ввысь, а охотники так и не вернулись на землю. Удэхейцы знают о том, что Полярная звезда — Буа-наммини — неподвижна и находится на севере. Большая Медведица — Цзали-бангяни — состоит из семи звезд: четыре образуют амбар (цзали), медведь идет к нему красть рыбу. А люди его преследуют. Кассиопея — Огбэ т.е. Семь девиц и т.д.

Высшее божество (Бо Эндули) никогда не снисходит к людям. Удэхейцу приходится иметь дело только с низшими богами. Если у него идет жизнь благополучно, значит, ему помогают родовые боги. Но иногда в его жизнь вторгаются злые духи и нарушают спокойствие. Вот почему при всяком несчастье, при всякой неудаче удэхеец забывает о существовании своего доброго бога и прежде всего старается изгнать черта. Иногда это удается ему сделать самостоятельно, но если черт силен и изгнать его он сам не может, то прибегает к помощи шамана (сама). Вот почему при всякой почти семье есть бубен, вот почему в каждой почти семье есть кто-нибудь, кто хоть немного умеет камланить. Но это далеко не шаманы. Шаманов очень мало; они все наперечет. «Он мало-мало шаман», — говорит удэхеец. «Он большой, крепкий шаман (сагды-самани)», — говорит он про настоящего шамана.

Шаманство не есть религия, это особая форма психоза, которая должна исчезнуть вместе с той почвой религиозного миросозерцания, на которой она зародилась. С нашей точки зрения, все шаманы неврастеники и дар свой получают наследственно.

На реке Амур и вообще в сфере влияния русских и китайцев шаманство стало быстро подвергаться разложению, и уже недалеко то время, «когда этнографы, лишившись живых видимых источников, должны будут, подобно историкам и археологам, пользоваться вещественными остатками для воссоздания быта, уже не существующего».

В глубине гор и лесов, в стороне от больших водных путей и грунтовых дорог, шаманство еще сохранилось. На Амуре шаманы пляшут для забавы по заказу, смеются сами и над ними смеются. Это ловкие люди, часто ленивые и не верящие тому, что сами прорицают во время камлания. В истоках рек, у самого подножия Сихотэ-Алиня, где удэхейцы сохранились в большой чистоте, там мы видим совсем иное отношение к шаманству.

Шаманство — это страдание, которое будет сопровождать человека всю жизнь. Настоящий шаман глубоко убежден, что духи являются к нему во сне и указывают, что надо сделать, чтобы помочь людям, как изгнать черта, как найти пропажу, дать добычливую охоту или исцелить тот или иной недуг.

Если молодой человек, еще не достигший полного физического развития, становится молчаливым, начинает задумываться, тосковать, худеть и плакать по ночам, его жалеют, ибо знают, что он будет шаманом.

В 1907 году в прибрежном районе на реке Кусуне я имел возможность видеть, как один юноша сделался шаманом. Когда родители поняли, каким тяжким и неизлечимым недугом он заболел, они послали за шаманом на реку Уленгоу. Если этого не сделать, человек будет худеть до тех пор, пока не умрет. Прибывший шаман в тот же вечер стал камланить и вызвал другого шамана с реки Нахтоху. По прибытии последнего они вдвоем вызвали третьего шамана с реки Такэмы. Вот все три шамана в сборе. Ночь они провели в бодрствовании, а перед рассветом после камлания по очереди погрузились в сон. Их никто не будил до тех пор, пока они сами не проснулись.

Когда встал последний шаман, они стали рассказывать друг другу свои сны. Один видел кости кита, другой — красную скалу, третий — сухостойный лес, много раковин, холодный источник, голую сопку и т.д. Сопоставляя виденное во сне, они старались угадать, где в ближайшем районе все это находится. В совещании принимали участие все старики и охотники, хорошо знающие окрестности. Наконец такое место было найдено. Это устье реки Суданэрл около мыса Арка. На следующий день шаманы отправились туда, захватив с собою и больного. Там ежедневно на рассвете, до восхода солнца, и вечером, после заката его, они силой заставили юношу камланить. Один шаман держал его за плечи, второй втискивал ему в руку колотушку и третий заставлял бить в бубен. С юношей каждый раз происходили сильные припадки, он в корчах кричал, метался и впадал в глубокие обмороки. Наконец после одного из таких насильственных камланий он погрузился в долгий и глубокий сон. Он спал и (по его словам) видел во сне духа, который сказал ему: «Ты будешь

служить мне, а я стану помогать тебе». Когда юноша проснулся, он попросил бубен, сам стал бить в него колотушкой и запел шаманскую песню. Болезнь его прошла, и с этого момента он сделался шаманом.

Севон — это дух; севохи — изображение духа. Название их бурханами, идолами совершенно неправильно.

Обычно черт принимает вид какого-нибудь живого существа и в таком виде входит в человека и мучает его. Например, судороги, удушья по ночам, истерика, нервные припадки и т.д. Из всех болезней самая страшная — падучая с судорогами. Это лисица — чигали. Видеть ее нельзя. Она — севохи злого духа. Проникнув в тело человека, чигали тянут жилы. Не всякий шаман может изгнать эту лисицу. Это делается в полночь, при затушенном костре. Заблаговременно из сухой травы по указанию шамана делается изображение лисицы, которое называется фуданку. После камлания фуданку чигали при криках «Эге-э-э!» выносится наружу, ставится где-нибудь подальше в стороне; иногда фуданку разрывают на части и развеивают по ветру. Так делал шаман на реке Такэме в 907 году.

...Жилище шамана обставляется особыми севонами. На самом видном месте стоит огромный севохи — мангни (в слове «мангни» буквы «нг» произносятся вместе с носовым звуком. *Прим. В.К. Арсеньева*), именно тот, которому служит шаман и который помогает шаману в камлании. У него на груди сделаны изображения металлических зеркал. В них отражаются злые духи, приближающиеся к дому шамана. Мангни пустотелый, что означает голод. Он должен пожрать черта. Сердце сделано в виде птицы. Оно должно трепетать так, как бьется привязанная за ноги птица. Сбоку — изображение жабы. Без этого знака севохи будет безжизненным куском дерева. На ногах вырезаны ящерицы (эхелля) — символы быстрого движения. Ноги должны двигаться так же быстро, как бегают ящерицы в теплый солнечный день. Руки обернуты змеями, чтобы они не были ломкими; на руках — шесть пальцев, чтобы он крепче держал в руке копье, и т.д. Рядом с мангни стоят два его помощника об одной ноге. На голове у них прикреплены огромные пешни вроде мечей. Они без рук, чтобы всю силу удара могли сосредоточить в голову.

Множество изображений медведей, тигров, людей разбросано там и сям по земле. Черепа медведей, медвежьи лапы повешены на деревья и т.д. Перед юртой стоят выкорчеванные пни, воткнутые в землю стволами и вверх корнями (накасэ). На этих пнях вырезаны грубые подобия человеческих лиц, самые корни изображают волосы.

Тут же, где-нибудь поблизости, стоят две или три лиственницы без сучьев и с кольцевыми вырезами по коре. Иногда на лиственницах укреплены деревянные птицы — куан. На дороге, ведущей к юрте, стоят колья с изображением человеческих голов (цзайгда); они тоже ограждают жилище шамана от посягательств черта. Необходимой принадлежностью шаманского костюма является короткая юбка из нерпичьей кожи, отороченная по подолу цветной полосой, на которой опять-таки нашиты люди, звери и птицы.

Черта надо запугать сильным шумом, для чего шаман надевает тяжелый пояс, увешанный сзади множеством железных трубок, подымающих во время пляски неистовый лязг. Его надо запугать страшным видом, для чего служит маска, отороченная мехом медведя. Черта может прогнать только гром. Этот гром шаман изображает с помощью бубна (ункту). Бубен представляет собой обруч, обтянутый с одной стороны кожей, а с другой имеются веревочные крестовины в виде змей, обращенных в разные стороны головами. Шаман держит бубен в одной руке за крестовины, а в другой — колотушку в виде тоненького загнутого валька, обтянутую мехом выдры, с изображением быстроногих ящериц. В бубне таится великая сила — гром. Когда она оставляет бубен, кожа с треском лопается. Это великое несчастье. Шаману угрожает великое несчастье. Тогда черт имеет свободный доступ в его жилище. Для предохранения бубна от порчи его держат в берестяном футляре, на котором изображены змея с крыльями (агды), медведь (мафа), тигр (амба), бездна (сункта) и властитель морей (Тэму).

Удэгейцы полагают, что у каждого человека есть две тени: одна световая, другая — астральная. Последняя имеет вид человека, которому она принадлежит. Если тень его оставит, он теряет рассудок и становится сумасшедшим. Тень удаляется в загробный мир. Не всякий шаман может вернуть ее обратно. Это чрезвычайно трудное дело и под силу только очень сильному шаману.

В 1909 году зимой я шел по реке Анюю, около притока ее Тормасунь мне удалось присутствовать при одном таком камлании. Дело было так. Один молодой удэхеец шел при луне по льду реки и вдруг увидел, что от него отделился такой же человек, как он сам, и бросился в сторону. Больной страшно испугался, еле добрался до своей юрты, лег на пол и стал заговариваться. Тотчас родные послали за шаманом, который, к счастью, оказался живущим недалеко. Всю ночь и весь следующий день больной метался в бреду. Вид у него был дикий, испуганный и растерянный.

На третий день, когда на западе угасли последние отблески вечерней зари, пришел шаман, и начались приготовления к камланию. Женщины взяли листья багульника, зажгли их так, чтобы они не горели, а тлели, и поставили к ногам шамана. По всей юрте распространился едкий ароматичный дым смолистого растения. Затем два удэхейца взяли в руки тлеющие листья багульника и стали ими обтирать одежду шамана, начиная от головы и кончая подошвами его обуви. Пока делались эти приготовления, одна старуха нагревала кожу бубна над огнем и слабыми ударами колотушки пробовала, достаточно ли она натянулась.

Огонь в юрте был притушен, в очаге оставались одни только тлеющие угли. Наконец очищения были окончены. Шаман надел юбку, нагрудник, на голову нацепил длинные ленты из стружек и подвязал позвонки к поясу. Он сел у огня по-турецки и, прислонив лицо к коже бубна, начал петь свою песню. Пение его было похоже на плач и чрезвычайно напоминало мне голошенье (причитанье), которое в детстве приходилось мне слышать в деревне у русских женщин на могилах их родственников. Наконец началось и самое камлание. Шаман встал, начал сильно бить в бубен, он как будто пел и плакал в то же время. Он сильно потрясал позвонками и плясал вокруг угасшего огня. Пение его становилось громче, удары в бубен сильнее и пляска неистовее. От музыки его становилось жутко. Он говорил неясные и не всем понятные слова. Шаман летел в загробный мир. Севон, которому он служил, помогал ему в этом трудном путешествии. На дороге встречалось ему множество препятствий. Он блуждал в горах, попадал в болота, шел по лесу во время тумана, то переплывал реки, то встречал тигра и т.д.

Глаза шамана были закрыты, лицо покрывалось потом и имело изможденный вид. Но вот он достиг царства теней. Пение его стало тихим, печальным. Теперь шаман стоял на коленях. На минуту он замолчал. Присутствующие сообщили, что сейчас шаман приступит к отыскиванию тени. Перед ним много теней; это души умерших, и все они похожи друг на друга, только травматические повреждения, которые когда-либо человек получил в быт-

ность его на земле, сохраняются и по ту сторону смерти. Шаман должен среди них отыскать пропавшую. Вдруг он заговорил: «Больной десять лет тому назад порезал ногу, у него шрам на правой ступне». Родственники не подтвердили. «У него на правом плече родимое пятно»... «Неверно», — отвечала мать... «На левой ноге раньше мизинец был отморожен»... «Да, это было», — сказал отец. «На охоте медведь помял его, следы когтей остались у него около бедра, с левой стороны».— «Тоже было». — «Ребенком он ушиб колено» и т.д. По этим признакам шаман нашел душу. Тогда он поднялся и стал подходить к больному с пляской.

Сумасшедший пришел в большое волнение: он бился, стонал, царапал себе грудь, но не вставал с земли. Шаман вытянул над огнем свой бубен, и вдруг я увидел на нем какое-то небольшое черное животное, похожее на мышь. Зверек быстро бегал по кругу и, несмотря на то что шаман наклонял бубен, маленькое животное царапалось по коже и взбиралось к обручу, не падая на землю. Тогда шаман направился к душевнобольному и быстро сбросил черное животное на раскрытую грудь бесноватого. Женщины быстро запахнули халат. После этого шаман взял прутик, привязал к нему обрывок бересты, намазанный сажей, и стал читать свои заклинания, несколько раз проводя этой берестой по лежащему на земле больному от головы до ног и обратно. Обряд был кончен — тень найдена и возвращена человеку.

Теперь шаману предстояло спуститься на землю. Иногда спуск бывает медленный, тихий, спокойный, иногда на пути встречаются опять препятствия. Иногда же спуск бывает быстрый и похожий на падение. В данном случае шаман метался, кружился, затем прыгнул в самую середину огня и ногами разметал уголья в разные стороны. Шаман упал на землю и тотчас же заснул. Больной спал тоже. На другое утро он выздоровел совершенно.

По представлению удэхейца, все живое на земле имеет душу. Со смертью душа оставляет тело, но не уходит далеко, а витает некоторое время около юрты, ожидая, когда шаман отведет ее в загробный мир. Если шаман не доставит душу на тот свет, то она будет скитаться по земле и перейдет во власть черта, сама сделается чертом и будет вечно мстить своему роду.

Загробный мир (буни) находится очень далеко, в той стране, где солнце во время заката скрывается за горизонтом.

Там душа в течение одного поколения живет такою же жизнью, как и на земле, люди так же ловят рыбу, так же охотятся, женятся и снова умирают. После второй смерти душа становится меньше и уносится еще дальше на запад, где снова живет одно поколение, опять умирает и опять летит на запад, к заходящему солнцу, становится все меньше и меньше, пока и совсем не исчезнет. Вот почему на могилу покойного кладутся все его вещи. Все они должны быть поломаны, изорваны и вообще испорчены. Вещи эти будут нужны покойному и на том свете, как и на этом.

Как только человек начинает умирать, его предоставляют самому себе. Все люди уходят из юрты и не возвращаются до тех пор, пока умирающий не испустит последнего вздоха. Тогда покойника начинают одевать: мужчин одевают в нечетное число пар одежд, женщин — в четное.

После смерти умершего тотчас выносят из дома. Над умершим спешно ставится маленькая юрта, которая со всех сторон окружается стружками (котептеляни), прикрепленными к жердям и палкам. Эти стружки изображают пламя и охраняют душу от посягательств злого духа. Со смерти покойника в доме его родственников бессменно должны быть посторонние люди, которые постоянно должны говорить, в противном случае в юрте умершего найдет себе пристанище черт Окзо.

Отца хоронить непременно должен старший сын, в отсутствие его — младший, наконец, кто-либо из родичей, и только в отсутствие этих последних — чужеродцы. Хоронят безотлагательно и тотчас же, как все будет готово. Покойника кладут в гроб, сделанный в виде лодки, потому что душе придется переплывать моря и реки, а голова обкладывается мхом, высушенным на огне. В ноги кладут разбитый котел, а в изголовье и по сторонам — спички, ложку, разбитую чашку, трубку и маленькую котомку для загробного путешествия. Покойника обертывают материей, если есть таковая, и кладут в гроб, который сверху забивается досками, обертывается берестой, обвязывается ремнями и ставится на два пня, на аршин от поверхности земли. Над гробом делается крыша из досок или корья, чтобы дождевая вода не могла туда проникнуть. Под крышу кладутся нарты, лыжи, копье, стрелы, оморочка, сетка, острога, весла и т.д. Ружье посылать нельзя, потому что с этим ружьем душа не попадет в царство теней.

Гроб ставится так, чтобы покойник головою лежал на запад, а ногами к востоку, лицом к восходящему солнцу. Впереди гробницы нередко выставляются севохи, опять-таки как результат снов шамана или снов ближайших родственников, и в особенности в том случае, если во сне явился сам покойник.

Во все время от момента смерти до окончания похорон, что занимает около трех суток, необходимо время от времени камланить и отгонять черта от души усопшего.

Если появится оспа или другая какая-нибудь заразная болезнь, тогда удэхейцы торопятся хоронить покойников и всех без исключения закапывают в землю.

Детей всегда хоронят на воздухе, но гробы не ставят под крышу, а укрепляют в развилках между двумя деревьями. Если гроб ребенка закопать в землю, женщина более не будет иметь детей.

Как только обряд погребения совершен, все люди, кто прикасался к покойнику, совершают омовение головы и рук и бросают в огонь всю свою одежду, равно бросаются также и все те предметы, которые употреблялись при работе: топоры, пила, нарты и лодка, если на ней перевозили гроб за реку.

На могилы своих родственников удэхейцы никогда не ходят, вблизи их они не охотятся, не стреляют, не рубят деревьев, не мнут траву и не собирают ягод. Вся семья усопшего, а равно и все родственники носят траур. Женщины распускают свои косы и нашивают на одежду белые полоски.

Мужчины вместо двух кос носят одну и тоже вплетают в нее белую тесемку.

В юрте, на том месте, где жил усопший, вешается его совершенно неодеванная одежда и около нее ставятся новые унты, набитые травою. В течение семи дней каждый раз при еде на то место, где жил раньше покойник, ставится чашка с пищею. Когда поедят все люди, чашка выносится и содержимое в ней разбрасывается по тайге. Затем начинают привыкать, что человека этого нет в доме, и об умершем мало-помалу забывают. Место усопшего в юрте занимает кто-либо из семьи, и все по-прежнему входит в колею обычной жизни.

Печатается по книге В.К. Арсеньев. //Избранные произведения. Хабаровское книжное издательство. 1998. 2-й том. Редактор-составитель В. С. Шевченко

СУШКО Елена Владимировна, *заведующая историческим отделом Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева.*
Сфера научных интересов — материальная и духовная культура коренных малочисленных народов Приамурья и Приморья.
С 2001 г. принимала участие в экспедициях по местам компактного проживания коренных малочисленных народов Пожарского района (с. Верхний Перевал, с. Красный Яр) и Тернейского района (с. Агзу).
Автор музейно-выставочного проекта «Узоры Северного Приморья» и ряда публикаций по данной теме.

Селение Агзу

Фото Натальи КАТОРЖНЫХ

Горная страна Сихотэ-Алинь обладает уникальными памятниками культурного наследия. Здесь проходили древние торговые пути. В результате культурной адаптации к условиям жизни сформировалось коренное население.

В сельской местности Приморья проживают представители таких коренных народов, как нанайцы, орочи, тазы, удэгейцы. Они сосредоточены главным образом в пяти районах края: Красноармейском, Пожарском, Тернейском, Лазовском, Ольгинском. Общая численность населения на этой территории около 110000 человек, сельских жителей — 53200. Из них 2% (1150 человек) составляют аборигены. Удэгейцы занимают три больших села — Красный Яр, Агзу и Дальний Кут. Нанайцы сосредоточены в селениях Верхний Перевал и Красный Яр, тазы в основном обитают в селе Михайловка Ольгинского района.

Этногенез этих народов очень сложен, по проблеме их происхождения существует несколько точек зрения. Ученые единодушны только в том, что своим происхождением нанайцы, орочи и удэгейцы, с одной стороны, обязаны прототунгусскому населению Сибири и Прибайкалья, а с другой — народам древней Маньчжурии и автохтонным племенам Нижнего Амура, Приморья и других территорий Дальнего Востока.

Еще в начале прошлого века В.К. Арсеньев посвятил этому народу многие свои исследования, в которых подробно описывал их быт, общественный строй. Удивительно, но строки, написанные почти сто лет тому назад, вполне отвечают сегодняшнему дню. «...Нельзя не любить этих людей за смелость, мужество, за глубокое знание ими природы, тайги, жизни растений и животных, за их бережное, гуманное отношение к природе, ко всему живому, за их заботу обо всех окружающих и даже незнакомых путниках тайги, за готовность помочь любому существу, попавшему в беду».

Национальное удэгейское село Агзу было образовано в далеком 1934 году, когда перед властями встал вопрос объединения удэгейцев. Цели были самые благие — так и снабжать их лучше было продуктами и лекарствами, и ликбез проводить опять-таки удобней. Несколько поселений удэгейцев соединили вместе, и получилось Агзу, расположенное в самом центре хребта Сихотэ-Алинь, на берегу горной и своенравной реки Самарга.

Самая распространенная версия появления названия села гласит о том, что Агзу — это чертово место, поскольку название является производным от «огзо», что по-удэгейски означает «черт». Китайские купцы в начале века завезли в эти места черную оспу, много жизней унесла она. Жители

также говорят, что если взобраться на насыпь, откуда открывается вид на село, то видно, что само поселение расположено в форме буквы «А» и напоминает птицу.

Конечно, многое сегодня изменилось в жизни «лесных людей», и это естественно. Но то, что село Агзу обладает такой притягательной силой, неудивительно, ведь здесь проживают талантливые и самобытные люди.

Лев Семенович Камандига, один из первых жителей села Агзу, долгое время хранил в памяти историю о том, как шаман покинул село. Дескать, был шаман, но улетел. Давно дело было, после революции. Сказал шаман старикам: «Плохое время идет, ухожу я». Лев Семенович вспоминал, как в далеком детстве мать водила его на покрытую льдом и припорошенную снегом реку показывать следы шамана: цепочка следов становилась все реже, реже, потом на расстоянии в сажень отпечатывался только носок, потом и вовсе следы пропали...

Исчез шаман, улетел. Остались только воспоминания стариков о его удивительной силе и способностях. Сейчас же в селе только два человека — Татьяна Михайловна Двойнова и Анатолий Иванович Камандига, которые умело имитируют танец шамана, но это, согласитесь, уже совсем другое.

В танце воплощает историю своего народа коллектив ансамбля «Кункай». Художественная самодеятельность здесь очень популярна. Национальные песни, пьесы на фольклорные и современные сюжеты — все можно увидеть на сцене.

Наиболее оригинальным остается декоративно-прикладное искусство, прежде всего орнамент удэгейцев. Его можно проследить на роскошных халатах из бабушкиного сундука сестер Ольги Даниловны Лободы и Анны Даниловны Дорофеевой.

Нелегко сейчас живется на Севере. Однако есть и такие, кто не только не жалуется, но и доволен жизнью. Например, метеоролог Владимир Лычак. «Главное — это гармонию найти с окружающим миром, — говорит Владимир Федорович. — Жить здесь не только можно, но и интересно». Действительно, Владимир как бы подтверждает старую истину: «Свою жизнь человек делает сам». А помогает ему в этом его хобби: живопись, пчеловодство, изготовление изделий из кожи, резьба по дереву, ковка — скучать не приходится.

Интерес к национальной культуре у детей села Агзу проявляется уже в школьные годы: дети изучают удэгейский язык, традиционные орнаменты костюмов, песни, танцы, игру на национальном инструменте — кункае.

Вопреки всем трудностям национальное село живет. И пока есть энтузиасты-подвижники, культура коренного населения будет служить источником духовно-нравственного опыта для новых поколений.

из страны Удэхе

МАРАМЗИНА Александра Михайловна, *заведующая сектором декоративно-прикладного искусства Сахалинского областного художественного музея, где работает с 1985 года. Круг интересов — декоративно-прикладное искусство и народное творчество.*

Аборигены острова САХАЛИН: из века в век

Сахалин, где с давних времен живут малочисленные народы — нивхи, уйльта (ороки), эвенки и нанайцы, — является колыбелью культуры аборигенов края, создавших самобытное декоративно-прикладное искусство. Как и все народное искусство, оно родилось из необходимости изготовления бытовых вещей и стремления соединить в них функциональность и красоту. Народы Сахалина, охотники, рыболовы и оленеводы, создавая одежду, утварь, орудия труда, отражали в них декоративным языком свое мироощущение, информировали о быте и хозяйстве.

В 60 — 70-е годы в связи с переселением аборигенов Сахалина в крупные поселки и отрывом их от традиционных промысловых угодий обычай, придававший народному искусству обязательность, постепенно уходит в прошлое. Распространение одежды русского типа приводит к постепенному отмиранию традиционного народного костюма. Активная трудовая и общественная деятельность вытесняет трудоемкое рукоделие. Казалось, оно находится на грани вымирания. Однако тяга к традиционному искусству продолжала сохраняться, приобретая новые формы современной жизни. Регулярно проводившиеся традиционные праздники народов Севера, сопровождавшиеся выставками декоративно-прикладного искусства, способствовали восстановлению интереса к национальному искусству. Изделия этих лет в большей степени утрачивают свое назначение служить для повседневных бытовых потребностей и воспринимаются как ценности художественные, удовлетворяющие именно эстетические потребности.

В 70-е годы в городах и поселках Сахалина были созданы государственные специализированные предприятия по изготовлению художественных изделий и сувениров. К этой деятельности привлекались народные мастера города Поронайска, поселков Ноглики, Некрасовка, Виахту и села Вал. В ассортимент художественных изделий и сувениров, выпускаемых этими предприятиями, вошли изделия из оленьих шкур, камуса, шкуры нерпы, ровдуги и других природных материалов.

Начавшийся распад экономики, связанный с перестройкой Советского Союза, коснулся и этих предприятий. Преобразованные в 1989 году в национальные специализированные предприятия, они несли убытки из-за непомерных налогов и недостатка рынков сбыта и постепенно прекратили свое существование. В настоящее время современное прикладное искусство народов Севера Сахалина в значительной мере носит самодеятельный характер, хотя и имеет тенденцию к оформлению национального профессионального декоративно-прикладного искусства. Теперь лишь отдельные мастера пытаются сохранить традиционное искусство. Среди них выделяются уйльтка Огава Хацуко (1926 — 1998), нанайка Нина Докимбувна Бельды (1925 — 2002), нивхки Ольга Анатольевна Няван (род.1915), Лидия Демьяновна Кимова (род.1939), уйльтка Вероника Владимировна Осипова (род.1966), нивхи Валерий Яковлевич Ялин (род.1943), Федор Сергеевич Мыгун (род.1962) и другие.

Всеми талантами была одарена нанайская мастерица Н.Д. Бельды, в совершенстве владевшая

Нина Докимбувна Бельды — непревзойденная певунья и мастер декоративно-прикладного искусства

игрой на традиционных инструментах: варгане, бубне, шаманском поясе, хранящая в своей памяти множество оригинальных нанайских песен, владеющая искусством импровизации, сама сочиняющая произведения в национальном духе. Ее манера пения была настолько оригинальна, что записи песен в ее исполнении использовали другие нанайские коллективы. Так, например, нанайский ансамбль «Гивана» из Хабаровского края использовал песни в ее исполнении в спектакле-сказке «Айога». Первый лауреат губернаторской премии (1999), она сразу заявила о себе как о большом художнике с врожденным чувством колорита, композиционным чутьем, как мастере, владеющем не только национальными технико-художественными приемами, но и знатоке национальных художественно-эстетических традиций. Нивхский мастер Л.Д. Кимова начала заниматься национальным искусством уже в зрелом возрасте. Изучая подлинники, копируя их, Лидия Демьяновна постепенно овладела практически всеми материалами и традиционными видами женского художественного творчества нивхов.

Особым талантом, высоким художественным вкусом, твердой рукой и природным интуитивным чутьем среди сахалинских резчиков по дереву выделяется В.Я. Ялин. Богатой орнаментикой, сложностью профилировок ручек отличаются ложки, вырезанные В. Ялиным к выставке в 2000 году. Вариации форм ручек и орнаментов — индивидуальное творчество мастера проявилось здесь с большой полнотой.

Коллекция Сахалинского областного художественного музея, насчитывающая более 100 предметов, создавалась в последнее десятилетие. Собранная благодаря целевому финансированию Министерством культуры РФ проекта «К истокам. Аборигены Сахалина» и поддержке компании «Сахалин Энерджи Инвестмент Компани, Лтд», она характеризует состояние современного декоративно-прикладного искусства народов Севера Сахалина. В коллекции музея хорошо представлена праздничная одежда народов Сахалина, декор которой как бы замыкает одежду, создавая особый микромир, чем обычно и является любой национальный костюм.

Национальный костюм занимает значительное место в творчестве нивхского мастера Л.Д. Кимовой. В нем она достигла особых высот, став признанным мастером народного костюма. Именно в этом качестве она была приглашена для работы над кинофильмом «Пегий пес, бегущий краем моря». Праздничные женские халаты, мужские рубашки и другие изделия, изготовленные ею, находятся в музеях страны и за рубежом. В ее работах более всего поражают цветовая гармония, изысканный подбор тканей, продуманность цвета и формы дополнительных деталей. Среди праздничных халатов Лидии Демьяновны Кимовой особый интерес вызывает халат, выполненный по мотивам нивхского из рыбьей кожи с орнаментированной спинкой, одетая в который нивхская женщина танцует под звуки музыкального бревна на медвежьем празднике. Мастерица сшила халат из белой шерсти и вышила на спине орнамент, в основе изображения которого лежит попытка художественного осмысления природы родного края. Давнюю мечту по созданию серии традиционной нивхской одежды Лидия Демьяновна реализовала в изготовлении коллекции кукол в нивхской одежде.

Среди них экзотической красотой наряда выделяется охотник-лучник в нерпичьей юбке. Здесь все этнографически точно, начиная с лыж, подбитых мехом нерпы, коротких нерпичьих подвязанных у щиколотки унтов, до нерпичьей юбки с поясом и подвешенными к нему ножнами и сумочкой для огнива.

Орнаменты нанайского халата Н. Д. Бельды ярки, расположение узоров плотное. Чешуйчатый орнамент на спинке халата, прорезная аппликация, тесьма и канты по краям халата подчеркивают его праздничное назначение.

Каждая дальневосточная мастерица имела запас различных заготовок для украшения одежды. Чтобы украсить вещь орнаментом, вышитым или аппликативным, требовалось много времени, поэтому к шитью праздничных и свадебных халатов готовились заранее. В коллекции музея есть такие заготовки на халат старейшей нивхской мастерицы О.А. Няван с изысканным графичным орнаментом. Кроме халатов в фондах музея представлен и другой тип одежды — платье женщин уйльта в комплекте с нарядным нагрудником, головным убором и сумочкой для рукоделия. Такой костюм воссоздан группой женщин уйльта Севера Сахалина в 1994 году и выполнен молодой мастерицей Вероникой Осиповой из поселка Ноглики.

Единственный предмет сахалинских эвенков в коллекции музея — сумочка «авса», сшита из камуса оленя и замши. Главное украшение сумочки — полуовальная замшевая пластина в верхней части сумочки, расшитая подшейным оленьим волосом и украшенная белыми круглыми пластинками с красными бусинками в центре. В полукруглый край пластины инкрустированы кисточки белого и темного меха, придающие ей праздничный, нарядный вид.

Не менее красив кисет уйльта из светлого меха нерпы Огавы Хацуко. Форма его традиционна — мешочек, чуть суживающийся кверху. Нивхский кисет — автор Кимова Л.Д. — сшит из чередующихся светлых и темных полосок рыбьей кожи. На золотистой и темно-серой поверхности кисета очень декоративно смотрятся красные вставки и сохранившиеся следы от чешуек.

В изготовлении обуви у народов Сахалина, кроме других материалов, широко использовалась ровдуга, получаемая путем намачивания в воде оленьей шкуры с последующим счищением с неё шерсти и копчением. На детских торбасах, выполненных Огавой Хацуко из этого материала, привлекает внимание вышитый узор их двух парных спиралей и изображений, напоминающих лягушку в прыжке.

Большим разнообразием используемых материалов и техник исполнения отличаются ковры народов Севера Сахалина. Уйльтинские мастера шьют их из шкур оленя и инкрустируют белым (обережным) оленьим мехом. Коврик Огавы Хацуко (уйльта) сшит из кусочков шкурки нерпы золотистого цвета.

Нивхи издавна славились искусством резьбы по дереву. Утративший массовость обычай художественной резьбы деревянных изделий сохраняется на Сахалине отдельными мастерами, которые время от времени обращаются к нему для изготовления традиционного подарка, еще ценимого среди нивхов, для участия в выставках или для проведения ритуального обряда. Основную часть музейной коллекции составляет резная деревянная утварь: ритуальные ковши и ложки. Формы ковшей преобладают корытообразные. Большинство из них традиционно имеют противоположные ручки разной конфигурации. Резной орнамент, украшающий их, различен на каждой ручке. Преобладающим элементом богатой орнаментики на ковшах является кривая лента, сложно переплетающаяся, местами переходящая в спирали и завитки, или иллюзорно уходящая вглубину. Ф. Мыгун дополняет ленточный орнамент простыми порезками или заполняет мелкими резными фигурами пространство фона между переплетающимися лентами. Интересно, что Федор Мыгун пришел к нивхской резьбе через русскую куль-

Кимова Л. Д.
«Кераф — летнее жилище нивхов».
Коллаж

Огава Хацуко.
Рукавицы. *Ткань, мех, вышивка*

Бельды Н. Д.
Рукавицы. *Ткань, мех, вышивка*

Огава Хацуко.
Детские торбаса.
Ровдуга, ткань, вышивка

Лидия Демьяновна Кимова

Коллекционная кукла: нивхский охотник-лучник. 2000. Мех нерпы, рыбья кожа, ткань, дерево, нитки, вышивка

Сумочка. 2000. Рыбья кожа, инкрустация

Шляпа нивхская летняя. 2001. Береста, дерево, корень стланика, аппликация, тиснение

Фрагмент халата женского праздничного. 1983. Ткань, металл, подвески, вышивка (в центре)

Кисет. 1993. Рыбья кожа, шнур

туру. Окончил Абрамцевское художественно-промышленное училище, отделение резьбы по дереву. В нивхской резьбе использует специальный богородский нож, которым издавна пользуются русские народные мастера.

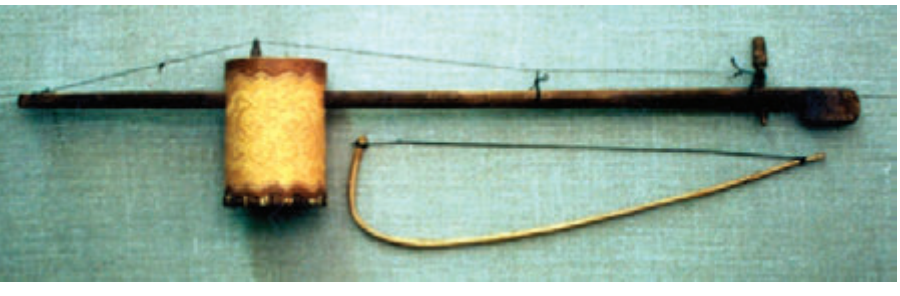
Другие ковши украшены спиралями, встречается и резной цепочный орнамент, иногда переходящий в скрученную веревку. Большинство ковшей, блюд и ложек традиционно пропитаны нерпичьим жиром, придающим им красивый желтый цвет.

В настоящее время лишь немногие нивхские мастера вырезают скульптуру из дерева. Марина Кавозг — потомственный резчик по дереву. Этот автор представлен в коллекции музея пятью скульптурами из дерева культового характера, в которых по представлениям народов Дальнего Востока обитали «духи». В пластических характеристиках изображений «хозяек горы и воды», а также в амулетах как бы подтверждается их семантика: на груди «хозяйки воды» — рельефное изображение рыбки, «хозяйка горы» имеет на голове выступ, напоминающий возвышенность (холм), а на голове фигурки, изображающей духа, причиняющего головную боль, — рельефный нарост-выступ. В амулетах от болезни сердца и того больше: дано изображение больного органа — сердца.

В собрании музея есть и деревянные игрушки. Весьма выразительные «Уточки» А. Воксина по форме напоминают традиционную игрушку «Собаку». Сняв кору, он расписал их спиралевидными узорами, которые по традиции вырезались по коре. Эти условные фигурки, где скупо выявлено лишь самое характерное, напоминают культовую пластику.

Береста в прошлом также широко использовалась в хозяйстве народов Приамурья и Сахалина. Лукошко сахалинской мастерицы Огавы Хацуко демонстрирует традиционную форму берестяных изделий, выполненных из одного куска бересты. Нивхский берестяной ковш (Сахалин, 80-е годы XX в.) поражает изысканностью и необычностью конструкции явно этнического происхождения. Восхищает продуманность и разнообразие декоративных деталей в оформлении берестяного тулова музыкального инструмента — тынрына — нивхской скрипки (собственность областного краеведческого музея). Здесь в качестве декоративных средств используются не только различные оттенки бересты, не только фигурные полоски по краю цилиндра, но даже высота стежка, пришивающего их и вторящего волнистому краю этих полосок. Дополняет все тисненый орнамент на тулове и оригинальный подбор цвета рыбьей кожи, затягивающей верхнюю часть тулова (с живота морского бычка). Действующие тынрыны на Сахалине делает только Л. Д. Кимова. Изысканный шов по краю небольшого туеска ее же работы напоминает прорастающую веточку, живо и есте-

Кимова Л. Д. Тынрын (нивхский музыкальный инструмент). *Береста, дерево, корень стланика, шитье, тиснение*



ственно входящую и выходящую из отверстий на полоске, скрепляющей верх туеска.

В творчестве народных мастеров в последнее десятилетие начинает выделяться как самостоятельный вид искусства вышивка (Л. Д. Кимова. Панно-триптих «Девочка-лебедь» — собственность СОКМ; Огава Хацуко. Панно «Олень»), ранее игравшая вспомогательную роль: пришить аппликативный орнамент или традиционно украсить орнаментом праздничную национальную одежду по краям. Создавая вышивку-картину, мастера использовали национальные декоративные швы. Знакомство с русской культурой, с достижениями в искусстве других народностей Сахалина (в частности, с искусством эвенкийского мастера Семена Надеина), увлеченность творческого человека привели Огаву Хацуко к созданию сюжетного произведения. Используя традиционные техники и орнаменты, она вышила панно-коврик «Олень». С наивной непосредственностью изображены на коврике серый олень с колодкой на шее, зеленый контур Сахалина у его ног, напоминающий толстогубую рыбу (у Семёна Надеина образ оленя-острова), и два коричнево-зеленых деревца по сторонам. Здесь много отступлений от правил профессионального искусства, в частности, изображение оленя как самого главного в сюжете дано в гораздо больших размерах, чем деревья, и это нисколько не смущает художницу. Наивность изобразительного языка и непосредственность содержания привлекают зрителя.

В современном декоративно-прикладном искусстве народов Сахалина наблюдается появление отдельных направлений в художественной обработке рыбьей кожи, опирающихся на народную основу и потому имеющих местное своеобразие. Молодая нивхская художница Наталья Пулюс постоянно обращается к рыбьей коже, изготавливая небольшие сюжетные или орнаментальные панно в технике аппликации. Уникальной техникой росписи тушью на рыбьей коже владеет Вероника Осипова, создающая в ней декоративные картины-панно. Носительница культуры сахалинских уйльта, она вносит в рисунок этнографические подробности, придавая изделию национальное своеобразие. Нивхский мастер Л.Д.Кимова, сочетая разнообразные естественные оттенки цвета рыбьей кожи, обогащая их новым содержанием, создает уникальные вещи: бусы, сумочки, коллажи. При изготовлении коллажа «Кераф — летнее жилище нивхов» Лидия Демьяновна не только использует различные оттенки цвета кожи разных пород рыб, но и коптит ее, режет на кусочки, крошит, затем составляет из них изображения.

Рассматривая изделия современных народных мастеров, можно отметить, что древняя культурная традиция не статична. Она постоянно развивается во взаимосвязи старого и нового. Все чаще мастера украшают традиционным орнаментом современные вещи: сумочки-косметички, газетницы, чехлы на банкетки и наволочки и т.д.

И все же обзор изделий сахалинских мастеров последнего десятилетия показывает не совсем благоприятное положение с искусством коренных и малочисленных народов на острове. В коллекции музея практически не представлено ДПИ сахалинских эвенков. Средний возраст народных мастеров — 55 — 60 лет. Уходят старые мастера, знающие и помнящие культурные традиции своего народа. Наряду с сохранением традиционных видов декоративно-прикладного искусства и появлением новых в сахалинском народном искусстве отмечаются и утраты. Исчезло плетение из лозы, стало исчезать изготовление берестяных изделий, хотя некоторые представители этих народностей пожилого возраста еще владеют навыками берестяного искусства.

Мыгун Ф. С.
Нивхская чаша-корыто.
Дерево, резьба, тонировка

В настоящее время, когда народное искусство уже не является жизненно необходимым, очень трудно вести работу по его возрождению и сохранению. Изучение различных художественных ремесел — одна из наиболее действенных форм приобщения к традиционной национальной культуре. Для того чтобы искусство, которым владели и владеют представители старшего и среднего поколения мастеров Сахалина, изучалось и усваивалось молодежью, необходимо было организовать передачу древнего мастерства будущим поколениям.

Но несмотря на то что с 60 —70-х годов детей нивхов и уйльта начали знакомить на уроках труда с национальным декоративно-прикладным искусством в общеобразовательных школах, где они находились на полном государственном обеспечении, лишь считанные единицы овладели традиционными приемами резьбы по дереву, научились вышивке, обработке нерпичьей и рыбьей кожи. Мало помогли и организованные в 90-е годы отделения декоративно-прикладного искусства коренных народов Сахалина в детских художественных школах, находящихся в районах, где особенно развиты художественные промыслы, и технологический лицей в городе Поронайске. С 2002 года при Институте усовершенствования учителей города Южно-Сахалинска работает отделение дополнительного образования по программе «ДПИ и народные промыслы коренных народов Сахалина».

И хотя мы понимаем, что утрата любого элемента традиционного наследия коренных народов — трагедия для всей мировой культуры, мы, вероятно, уже не в силах предупредить его нивелирование. Но можно не сомневаться, что лучшие этнические традиции, если они в духовном, эстетическом отношении действительно значительны и ценны, смогут и должны обогатить современное народное декоративно-прикладное и профессиональное искусство.

Кавозг М. А.
Амулет от болезни головы.
1999.
Дерево, резьба. 10x3,7x3,7

Осипова В. В.
Сумочка ульта *(из комплекта). 2-я пол. XX в.*
Ткань, ровдуга, вышивка.
19,3x24,7

Огава Хацуко.
Коврик «Олень».
2-я пол. XX в.
Ткань, тесьма, вышивка.
47,3x59,3

НИВХСКИЙ ХУДОЖНИК,

который слушал небо и звезды

Петр ГОНТМАХЕР,
профессор, доктор исторических наук

Взгляд

Сергея Таяковича Гурка я знал много лет. Когда приезжал в Ноглики, жил несколько раз в его доме. Его небольшой деревянный домик стоял на берегу залива. Казалось, что волны докатывались до самого его порога.

Сергей Гурка окончил художественно-графический факультет Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена. Учился он прекрасно, да и преподавали у них педагоги, хорошо знающие традиции нивхского искусства. Гурка хорошо разбирался в музыке и сам играл на фортепиано. Может быть, поэтому его произведения такие мягкие, словно написаны акварелью.

Сергей Гурка жил среди нивхов всю свою короткую жизнь. Я много раз присутствовал на его уроках рисования. Помню, как он подходил к одному из подопечных, брал в руки кисть и ставил один мазок. Композиция сразу принимала какую-то законченность. Я шутя называл такие мазки куиндживскими. Он вел также кружок по изобразительному искусству. Его посещали нивхи, эвенки, ороки, русские. У Сергея Гурка не было своей мастерской, картины он писал дома. Возможно, дом на берегу залива вдохновлял Сергея Таяковича.

Этот дом на берегу залива я часто вспоминаю. Там по вечерам мы часто спорили об искусстве, о своеобразии амурской культуры...

Не знаю, куда делись его многочисленные композиции нивхских узоров на ватмане. Они были исполнены великолепно. Печально, что эти композиции нигде не опубликованы. Некоторые из них хранятся в Музее Арктики и Антарктики Санкт-Петербурга. Многие находятся в личных архивах художников и любителей искусства. Но все это тема особого разговора. Здесь же я бросаю самый общий взгляд на творчество Гурка.

Особого внимания заслуживают большие полотна художника, написанные масляными красками. Эти картины, которые сегодня находятся в собрании Сахалинского краеведческого музея, достойны самого тщательного анализа. Я же в своих заметках остановлюсь лишь на анализе некоторых из них.

Автопортрет

Корни нивхской живописи глубоко уходят в народное искусство, из которого в их живопись перешли традиционные цвета: оранжевый, желтый, зеленый и голубой. Палитра нивхских живописцев пополнилась новыми цветовыми оттенками: фиолетовым, светло-лиловым, розовым, синим и другими. Для живописи нивхов характерно введение в композиционный строй картин национального орнамента. Орнамент играет здесь подчиненную, служебную роль. Он придает произведениям Гурка особый динамизм и ритмичность, являясь одновременно необходимым символическим элементом.

Из декоративно-прикладного искусства народный орнамент перешел в их национальную живопись, но его ритмический строй стал более спокойным, цветовые отношения несколько приглушенными. Орнаментальные построения в каждом отдельном живописном произведении исходят из конкретного замысла художника. Так органически народный орнамент в живописи не использует ни один из малочисленных народов России.

Интересной страницей в творчестве Сергея Гурка является станковая живопись. По тематике, колориту и композиции она во многом отличается от декоративной. Среди станковых произведений Сергея Гурка, выставленных в областном Сахалинском музее, особым национальным колоритом, на наш взгляд, отмечены несколько полотен художника: «Автопортрет», «Надо спешить», «Раздумье» и одна из картин без названия, которую мы условно назвали «Собачья упряжка». Все картины выполнены масляными красками. «Автопортрет» решен в холодных тонах. Художник изобразил себя задумчиво сосредоточенным на фоне сине-голубого неба. «Автопортрет» передает целую гамму сложных чувств. Зритель без труда может прочесть мысли автора: раздумье над прошлым своего народа и мысли о будущем — светлом и безоблачном. Матово-лиловый блеск корпусно положенных мазков, гармоничное равновесие композиции усиливают идейную направленность произведения. В «Автопортрете» передается глубокая гармония человека и природы. Он написан свободной динамичной кистью. Лицо вылеплено почти скульптурно, с большой психологической проницательностью. Художник создает образ не спокойно созерцательный, а действенно-активный. Это не столько «Автопортрет», сколько образ современника, гордого за свой народ и готового во имя него на любые

подвиги. Совершенно естественно вошел в композицию «Автопортрета» орнамент, выписанный эффектно и тонко: он создает единство произведения, придает ему законченность и освещает поэтической глубиной.

Ода медведю

Произведения Гурка имеют свой живописный почерк, свою манеру, свой голос. В качестве сюжетов художник берет самые обыденные события из жизни народа, но поднимает их до высокой значимости. Умение увидеть в простом, будничном настоящую поэзию жизни во многом определило творчество Сергея Гурка.

Поэтична картина «Раздумье», которую можно назвать лирической зарисовкой. На небольшом возвышении полусидит медведь, склонив в раздумье огромную голову. Образ его, мягкий и добрый, перекликается с мотивами национального фольклора. В композиции преобладают теплые тона: от ярко-красного до светло-желтого. Цвет в картине глубоко символичен. «Раздумье» — это симфония красок. Все полотно пронизано спокойствием, величием и торжественностью.

Бег собачьей упряжки

Картина Сергея Гурка «Собачья упряжка» подкупает хорошо найденными пропорциями и совершенным рисунком. Самое главное в этом полотне — ощущение радости жизни, свободной и динамичной. Желтовато-сиреневые и светло-розовые цвета дают акцент красочному аккорду произведения. Воздушная перспектива композиции передается исключительно цветом. Поэтическая ритмика орнамента достигает здесь своего совершенства. Он выписан живописными, гармоническими линиями, закручивающимися в ажурном рисунке.

Сущность преемственности Сергей Гурка понимает как органическое единство художественных традиций и элементов новаторства, отражающих современную действительность. Народ отбирает и развивает лучшие традиции, шлифует их на протяжении поколений. Художник не стремится к самодовлеющей оригинальности. Она без особого усилия и нажима, совершенно естественно вошла в его творчество. В живописи и графике первого нивхского художника Сергея Гурка ярко и самобытно отражаются традиции народного искусства.

Путешествие из Петербурга в Москву

Сергей Таякович учился в Ленинграде. Это были лучшие годы его жизни. Особенно он любил выезды на пленэр. Душа нивха требовала простора, а главное — соприкосновения с природой. На природе он оживал, становился открытым, да и здоровье приходило в норму.

Как-то в Ногликах, в его уютном доме, мы разговорились по душам. «Знаете, что мне более всего нравится в жизни?» — спросил Сергей. И ответил: «Первое — это практика по живописному рисунку — пленэр, а второе — поездки в Москву». Немного помолчав, он сказал, что очень любит московские музеи, особенно Третьяковскую галерею. Он поведал мне, что по приезде в столицу, предвкушая минуты радости общения с живописью, мог бродить по Лаврушинскому переулку, где находится Третьяковка, два часа и более, и лишь после этого приходил в знаменитый на весь мир музей. В залах А. Иванова, И. Репина, В. Серова, В. Сурикова он стоял часами. Мощь их мастерства настолько покоряла молодого нивхского художника, что они казались ему не людьми, а богами.

Сюда, в Москву, Сергей Гурка приезжал нечасто: у студента не было особых средств, но как только они появлялись, Гурка спешил в столицу. Может быть, здесь, в Третьяковке, к нему пришли темы и образы его лучших полотен.

Путешествие из Петербурга в Москву явилось важной вехой в жизни художника Сергея Таяковича Гурка. Оно, вероятно, во многом определило его творческую судьбу, его отношение к эстетическому наследию нивхского этноса, без которого не было бы профессиональной живописи и графики нивхов.

Он слушал небо

Наверное, самым важным в творчестве Сергея Гурка является отражение природы, мира сказочных образов его родного народа, философии мышления нивхов. Исследование творчества нивхского мастера привело меня к мысли, что огромное значение в своих картинах он придавал написанию неба. Я обратился к художнику с вопросом: откуда у него такая любовь к этому безбрежному пространству, которое относил к самому важному еще Иммануил Кант.

Сергей Таякович рассказал мне, что среди любимых художников самый дорогой для него — Федор Васильев. Читатель знает, что этот гениальный художник, образно говоря, был художником неба. И несмотря на то что он испытывал влияние французских пейзажистов, в первую очередь барбизонцев, немецких мастеров дюссельдорфской школы живописи, но более всего учился Васильев у русских художников И. Шишкина, И.Н. Крамского, И.Е. Репина. К слову, последний, несмотря на то что был старше Федора Васильева, учился у него писать небо.

Сергей Гурка считал себя учеником Ф. Васильева. У него он брал уроки, глядя на его пленительные полотна. Через небо Гурка передавал настроение, образы земляков, мир их мыслей, психологию и красоту природы. Сергей Гурка понимал, что ставит перед собой огромные задачи, и потому хотел научиться писать небо так, как это умел делать великий мастер.

Сергей Таякович повторял слова своего любимого поэта Блока: «...и невозможное возможно». Действительно, Сергею Гурка удалось сделать многое — почти невозможное. Он мог на пленэре долгими часами, как он выражался, слушать небо. Может быть, так в свое время внимательно и чутко слушал небо и Федор Васильев.

Сергей Гурка призывал всех и каждого слушать небо и звезды. В этом призыве есть что-то кантовское. Последуем ему.

Я часто думаю, почему Сергей Таякович любил музыку Дебюсси. И только сейчас понял: ажурные, орнаментированные мелодии этого композитора-импрессиониста органично связываются с узорами природы, судьбы, узорами, которые пробуждают вдохновение художника. Может быть, поэтому произведениям Сергея Гурка присущи струящаяся импрессионистическая солнечность и легкое узорное дыхание. Этим дыханием наполнена его живопись.

В материале использованы репродукции работ из коллекции Сахалинского областного краеведческого музея.

Шаман устал. Но разбудил КАМЧАТКУ

Фото автора

Народная артистка России Татьяна Романова (ансамбль «Мэнго»)

***КРАВЧЕНКО Валерий Трофимович**, заслуженный артист Российской Федерации, известный пианист, журналист и писатель. Образование высшее музыкальное. С 1968 года работает в Камчатском областном музыкальном училище в должности преподавателя по классам специального фортепиано и концертмейстерского мастерства, а также концертмейстером. Много лет Валерий Кравченко является концертмейстером Камчатской хоровой капеллы. С участием Валерия Кравченко капелла успешно гастролировала во многих странах мира, стала лауреатом двух международных конкурсов — в Греции и Испании.*

Более трех десятилетий Валерий Кравченко пристально следил за развитием культуры на полуострове в качестве журналиста и фотокорреспондента областных газет. Он был собственным корреспондентом газеты «Советская культура» по Камчатской области. В. Кравченко автор книг «Мэнго», «Музыканты Камчатки», двухтомника «Культура Камчатки. XX век». Один из последних его проектов — сборник очерков о культуре Камчатки «След Ветра», включающий более 400 фотографий автора.

ЭТА СТРАННАЯ** и загадочная страна Уйкоаль (древнее название долины реки Камчатки. — Прим. автора) **слишком долго ждала часа, когда истинное искусство возникнет на ее дивных суровых просторах. Веками рокочущий голос шаманского бубна несся к мерцающим звездам, и веселя, и тревожа душу. Из уст в уста летели поэтические легенды, сказки, родовые напевы. От стариков к детям тянулись традиции жарких праздненств, украшенных диковинными танцами и не менее удивительными нарядами. Однако даже в начале XX столетия, когда почтенная Европа невзирая на войны гордо преклонялась перед собственными шедеврами, копившимися еще с античных времен, культура земли камчатской (в нашем – современном – понимании) напоминала бескрайние белые снега с редкими следами угасающих шаманских костров.

Корякская пляска. Солисты народная артистка России Татьяна Романова и заслуженный артист России Иосиф Жуков (ансамбль «Мэнго»)

Но столь идеальное полотно с названием “Камчатка”, где лишь природа с бесконечным буйством создавала свои непревзойденные картины, словно давно готовилось впитать в себя и живое сердце человека, и его ищущую, творческую душу. Настало время! И, подводя итоги ушедшему веку, мы можем с гордостью сказать: он, этот век (да, и трагичный, и такой разноликий), войдет в историю как время явления миру достойных ценностей, созданных на земле камчатской. Художники, поэты, музыканты, артисты и танцоры, родившиеся здесь или пришедшие на незнакомый берег издалека, сумели остро ощутить неразгаданный, вечно меняющийся образ природы, ее могучую стихию, что как гипноз воздействует на одаренную душу, несет энергию и поэтическую страсть. И пусть шаман, что лихо будоражил небо в давние времена, кажется, устал и чаще стал являться не в празднествах старинных, а, как актер, со сцены, но ясно, что и он (частичка духа истинной Камчатки!) помог разжечь на северной земле живой огонь и подарить нам тайну вдохновения.

ЕСТЬ ИМЕНА, ЧТО КАЖУТСЯ ЛЕГЕНДОЙ. Двенадцатого февраля 1998 года Татьяна Петровна Лукашкина (Слободчикова) отмечала свое 80-летие. В печати вновь появились давно известные факты ее биографии: как летом 1934-го отправилась она с пятью молодыми односельчанами в невиданный город Ленинград, как училась в Институте народов Севера и даже встречалась с Надеждой Крупской. Как в 1936-м, на первом Всесоюзном фестивале народного танца, камчатские студенты впервые показали Москве свои хореографические композиции: “Нерпы” и “Вороны”, как, наконец, со страниц “Комсомольской правды” глянула на свет “Девушка с Камчатки” — юная Таня Слободчикова. События эти, как и все, что происходило впервые, по-прежнему волнуют. Однако минуло с той поры шесть десятков лет. И большее восхищение вызывают уже, пожалуй, не отдельные детали жизни, а тот гигантский объем содеянного, что с неизменной улыбкой сумела осилить эта маленькая, тихо говорящая камчатская женщина.

Разное мчалось время — голод и войны, диктат идеологов и напускная красивость застойных лет, мечты о демократии и летящая под откос великая страна. И сколько мужества и мудрости, духовных сил нужно иметь, чтобы не сбить себя с пути, чтобы собственные терзания, боль удерживать внутри, а землякам, своей Камчатке упрямо и всегда дарить лишь одно — радость!.. Есть множество причин, что в сочетании нам создают художника. И среди них важнейшая — природная способность любить и чувствовать (и почитать высоко!) родные корни, идущие из прошлого традиции, мелодии, поверья. Еще, конечно, важен круг единомышленников (всегда он невелик), что создает опору и расширяет круг влияния. Татьяна Лукашкина, к счастью, никогда не была одинока. И в те опасные 30—50-е годы, когда ломались привычные устои жизни северян (а вместе с ними гибли и духовные богатства), и значительно позднее, когда шаманский ритуал стал превращаться в концертный номер, рискуя потерять при этом саму суть неразгаданного до конца действа. Сегодня мы знаем имена тех, кто не только сберег исконную культуру северян, но и помог узнать о ней всему миру.

В ряду первом, конечно же, стоят Татьяна Лукашкина, Георгий Поротов, Владимир Коянто (Косыгин). Такие несхожие, достигшие художественной зрелости в разных направлениях, они в то же время чрезвычайно близки друг другу. Сказительница, мастерица и педагог Лукашкина, поэт, писатель, композитор Поротов, поэт, писатель, драматург и (не удивляйтесь!) неугомонный политический деятель Коянто всю жизнь не расставались с бубном, плясали, пели, сочиняли и стали для северян неким образцом горячей верности фольклорному искусству. Они же, помогая и поддерживая все творческое, при этом сохраняли за собой жесткое право судить и поправлять, не поддаваться компромиссам и отчаянно спорить даже с теми, с кем (в известную всем пору) спорить не рекомендовалось.

Еще они учили ценить свое прошлое, копаться в памяти дедов, прислушиваться к голосу ученых и почитать учителей. И потому, просматривая ныне яркую и поучительную историю единственного профессионального корякского ансамбля “Мэнго”, исследуя творческие достижения многих нацио-

В январе 2003 года корякскому поэту и писателю Владимиру Коянто (Косыгину) исполнилось 70 лет

нальных самодеятельных коллективов – из Караги, Анавгая, Коврана, Манил, Тиличик, Паланы, – мы видим, как зависят они друг от друга, как абсолютно все испытали влияние таких неповторимых личностей, как Поротов, Коянто, Лукашкина, Гиль. Если же судить в целом – культура Камчатки во всех ее проявлениях наиболее полно питалась как бы из двух источников, рождающих особое вдохновение художников, поэтов, музыкантов, танцоров: неповторимого образа камчатской земли и уникальных вековых традиций северян, что смогли добраться до наших дней и поразить воображение. Это влияние заметно даже в развитии таких, казалось бы, отдаленных от камчатских истоков видов искусств, как театр и музыка. Ни один настоящий мастер, ни один высокопрофессиональный коллектив (как хоровая капелла Евгения Морозова или камерный оркестр Георгия Аввакумова) не избежали камчатской темы, всегда испытывали на себе ее вдохновляющее влияние.

Достижения культуры, прославившие Камчатку в XX столетии, поразительны как по необыкновенной стремительности развития, так и по уровню художественных достижений. Десятки крупных имен, составляющих ее основу, дополняют сотни творческих, энергичных, преданных своему делу специалистов, народных самородков. Но огромные пространства Камчатки, по которым бродят ее поэты, могут (не будем обманываться) сузиться до размеров одной сцены, потому как при всем разнообразии, силе и великолепии творческих открытий деятели культуры и искусства все же составляют немногочисленную, а потому и – в определенном смысле – хрупкую часть общества. Особенно важно об этом думать в нынешние времена, ибо чистый энтузиазм, на котором традиционно держалась и держится культура в наших убогих условиях, вряд ли неиссякаем...

МНОГО ЭТО ИЛИ МАЛО – три десятка лет? По меркам жизни человека – срок велик. Но переведи его в дни и ночи и удивишься: без малого 11 тысяч суток!.. 18 октября 1965 года в дышащую осенью Палану приехал Саша Гиль. Парню было 22. И он, подтянутый, общительный, не по годам при этом строгий, принялся за дело, всё значение которого и сам в то время вряд ли понимал. Да, многого не знал будущий заслуженный артист России, мастер, которого станут почитать на севере и юге. Не знал, что именно ему удастся поднять дремлющие огоньки народного искусства до подлинно профессиональных высот. Что созданный им ансамбль объедет полмира. Не мог предположить и то, что жить ему оставила судьба на этой удивительной планете всего лишь 8 тысяч дней...

"Мэнго"... Когда мы произносим это слово, в памяти возникает нечто большее, чем корякский ансамбль танца. Потому как "Мэнго" – не только коллектив талантливых единомышленников, способный удивить, увлечь зрителя. "Мэнго" – это Школа, после которой можно каждому танцору выдавать особый диплом, равный разве что университетскому. Это бесценный опыт, накопленный за десятилетия, и который, к сожалению, до сих пор не нашёл своего исследователя. И "Мэнго", конечно же, – большое содружество людей, тех, кто работал в нём, кто помогал, оставаясь в тени, кто и сегодня, не зазнавшись, продолжает учиться, неся эстафету мэнговских традиций сквозь наше неспокойное и неблагодарное время.

8 тысяч дней... Но как этот украинский паренёк, не знавший тундры, не видевший до этого даже во сне диковинные празднества коряков, ительменов, чукчей, сроднился с ними, проник сознанием и телом в прошедшие века, и смог в короткий срок стать Вожаком, Учителем и Другом людей, которых никогда не знал?.. Мы можем много рассуждать о судьбе таланта, о необычности пути, что избирает он. Мы вправе выражать догадки, изучать те видимые звенья, что легко ложатся на бумагу, но никогда нам не постичь тайны, КАК, ПОЧЕМУ живущий рядом человек способен сделать то, что не дано другим... Да, Саша Гиль и сам, конечно, не смог бы нам ответить. Как не ответил ушедший в пору зрелости Георгий Поротов. Как промолчал непризнанный при жизни уникальный мастер кисти Кирилл Килпалин. Как — ныне здравствующий Владимир Коянто тоже ведь не скажет! Как улыбнутся и

пожмут плечами ныне прославленные звезды “Мэнго”. Но именно они — есть украшение Камчатки, её душа, её движение во времени, в пространстве.

Александр Гиль, добравшись до Паланы осенью 1965-го, взвалил на себя весь груз создания ансамбля, в котором бы народная основа нашла развитие, сценическую перспективу. Да и артистов будущих он набирал с нуля, отыскивая в разных местностях Камчатки подростков пытливых, к танцу пригодных, но даже не мечтающих о сцене. Так появились в коллективе будущие мастера — Катя Уркачан, Рая Липатова, Саша и Толик Мохнаткины, Аня Косыгина, Тоня Милгинкавав, Коля Лазарев, Таня Романова, Боря Жирков, Люда Оенвид, Женя Панкаринов, Пётр и Даниил Ягановы, Серёжа Миронов, Иосиф Жуков — первые ученики и учителя Александра Гиля. Да, именно — учителя. Ибо юный Гиль тогда, три с лишним десятка лет назад, даже не пытался трогать струны Севера. Он ставил милые его сердцу украинские пляски, давал ребятам первые уроки профессионального танца, но сам уже тогда понимал, что в конечном итоге ожидает от него Камчатка.

Никто не знает, сколько времени, сил ушло на то, чтобы новый камчатский хореограф постиг черты национального танца. Никто не знает, когда впервые почувствовал он внутренне право художника взяться за создание композиций, которые здесь, на Севере, никто не посчитал бы чужими, в которых каждый камчадал увидел бы своё, родное, близкое, что перепутать или не заметить просто невозможно. Ясно одно: Гиль спешил. Но спешил на удивление точно, одержимо, словно им руководил невидимый, зрелый наставник. И пробил час, когда потрясение испытали все — и почтенные деятели культуры, и неговорливые хозяева тундры, и даже сами они — только ступившие на сцену молодые танцоры: в феврале 1967 года (прошло 16 месяцев жизни Гиля на Камчатке!) Петропавловск увидел ПЕРВЫЙ КОРЯКСКИЙ БАЛЕТ “МЭНГО”!

Потом — Хабаровск и Москва. Рецензии, диссертации, публичные споры (мол, что это — балет, пантомима, хореографическая поэма?), первое лауреатство. Потом — гастрольное турне по зимнему Северу России, показ многих хореографических миниатюр, вошедших ныне в золотой фонд ансамбля (“Ойя-ухажер”, “Тропинка”, “Ярмарка в Палане”, “Чайки”). И новый балет — “Эмэм Кутх”. И первое заграничное турне в декабре 1969-го — в Монголию... Перечислять все дальнейшие ступени творческого совершенствования коллектива — задача не из простых: каждый год приносил ощутимые результаты.

Так что же это всё — явление миру “Мэнго” — случайность, некое удачное стечение обстоятельств? Вряд ли. “Хрущёвская оттепель”, повеявшая над страной, культурный бум, который стал назревать на полуострове в середине 60-х, звучащие всё громче голоса профессиональных художников, музыкантов, поэтов всколыхнули постепенно и молчаливую северную бескрайность. Великое счастье, что это произошло именно в тот момент, когда вековые традиции северян угасали, но не исчезли вовсе, когда нашлись люди, сумевшие услышать, воскресить, поднять на новый уровень необыкновенную, но столь хрупкую культуру малых народов. Ведь именно в этот период профессиональный рывок произошёл в карагинском ансамбле “Энер” (тоже выступал в Хабаровске и Москве в 1965-м году). В 1967-м заявил о себе ительменский “Эльвель” известной ныне сказительницы и певуньи Татьяны Гуторовой. Ярче запылал манильский “Факел”, особенно после прихода в коллектив Нины Милгичил...

Ну, а “Мэнго”? “Мэнго” стал лидером этого движения. С самого начала у молодых артистов стало возникать и крепнуть желание превратиться в настоящих профессионалов. Сам Александр Гиль почти не говорил на эту тему. Но весь стиль его работы — жёсткость в требованиях, ярко выраженное стремление развить в каждом индивидуальные актёрские качества, умение постоянно увлекать всё новыми идеями — был совсем не похож на традиционное самодеятельное творчество. В 1974 году коллектив стал профессиональным.

Юрий Алотов, поэт, писатель, музыкант

Следующие двадцать пять лет жизни профессионального “Мэнго” можно разбить на две не очень равные части. Первая и наиболее значительная — до рокового 1988 года. И вторая, которая продолжается и сегодня, но уже, увы, без Александра Гиля.

Особенно насыщенными оказались первые годы профессиональной деятельности. Сначала ансамбль почти год совершенствовал свою программу в творческой мастерской Ленконцерта. Затем — очень серьёзные гастроли в Петрозаводске, Архангельске, Ненецком автономном округе, в Якутии и Чите. Лишь в конце 1976-го “Мэнго” появился в Петропавловске, и горожане смогли увидеть наконец обновлённое лицо ансамбля. Увидели — и удивились. Во-первых, на сцене появились новые имена: Валерий Пя, Алевтина Чултумова, Владимир Ласточкин, Светлана Хилтухина, Михаил Кихляп — танцоры молодые, но уже сумевшие обрести свою индивидуальность. Разнообразнее и сценичней стали номера. Ярко обогатилось музыкальное оформление (безоговорочная заслуга замечательного баяниста и композитора Валерия Скребкова, проработавшего с ансамблем несколько лет)... К тому периоду относится и постановка чукотской легенды “Рультэнны” (“Деревянный человечек”). Именно с этой работы стали явственно проступать новые черты Гиля-постановщика. Но если в “Рультэнны” более зримо менялся лишь стиль хореографии, к которому все уже стали привыкать, то в более поздних постановках Гиля стало всё более явственно проступать его эпически-философское мышление. Хореографическая композиция “Огонь”, основные номера программы “Рождён под северной звездой”, адажио из фильма “Когда уходят киты” (солисты Светлана Хилтухина и Валерий Пя) — яркое тому подтверждение.

Юбилейный вечер заслуженной артистки России Екатерины Гиль

Но новая – профессиональная – жизнедеятельность коллектива таила в себе и немало проблем, разочарований, обид и просто трудно переносимых нагрузок. Несмотря на строгие партийные решения никак не решался вопрос о создании нормальной базы. Лишь в 1982 году в Палане сдали в эксплуатацию так называемый Дом "Мэнго", где были и жильё для артистов, и весьма просторный репетиционный зал. Но где брать кадры? Конечно, балетмейстер давно привык сам выискивать в северной глухомани необученную, но одарённую молодёжь. Но ритм, уровень профессионального коллектива требовал и здесь иного решения. Проблема особенно обострилась, когда из "Мэнго" по разным причинам стали уходить талантливые танцоры: Борис Жирков и Данил Яганов, Анатолий и Александр Мохнаткины, Раиса Липатова (ныне – Ефремова), Пётр Яганов. А ведь гастроли, которые с похвальной, но беспощадной энергией появлялись в планах, не давали времени ни на учёбу новичков, ни даже на всегда желанное обновление программы. Исключив из перечня поездки по стране, назову лишь ряд более дальних маршрутов: два месяца по США (1976), Чехословакия (1977), Польша (1979), Германия (1981), Италия (1984), Франция, Швейцария, Монако, Бельгия (1985)... Мир узнавал искусство древней Камчатки. Мир восхищался мастерством актёров. И они действительно стали уже мастерами. С 1977 по 1983 годы Иосиф Жуков, Николай Лазарев, Екатерина Гиль, Татьяна Романова и сам Александр Гиль получили звания заслуженных артистов Российской Федерации. Да и те, кто ещё не имел официальных наград, явно находились на высоте. Но где же брать пополнение? Частично разрешить эту проблему взялись в областном музыкальном училище. В сентябре 1984 года во вновь открытое здесь хореографическое отделение был приглашён Сергей Кевевтегин.

Рассказ об этом человеке должен бы состояться отдельно. Истинный талант земли камчатской, первый профессиональный корякский балетмейстер, он уже, к великой нашей боли, ушел, как говорят северяне, к "верхним людям". Но то, что успел сделать Кевевтегин для своего края, невозможно ни забыть, ни перечеркнуть. Он нашёл и обучил языку танца значительную группу национальной молодёжи, он зарядил вдохновением всех начинающих артистов своего ансамбля "Уйкоаль". И теперь именно на них, воспитанников Кевевтегина, мы и возлагаем серьёзные надежды. Кондрат Яганов, Елена Пономарёва, Иван Курока, Евгений Уваров, Оксана Айгиткан, Зинаида Кутынкавав, Владимир Бережков и многие другие – далеко не все они в "Мэнго". Но, рассеявшись по Камчатке, они стали теми живыми проводниками творчества, в чём всегда так нуждается земля...

В целом первая половина и середина 80-х отмечена на Камчатке новым, более глубоким отношением к изучению песенно-танцевального фольклора. В полную мощь зазвучал голос Георгия Поротова. Появились монографии известных исследователей искусства коренных северян М.Я.Жорницкой, Н.К.Старковой. Всё чаще проводились не смотры-конкурсы, а научно-практические конференции, в которых "Мэнго" и его именитый создатель занимали весьма почётное место...

Но... Пришло роковое 8 июля 1988 года. 8 тысяч дней, отведенных ему судьбой на создание и совершенствование "Мэнго", истекли. Случайная, безрассудная пуля поджидала Александра в родном украинском селе... Шок, вызванный потерей главного балетмейстера, не прошёл, наверное, и по сей день. Да, эстафету учителя подхватили ученики. Сначала Пётр Яганов, потом – Иосиф Жуков. О дальних поездках на время пришлось забыть. Лишь три года спустя не весь ансамбль, а лишь часть труппы выезжала в Анкоридж и Уналашку (США). В 1992 "Мэнго" участвовал в двух международных фестивалях – в Англии и Испании. В 1995-м состоялась поездка в знакомую и прекрасную Францию, а год спустя – Израиль.

Между тем из ансамбля выбыли почти все артисты, кто вместе с Гилем стоял у истоков "Мэнго". Некоторые из них – светлая звезда коллектива Николай Лазарев, артисты Сергей Иа, Владимир Ласточкин – ушли навсегда. Нет Татьяны Фёдоровны Петровой-Бытовой, которая ещё в 30-е годы учила в Ленинграде юную Таню Лукашкину, а потом страстно помогала Гилю. Осенью 1997-го внезапно оборвалась в Палане жизнь одаренного и перспективного хореографа Валерия Етнеута, которого сам Гиль как-то прочил в свои преем-

ники... Но биография «Мэнго», к счастью, продолжается. В декабре 1997-го художественным руководителем ансамбля стал хореограф Марк Нюмен, работавший двадцать с лишним лет назад вместе с Гилем. В сентябре 1999-го ансамблю присвоено звание Государственного академического. Весной 2000-го ансамбль показал Камчатке свою новую программу, которую земляки ждали двенадцать лет. В сентябре того же года в ансамбле (да и во всем Корякском округе) появилась первая актриса, которой присвоено почетное звание «Народная артистка России». Ею стала Татьяна Романова.

28 октября 2001 года ансамбль «Мэнго», возвращаясь из Хабаровска, где он участвовал в культурной программе Приамурской торгово-промышленной ярмарки, подарил Петропавловску один концерт. Впервые — без Иосифа Жукова. И без Петра Яганова, трагически погибшего 1 мая 2001 года в Палане. В сентябре 2002 года «Мэнго» стал участником Всероссийского фестиваля национальной культуры, проходившего в Москве. А в марте 2003 года по всей Камчатке прошли торжества, посвященные 60-летию со дня рождения основателя «Мэнго» Александра Гиля...

Да, много лет пролетело. Они, эти годы, вместили в себя великий труд истинных энтузиастов. Труд, который при любых будущих и даже самых неблагоприятных обстоятельствах уже не сможет не оказывать своего воздействия. Ведь не просто еще один ансамбль родился и вырос на Камчатке. Именно благодаря "Мэнго" удалось не только воскресить, творчески осмыслить древнее искусство северян и явить его миру. Создана оригинальная, не существовавшая до сих пор школа корякской хореографии. А сам "Мэнго", вероятно, не очень верно именуется "ансамблем". Это — настоящий национальный театр, где гармонично переплелись все художественные средства, из которых состоит неповторимая, единственная в мире культура коренных народов камчатской земли.

СТОЛИЦЫ РАЗНЫЕ БЫВАЮТ. Роскошные мегаполисы и мелкие селения. Суть не в размерах и богатстве, а в той духовной роли, что несет в себе конкретный уголок земли... Поселку Ковран, что приютился у тихой речки на фоне загадочной сопки Эльвель, самой судьбой уготована роль лидера. Ибо именно здесь сконцентрировались и пытаются выстоять самые яркие творческие силы малочисленного ительменского народа. Историческая несправедливость, не оставившая для ительменов на карте Камчатки ни названия, ни территории, помноженная на цепь трагических событий трех последних столетий, привела народ на грань исчезновения. Достаточно взглянуть на карту Владимира Атласова, отображающую места расселения камчадалов-ительменов в 1700 году (от северной реки Тигиль до самой южной точки полуострова), сравнить ее с нынешней картиной — и в любых пояснениях нужда отпадает. Да и официальная сводка безжалостна: в 1995 году на Камчатке оставалось всего 1442 ительмена, в самом селении Ковран (по самой последней сводке) — 311...

На фоне этой, увы, печальной картины во сто крат возрастает значение каждого шага, который может помочь сохранению и развитию как жизнедеятельности ительменского населения, так и его культуры. Некоторые попытки приостановить разрушительный процесс и дать коренным жителям Камчатки шанс на выживание предпринимаются. Реализуется идея закрепления и охраны территорий традиционного природопользования в бассейнах рек Ковран, Утхолок, Сопочная, Морошечная, Белоголовая. При поддержке Всемирного фонда дикой природы (WWF) создан этноэкологический центр, призванный вести в селах разъяснительную и просветительскую работу. С переменным успехом осуществляется деятельность родовых общин и национальных предприятий, хотя их на ительменской земле крайне мало.

В начале 88-го в селе Ковран был учрежден Совет возрождения культуры ительменского народа, в который вошли такие образованные и инициативные личности, как Олег Запороцкий, Клавдия Халоймова, Борис Жирков и другие. За истекшие с тех пор годы совет обрел опыт, точно обозначил важнейшие приоритеты, однако не во всех своих начинаниях добился успеха. Причин тому немало. Но две постоянно выходят на основной план: дефицит деятельных кадров и, разумеется, пустой карман. Некоторую реальную помощь ительменам стали оказывать иностранцы. Дэвид Коэстер, Джанатан Бобалик, Ингрид Саммерс, Нельсон Хенкок (США), Эрих Кастен (Германия), Николя Эботнер и Борис Шишло (Франция), Питер Ернек (Канада), Оно Чикако, Ядзу Мицухиро, Минору Осима, Кадзуоки Танимото (Япония) — они, ученые разных стран, не ограничились фиксацией своих наблюдений. Стали возникать совместные проекты, финансируемые из-за рубежа и направленные, в первую очередь, на закрепление и развитие духовных начал.

Борис Жирков, художественный руководитель ительменского ансамбля «Эльвель» (с. Ковран Тигильского района)

Признаться, было стыдно за свою страну. За ее равнодушие, упрямое нежелание чтить и лелеять национальные культурные ценности России. Однако постепенно пришло и большее понимание того, что та же ительменская культура — одна из важнейших частичек мировой цивилизации. И если уж родная держава не собирается это осознать, то пусть пока хотя бы чужестранцы окажут помощь...

Так уж удачно сложилось, что создание Совета возрождения, явление гостей из-за границы на ительменскую землю почти совпало с дерзкой и, как показало время, очень успешной попыткой самих ковранцев воскресить в своем селе древний праздник «Алхалалалай». Да, именно в 1987 году ительменский ансамбль «Эльвель» попытался на сцене своего старенького клуба воссоздать давно подзабытое празднество. С тех пор минуло 15 лет. Сгорел в начале девяностых сельский

Народные мастерицы Александра Попова и Наталья Эвгур

очаг культуры. Но это не остановило танцоров. Больше того, заставило выйти со своей идеей под открытое небо, на берег реки и таким образом как бы еще более приблизиться к истинным обычаям проведения торжества.

Своим рождением ансамбль «Эльвель» обязан удивительной и прекрасной ительменской мастерице, сказительнице, певунье – Татьяне Евстроповне Гуторовой. Именно она еще в 1967 году попыталась встряхнуть односельчан, напомнить им об очаровании национальных мелодий, магической силе древних обычаев и танцев. Три года ушло на пробы, репетиции, обретение первых сценических навыков. Но когда в 1970 году небольшой ансамбль Гуторовой пригласил земляков на премьеру музыкально-хореографической легенды «Эльвель», всем стало ясно: Камчатка обрела еще один дивный коллектив, которым можно гордиться. Она, Татьяна Евстроповна, сама сочинила сценарий, сама напела мелодии, которые обработали местный композитор Борис Заев и могучий талант Камчатки Георгий Поротов. Некоторые танцы к балету поставил тогда еще молодой солист «Мэнго» Борис Жирков. Мало кого из тех, первых, актеров можно увидеть сегодня на сцене, но их имена уже трудно забыть, ибо каждый первопроходец оставляет след, по которому другим легче идти. Надежда Слободчикова, Любовь Притчина, Петр и Михаил Слободчиковы, Борис Киле, Яков Запороцкий, Алексей Садовников, Татьяна Левковская, Олег Оячек, Сергей Данилов – далекие от искусства люди сумели объединиться на основе горячей любви к земле предков, услышать их голоса, проникнуться духом откровенного и возвышенного творчества. С момента премьеры сам ансамбль закрепил за собой «Эльвель».

С 1980 года ансамблем «Эльвель» руководит Борис Жирков, уникальный камчатский хореограф, оставивший яркий след в творческой судьбе «Мэнго». Именно он когда-то под руководством Александра Гиля играл роль богача Иныла в первом корякском балете. Именно он, побывавший в Париже и еще в десятке роскошных столиц мира, нашел в себе силы вернуться в свое крохотное полузабытое село, чтобы принять эстафету из рук Татьяны Гуторовой и с неизменным упорством и достоинством продолжать работу по художественному развитию ительменского фольклора.

Под руководством Бориса Александровича ительмены села Ковран появились в 80-е годы на сцене Дворца съездов, на открытых площадках ВДНХ, участвовали в Первом (и, как оказалось, последнем) Международном фестивале фольклора. Весной 1988-го ансамбль «Эльвель» был включен в состав большой творческой делегации и на борту агитационного теплохода «Корчагинец» совершил свой первый зарубежный вояж – во Вьетнам. Последнее десятилетие века принесло всем нам, как известно, новые проблемы, непредвиденные сложности. Но ни распад великой державы, ни безумная скупость государства, давно считающего (такой уж вывод напрашивается) культуру делом второсортным, не смогли погасить патриотическую потребность людей сохранить свое лицо. Пережив немало бед, обид, разочарований, ансамбль «Эльвель» выжил. На смену бывшим артистам приходили новые. Появились спонсоры, которые находили немалые суммы, чтобы искусство ительменов смогли узнать в далеких странах мира. Благодаря участию акционерного общества «Иянин Кутх» «Эльвель» в 1996-м посетил Германию, где отмечалось 250-летие со дня рождения Георгия Стеллера. Чуть позже концертмейстер ансамбля и композитор Анатолий Левковский демонстрировал свое искусство в США и с помощью американских друзей сумел выпустить первый сборник своих песен и мелодий. С интересом познакомились жители Германии с родовыми песнями Елены Зуевой (1998), а блистательный танцор Леонид Сысоев пленил Норвегию своим уникальным горловым пением (1999).

Четыре дальние поездки состоялись у ансамбля «Эльвель» в 2000 году, включая посещение норвежского фольклорного фестиваля «Риду-риду» и летние гастроли по югу Франции. Артисты гордятся своим успехом, возможностью периодически видеть культуру иных народов и во весь голос заявлять о себе. Однако, мне кажется, наивысшая ценность творчества ковранцев заключается в том, что на родной земле, в самых неимоверно тяжких условиях они стойко и преданно служат свое-

В окрестностях с. Сосновка (Елизовский район) каждую осень проходит ительменский обряд «Алхалалалай»

му народу, не дают уникальной ительменской культуре исчезнуть навсегда.

В этом плане возрожденный в 1987 году и получивший развитие ительменский праздник «Алхалалалай» занимает центральное место. На торжество стекаются не только односельчане. Прибывают гости из отдаленных сел. Прилетают ученые, деятели культуры из Петропавловска, Паланы, многочисленные иностранцы. Олег Запороцкий, играющий все эти годы первостепенную роль в организации празднества, являет собой образец истинного интеллигента, добровольно взвалившего на свои плечи весь сложный механизм подготовки и проведения празднества по-прежнему в небывало сложных условиях. Он готовит рекламу, собирает и доставляет в Ковран гостей. Он ищет средства и готовит призы, награды. Он возглавляет работу жюри на разных конкурсах. И в минуты вдохновения запросто выходит на сцену с гитарой, чтобы спеть родную мелодию.

А праздник «Алхалалалай» – действительно далеко не прост. Он длится несколько суток, стартуя во второй неделе сентября, но непременно в период полнолуния. В программу входят различного рода состязания. Но ключевым моментом празднества является, конечно, «Обряд Очищения». Это – целое магическое действо, в котором задействованы все присутствующие. Жаркий костер в центре Балаганной площади становится как бы центральной точкой, вокруг которой движется бесконечная цепочка взявшихся за руки людей. И вот Борис Жирков ударяет в бубен. Ему отвечают десятки других бубнистов. Артисты ансамбля «Эльвель» начинают действие. Ритуальные сюжеты сменяются современными фольклорными постановками. Сила и эмоциональная энергия танцоров действует лучше любой команды. Темп нарастает, все жарче разгорается пламя. Вокруг почти не остается зрителей. Все пляшет, ликует, шумит... Внезапно пляска приостановилась. Расступились люди, давая дорогу безмолвному шествию. Нового деревянного идола, олицетворяющего еще один, мелькнувший в бездне времен Алхалалалай, торжественно доставили на место и установили в один ряд с его предшественниками. Их теперь на Балаганной площади пятнадцать.

Потом началось самое важное. Огромное кольцо, сплетенное из веток березы, всплыло над поляной. И каждый (!), волнуясь, прошел сквозь него. Каждый вознес руки к небу и радостно, облегченно воскликнул: «Алхалалалай!»... А в девять вечера тут же, у костра, стартовал танцевальный марафон. Пары-добровольцы, пройдя медицинский осмотр, пустились в пляс, рассчитывая победить и уж, конечно, перекрыть прежние рекорды.

Оставим танцующих близ гаснущего костра. Вернемся к прозе. Минует пара дней – разъедутся гости. Потом снегами занесет Ковран... Ансамбль «Эльвель» будет вспоминать былое, мечтать о будущем... Им трудно! Одиноко! Их очень мало! Когда я попросил список артистов, на которых, по сути, держится культура ительменов, то увидел... 12 имен: Олег Слободчиков, Валерий и Юрий Мещеряковы, Ольга Ковалева и Алеша Соколов, Олеся Щупакова, Ольга Коваленко, Настя Сарычева, Татьяна и Анатолий Левковские, Леонид Сысоев, Борис Жирков. Все! К тому же (напомню) сгоревший клуб. Мизер молодежи, которая могла б примкнуть, продолжить дело... Но есть и другие имена. Они, разбросанные по свету, потерянные во времени, тоже являются частичками непревзойденной ительменской культуры. Татьяна Лукашкина, Георгий Поротов, Александр Притчин, Анатолий Винокуров, Валентина Успенская, Нина Толман, Виктория Петрашева, Василий Краснояров, Татьяна Романова, Зинаида Машихина, Алексей Жирков, Нелли Суздалова, Ольга Запороцкая, Наталья Селиванова, Клавдия Халоймова – можно назвать более сорока ярких представителей древнего камчатского рода, успевших внести важный вклад в творческую копилку ительменов. Это богатство должно быть на виду. Оно обязано становиться достоянием подрастающих поколений, основой для созидания. И тогда, быть может, появится уверенность, что духовное развитие крохотного и красивого народа, некогда заселявшего почти всю Камчатку, обретет надежду...

Танцует ансамбль «Эльвель»

Стоят на берегу реки Ковран молчаливые идолы. Ветер и снег хлещут в их бесстрастные лики. Бесконечной чередой восходят над ними солнца и луны. Кажется, само время дорисовывает их облик, иссушая деревянную плоть, прибавляя трещины-морщины... Их уже тринадцать, молчаливых свидетелей и участников древнего и возрожденного из пепла обряда «Алхалалалай». Каждого вырезал из ствола многолетней березы художник. Есть здесь работы Вадима Санакоева, Валерия Запороцкого. Последнего идола изготовил сын Татьяны Евстроповны — Олег Гуторов. Не знаю, о чем размышлял ительменский мастер в момент действа, какие думы посещали его сердце. Но когда новый магический лик поднялся над площадью, все вдруг увидели в нем... черты непревзойденного и, увы, уже ушедшего от нас камчатского хореографа Сергея Кевевтегина, который около двадцати лет назад прилетал в Ковран, оказывал помощь Борису Жиркову в постановке новой программы.

Случайность? Мистика? Как знать...

ОБРАЗ КАМЧАТКИ, ее история, традиции, судьбы стали щедрым источником для творчества поэтов, прозаиков, музыкантов, краеведов, ученых самых различных направлений. Причем всем им (можно утверждать без преувеличений) весьма повезло. Ибо еще два с половиной века назад выдающийся исследователь земли камчатской Степан Крашенинников создал уникальный и фундаментальный труд, в котором энциклопедические сведения насыщены яркими и точными деталями, представляющими повышенный интерес для творческих натур. Известно, что сам Пушкин незадолго до гибели изучал Крашенинникова (сохранились наброски его будущей статьи). К двухтомнику путешественника обращались Чехов и Гончаров. Несомненно влияние Крашенинникова на деятельность дореволюционных писателей И.Калашникова, И.Федорова-Омулевского... Тема географических открытий и освоения Камчатки — наиболее заманчива и для литераторов, и для читателей. Но она же и чрезвычайно сложна, ибо ставит автора в суровые рамки документальной подлинности. Видимо, поэтому среди многочисленных современных писателей мы не встретим обилия имен, избравших для себя путь исторической прозы (мы не касаемся творчества литераторов, пишущих о прошлом Камчатки, так сказать, со стороны, хотя произведения таких известных писателей, как С.Марков, А.Борщаговский, Н.Задорнов, Н.Чуковский, В.Пикуль достаточно популярны у камчатского читателя). Наиболее настойчиво и скрупулезно осваивает тему русских первопроходцев камчатский писатель Евгений Гропянов. В повестях “Атаман” (о камчатском Ермаке Владимире Атласове), “Черный монах” (об Иване Козыревском, присоединившим к России Курильские острова), в исторических рассказах об исследовании русскими моряками западного побережья Северной Америки писатель документально точен, и при этом дает возможность читателю вернуться в прошлое, проникнуть в духовный мир далеких реальных личностей, их разноликого окружения.

Писательская организация возникла на полуострове в 1974 году. К тому времени уже достаточно известными стали имена местных литераторов Владимира Варно, Василия Золотова, Анатолия Клещенко, Романа Райгородецкого, Николая Рыжих, Владимира Воробьева, Николая Санеева, Евгения Сигарева, Николая Старикова и других. Стремительно совершенствовалось творчество Владимира Косыгина и Георгия Поротова, пытавшихся на новом уровне заполнить тот продолжительный вакуум, что прочно царил в литературной среде Корякского округа с момента внезапного появления (в середине 30-х) и столь же быстрого исчезновения первых общепризнанных носителей корякского художественного слова Кецая Кеккетына, Льва Жукова, Ивана Баранникова. Совершенно разные по характерам, степени эмоционального самовыражения, поэтической образности, деловым и житейским качествам, они имеют очень много общего и, позволю себе так выразиться, воспринимаются сегодня как нечто цельное, являющееся своего рода стеной, призванной защитить пока еще хрупкое, но необыкновенно самобытное пространство духовного наследия северян. Они, Георгий Поротов и Влади-

мир Косыгин, собственно, и стартовали вместе, выпустив на рубеже 60 — 70-х XX века три совместных музыкально-поэтических сборника (“Песни Алнея”, “В стране Кутхи”, “Дарю тебе песню”), предопределив этим и направление развития национальной культуры, и свой собственный путь. Со временем они будто бы разошлись. Косыгин с удивительным постоянством издавал сборники поэзии (“Оленьими тропами”, “Родник”, “Струйка”), повести и рассказы (“Месяц молочных важенок”, “Верхние люди подождут”, “Рог вожака”) и с годами все больше вовлекался в стихию политических событий, побывав и в роли депутата Верховного Совета СССР и активного общественного деятеля в аппарате Президента России. Поротов, ставший для многих северян источником вдохновения, не ограничился музыкально-поэтической сферой, где он был и непревзойденным фольклористом, и драматургом, и суровым критиком. Георгий Германович (1929 — 1985) во второй половине своей не очень долгой жизни все глубже изучал былое, пытался понять духовные корни, что без конца будоражили его творческий дух. Так появились исторические романы “На околице Руси” (1979) и “Камчадалы”, изданный уже после кончины писателя... Творческое наследие Поротова, писательский багаж Косыгина, который продолжает пополняться сейчас, в новом столетии, обретают (простите за повтор) удивительную целостность и единство. И крайне важно именно теперь взяться за подготовку полных изданий этих двух истинных мастеров земли камчатской...

Особенно волнует появление на северной земле новых носителей национальной поэтической культуры. Их всегда было крайне мало. Вслед за Иннокентием Ягановым (его порой считают первым корякским поэтом), Георгием Поротовым, Владимиром Косыгиным настойчиво заявила о себе Нэля Суздалова, издавшая в первой половине 90-х годов два сборника стихов и сказок. Значительный интерес представляет творчество Юрия Алотова. Явившись землякам лет пятнадцать назад в качестве неугомонного барда (с гитарой, бубном и довольно необычным голосом), Юрий уже тогда поражал зрителей философской глубиной своих текстов. Две книги Алотова, увидевшие свет в начале 90-х (“Слеги чавчувена” и “Жертва вождя”), недавно изданная рукопись «Медвежья пурга» подтвердили, что на корякской земле творит поэт, чьи интеллектуальные ресурсы, верность прошлому в сочетании с ярковыраженным нравственным благородством рождают ожидание новых значительных работ...

В начале 70-х в столице Корякского округа — Палане — появился художник Вадим Санакоев, которого сегодня многие считают лучшим камчатским портретистом. Всего два года, что прожил живописец на корякской земле, резко приблизили художника к национальной культуре, сделали его на всю жизнь активным и упрямым хранителем дивной и малозащищенной красоты традиционного творчества северян. Вадим Санакоев не ограничился кругом портретов ныне знаменитых корякских, ительменских артистов (Екатерины Гиль, Бориса Жиркова, Николая Лазарева, Татьяны Романовой, Иосифа Жукова и других). Он создал значительную серию крупных живописных полотен, раскрывающих психологию и зрелищную неповторимость народных празднеств. Причем даже в самых фантастических сюжетах, к которым тяготеет Санакоев (скажем, в центральная части триптиха “Моя земля” — “У Кэтгым”), легко узнаваемы лица персонажей, поражает обилие и точность многочисленных бытовых и ритуальных деталей, господствует великий дух единения человека с природой.

Свой личный и неповторимый опыт с миром, в котором родился, оставил нам в наследство уникальный и единственный нымыланский художник Кирилл Килпалин (1930 — 1991). Всю свою 60-летнюю жизнь он провел вдали от суеты поселков, утомительного шума городов. Живя в тундре (недалеко от Хаилино), на берегу северной речушки, “в чистоте и свежести природы”, он, как признавался сам, в ней (и в космосе!) искал лекарства и радость творчества. Пройдя сквозь нищету и одиночество, борясь с болезнями (здесь и наступившая глухота, и слабость в легких, и убийственная для художника потеря глаза в нежданной схватке с медведем), Кирилл Васильевич, по свидетельству друзей, до конца дней своих не утратил юмор, доброту и необычайную работоспособность. Многое из того, что создал этот необычный человек, мы увидели, прочитали лишь после кончины Килпалина. Удивительные сказки, созданные им на основе легенд прошлого, жанровые зарисовки, в которых сквозит дух фольклора и взгляд мудреца, картины жизни северян, портреты близких, черновые наброски, сделанные порой чернильной руч-

В селе Парень издавна изготавливают уникальные ножи для оленеводов

Лауреат многих конкурсов, солист эвенского ансамбля «Нулгур» Миша Перхун (с. Эссо Быстринского района Кангатской области)

«Камлание» (танец шамана). Солист – Сергей Кутынкавав (ансамбль «Мэнго»)

кой или карандашом, – все, что успел создать художник и писатель Кирилл Килпалин, еще ждет своих исследователей, издателей и нас с вами. Ибо, как точно заметил когда-то Вадим Санакоев: "Кирилл сумел увидеть свет природный, таинственный свет, и оставить его нам"...

Культура малочисленных народов (которых на российском Севере, по мнению ученых, насчитывается 26), как и сам традиционный образ жизни, весьма хрупка, подвержена влияниям извне и в результате оказывается на грани разрушения. Удивительно, но свою благотворную роль в сохранении и развитии этнических культур зачастую играют люди приезжие, которые, слившись с краем, где живут, как бы сами становятся представителями этой культуры. О роли украинца Александра Гиля в удивительном взлете корякской хореографии мы уже говорили. В 1965 году появилась в той же Палане супружеская пара — скульпторы Виктория Крупина и Александр Пироженко. Работая в бронзе, керамике и гипсе, они в конце концов остановили свой выбор на камчатской каменной березе. Созданные ими скульптурные портреты оленеводов, рыбаков, охотников, жанровые композиции, живописные полотна уникальны как для корякского края, так и камчатской земли в целом. В них дух свободы и красоты людей суровой тундры, в них та естественная открытость, что сродни солнцу, поднимающемуся над отрогами Срединного хребта...

Фактически ни один из деятелей местной культуры не избежал влияния Камчатки. В репертуаре камчатских театров (драматического и кукольного) периодически возникают постановки, связанные с историей либо фольклором народов Севера. Композитор Гарри Нелипович создал немало инструментальных и оркестровых произведений, в которых передает свое личное ощущение, видение земли, на которой живет. Камчатский камерный оркестр, созданный заслуженным артистом России Георгием Аввакумовым (1946 — 1997), в свои заграничные турне постоянно приглашал художников Феликса Тебиева, Виталия Шохина, Виктора Тришкина со своими выставками, чтобы европейский зритель, слушая игру камчатских музыкантов, более зримо представлял необыкновенную красу далекого полуострова. А заслуженный деятель искусств России, основавший в 1967 году Камчатскую хоровую капеллу, победивший со своим коллективом в трех международных конкурсах (в Греции, Испании, Республике Корея), не одно десятилетие поражает земляков и публику многих стран мира искусными хоровыми обработками корякских, ительменских, чукотских, алеутских напевов...

ДА, ШАМАН, веками взывающий к небу с таинственным бубном в руках, явно подустал. Ушли из обихода современной Камчатки ритуальные празднества. Шаман превратился, по сути, в почти обыкновенного артиста, художника, режиссера, но сумел при этом связать эпохи и указать в развитии самодеятельного и профессионального творчества верное направление. Все они – деятели культуры и искусства полуострова (о которых здесь сказано и кто, увы, остался "за кадром") – не смогли избежать влияния скрытой энергии и духа уникальных традиций камчатской земли. Все – радуясь, страдая, бедствуя и снова возвышаясь – смогли за минимальный исторический срок (несколько десятков лет!) создать на Камчатке то удивительное, неповторимое культурное наследие, с которым не стыдно появиться в новом тысячелетии.

Один вопрос по-прежнему тревожит: сумеем ли сохранить все это уникальное богатство в наше неразумное и все еще разрушительное время?..

1

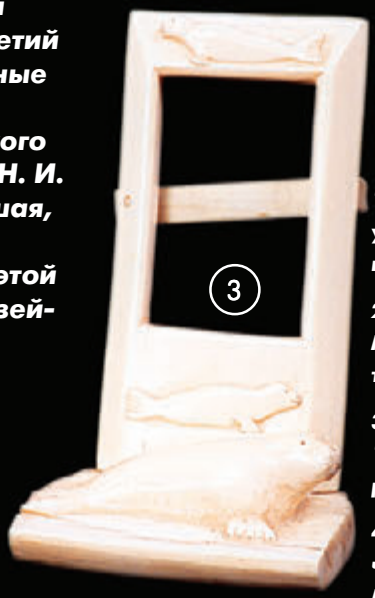
РЕЗНАЯ ЧУКОТКА

Татьяна МЕЛЬНИКОВА, кандидат исторических наук
Фото Александра ХРАМЦОВА

Авторы книги «Резная кость Уэлена. Народное искусство Чукотки» начали свое повествование словами: «В музеях Москвы и Санкт-Петербурга, Парижа и Вашингтона, в многочисленных частных коллекциях можно увидеть мастерски вырезанные из кости фигурки полярных животных или покрытые тщательно выполненными рисунками клыки моржа. Большинство этих произведений создано в Уэлене, небольшом чукотском поселке, расположенном на стыке Берингова пролива и Северного Ледовитого океана. Издавна люди, населявшие крайний северо-восток Азии, не только охотились на морского зверя и пасли оленей. На протяжении многих столетий здесь изготавливались художественные изделия из кости».

За 109 лет существования Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н. И. Гродекова в нем сложилась небольшая, но интересная коллекция чукотской резной кости. Некоторые экспонаты этой коллекции вы видите на снимках музейного фотографа А. В. Храмцова.

2



3

1. Вуквутагин. Композиция «Собачья упряжка». Уэлен. 1958 г. Моржовый клык, резьба, гравировка, тонировка

2. Декоративный нож. 1959 г. Уэлен. Моржовый клык, резьба, гравировка, тонировка. Фрагменты

3. Рамка для фотографии. Чукотка. 1-я треть XX в. Моржовый клык, резьба

4. Композиция «Сцены из жизни чукчей». Чукотка. 1-я треть XX в. Моржовый клык, резьба, гравировка, тонировка

4

4

4

«ЭРГЫРОН» – это РАССВЕТ

Милада БАРНАКОВА, заслуженный работник культуры РФ
Фото Игоря СИМОНОВА

Государственный чукотско-эскимосский ансамбль песни и танца «Эргырон» («Рассвет») — старейший коллектив аборигенов, которому скоро исполняется 35 лет. Как и в прежние времена, «Эргырон» — гордость далекой Чукотки, с одной только разницей: сегодня о нем уже знает весь мир. В 2002 году гастроли «Эргырона» прошли в Испании и Бельгии.

История этого уникального ансамбля началась в 1968 году, когда решением партии и правительства на Чукотке, в городе Анадыре, был создан чукотско-эскимосский коллектив. И сразу начались репетиции, поиск творческих решений и ярких образов. Изначально творческое лицо «Эргырона» формировалось на основе серьезного анализа фольклора чукчей и эскимосов. Шаг за шагом создавались интересные сценические варианты, которые в конечном итоге становились произведениями искусства и занимали достойное место в репертуаре ансамбля.

Совсем не просто было подбирать артистов, музыкантов, вокалистов и, что важнее всего, сохранить самобытную культуру исполнения, стиль и неповторимо яркую образность искусства чукчей и эскимосов. Только через год после создания «Эргырон» впервые выступил перед зрителями. И это стало настоящим экзаменом.

В те далекие годы костяк ансамбля составляли студенты Анадырского педагогического училища и молодежь из танцевальных самодеятельных коллективов из разных районов Чукотского автономного округа. Но постепенно «Эргырон» прирастал профессионалами. Так, в 1996 году, после Улан-Удэнского хореографического училища сюда пришла Лиана Найданова. Сегодня она солистка ансамбля. В 2000-м и 2001 годах, закончив Чукотский национальный колледж, молодые специалисты Лилия Омрытагина и Юлия Тимонина стали частью коллектива.

Сейчас «Эргырон» возглавляют художественный руководитель Виктор Полонский и главный балетмейстер Лариса Полонская. Как и прежде, здесь сохраняются традиции аборигенов, отбирается все самое лучшее из наследия коренных народов Чукотки и совершенствуется уровень мастерства.

Заслуженный артист России Н. Н. Тататто — художественный руководитель чукотско-эскимосского ансамбля «Эргырон»

По сути, каждая страница истории этого старейшего коллектива — это уникальный опыт сохранения и возрождения культурного наследия коренных малочисленных народов. К примеру, в 1993 году, когда отмечалось 25-летие «Эргырона», решили ставить новую программу. Подключили творческие силы Московского творческого объединения «Люрит». Его руководитель Владимир Коваль принял самое живое участие в организации юбилейных мероприятий в зале имени П.И. Чайковского, рекламной кампании, пресс-конференции, постановочной работе программы «Пробуждение». Наверняка артистам ансамбля навсегда запомнился тот яркий юбилейный год, когда с ними работали профессионалы высокого класса, а свое искусство они показали в крупнейшем концертном зале столицы.

1993 год был объявлен ЮНЕСКО Международным годом малочисленных народов Севера. В рамках этого события «Эргырон» принимал участие в Международном фольклорном фестивале «Полярные маки» в Норильске, и это стало первой поездкой уже обновленного артистического коллектива. Художественным руководителем в то время был заслуженный артист РСФСР Николай Татато, а музыкальным руководителем — Сергей Закатюра. На том фестивале выступали ансамбли финно-угорской группы, знаменитый корякский ансамбль «Мэнго» с Камчатки, ансамбль народов Севера «Энер» из Магадана. «Эргырон» принимали очень тепло, а по дороге из Норильска коллектив заехал в Певек, где дал несколько концертов на юбилейных мероприятиях Чаунского района.

1994 год стал знаменательным для «Эргырона» тем, что группа ансамбля побывала в США (штат Аляска) и приняла участие в Международном фольклорном фестивале «Камай». И в этом же году чукотские артисты представляли свое мастерство на I Международном фестивале в Калининграде, куда съехались 137 коллективов со всех стран мира: Мексики, Франции, Болгарии, Польши, Германии, Испании и др.

Осенью 1995 года, по приглашению президента Французской ассоциации фольклора Алена Жакоба, «Эргырон» выехал в Париж по случаю пятилетия творческого союза ассоциации с Российским домом народного творчества. И в этом же году коллектив работал с выпускницей Санкт-Петербургской консерватории им. Римского-Корсакова Ириной Давыдовой. Итогом этой работы стал музыкально-хореографический спектакль «Разговор со звездой». А вообще программа ансамбля многолика: «Хатырка», «Олененок», «Нунлигрэн», «Сиреневская», «Оленевод», «Зимняя» и другие хореографические и музыкальные постановки.

В феврале 1996 года в вокальную группу ансамбля пришла Анна Отрокова — яркая творческая личность. Спустя три месяца вместе с Максимом Васильевым, музыкальным руководителем ансамбля, они написали прекрасную песню на слова Антонины Кымытваль «Нэмэриней», а затем песню «Ветерок» на слова самой Анны.

Разные периоды были в жизни «Эргырона». Но даже при сложном финансовом положении ансамбль находил возможность при поддержке администрации округа выступать с концертами во всех районах Чукотки и дарить свое искусство людям. И сама программа совершенствовалась, пополнялась сложнейшими по исполнению и художественному решению номерами. К примеру, постановка чукотского обряда «Выльгыкоранмаат», эскимосского обряда «Польа» («Праздник кита»).

Сегодняшние гастрольные дороги ансамбля «Эргырон» лежат во многие города России и многие страны мира. Публика всегда тепло встречает уникальный ансамбль, дарит ему самые жаркие аплодисменты. И тем радостнее возвращение домой, на ту землю, которая дает силы и вдохновение артистам. На Чукотку, таинственную, до конца еще не разгаданную.

РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ)

Якутское серебро

Татьяна МЕЛЬНИКОВА
Фото Александра ХРАМЦОВА

В фондах Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н. И. Гродекова хранится небольшая, но очень интересная коллекция предметов, характеризующих традиционную культуру якутов конца XIX века. Она была собрана и привезена в музей чиновником особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе Петром Поликарповичем Шимкевичем. В 1894 году он получил именно такое особое задание: изучить условия жизни аборигенов Амурской и Приморской областей генерал-губернаторства для последующей разработки административных мер, направленных на улучшение их положения и сохранение от вымирания.

Женские ручные браслеты бёгок и шейное кольцо. 2-я половина XIX века. Подарок Ниманской золотопромышленной компании. 1900

Украшения женские шейно-нагрудные иленгабирель. 2-я половина XIX века. Подарок Ниманской золотопромышленной компании. 1900

С этой целью он посетил бассейн реки Буреи, где в конце XIX — начале XX веков проживала большая якутская диаспора. У буреинских якутов П. П. Шимкевич собрал коллекцию предметов быта и одежды из 68 единиц, подаренную естественно-историческому музею Приамурского отделения Императорского русского географического общества, в будущем ХКМ им. Н. И. Гродекова. Ядром этой коллекции по праву считаются прекрасные якутские женские и мужские украшения.

Украшения были неотъемлемой частью якутского костюма, особенно женского праздничного (свадебного). Женщины носили кольца, серьги, браслеты *бёгок*, кресты *сюрах*, массивные шейно-нагрудные украшения, наборные пояса, мужчины – наборные пояса. Последние имели кожаную основу шириною в два пальца и были выложены серебряными и медными пластинами с гравированными орнаментами. На поясе нередко слева висел нож в чехле *кынах бысах*, справа — огниво *хатат*.

В качестве основного материала для украшений использовалось серебро, реже медь, очень редко золото («золото они не любят»). Якутское серебро содержало 34,26 % серебра, 50,78% меди, 15,05% цинка. Лишь в лучшем «старинном» якутском серебре 50% изделия приходилось на благородный металл (*Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. — М., 1997*). Большинство якутских кузнецов были прекрасными серебряных и медных дел мастерами. Свои изделия они покрывали растительным орнаментом с рогообразными, лировидными, сердцевидными элементами, выполненными в технике гравировки и чеканки.

Кузнечное, а также плавильное дело было единственным из якутских ремесел, которое во 2-й половине XIX века выделилось в самостоятельное, хотя и без образования специализированных артелей. По свидетельству этнографа-политкаторжанина В. Л. Серошевского, в конце XIX века якутская кузница, как и в прежние времена, оставалась «передвижной кузницей кочевника», а якутский кузнец – бродячим мастером, охотно перебирающимся из одной местности в другую, из юрты в юрту — то по вызову богатых работодателей, то по личному усмотрению. Главные его инструменты: меха *кёрт*, наковальня *кыстык*, клещи *кытыгас*, молот *отюои*, напилок *иги*» (*Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. — М., 1997*). В работе якутскому кузнецу, раздувая мехи, помогали не только его помощник, но и жена, сын и даже сам заказчик. Они ковали, сидя на маленьком стульчике или на корточках перед низенькой небольшой наковальней, работали обыкновенно в один молот. Примитивными инструментами в походных условиях изготовлены эти прекрасные украшения из фондов ХКМ, которые представлены на фотографиях.

В среде коренных народов Приамурья имелся постоянный спрос на традиционные якутские украшения. В Хабаровском краевом краеведческом музее хранится якутский наборный пояс, который бытовал в ульчском роду Дечули. По свидетельству крупного российского этнографа А. В. Смоляка, якутские кожаные пояса, шитые крупным бисером, украшенные металлическими накладками, охотно носили молодые нанайские женщины и девушки. Традиционная якутская женская ушная серьга из фондов ХКМ была вымыта из нанайской могилы в начале XX века. Серьги такого типа пользуются популярностью среди коренного населения Хабаровского края до настоящего времени. В нанайском языке они имели даже особое название «*лэргицкэ*», что означает – звенящие.

По воспоминаниям члена Союза художников России А. А. Самар (1918 г. р.), такие серьги были повседневны-

Богатые якутки в зимней одежде

Девушка-невеста (Амгинско-Ленское плоскогорье)

ми. Их покупали у якутов во время пушной охоты. Если было серебро, то нанайские кузнецы делали серьги *лэргицкэ* по якутскому образцу. На одной из фотографий XIX века нанайская невеста украшена не только широко известным лунообразным нагрудным украшением *сэлкэ* маньчжурского производства, но и традиционным якутским христианским крестом *сюрах*.

ТЕАТР МОДЫ
с изысками древности

Айина ФИЛИППОВА
Фото Александра ГОЛОДНЕВА

Августина Филиппова — известный в Якутии модельер, которая поразила мир своими фантастическими проектами. Уникальный талант якутянки был по достоинству оценен миром моды в 2000 году в Каннах. Здесь проходил показ новой коллекции отечественных дизайнеров, организованный благотворительным фондом «Русский силуэт».

Модели Августины Филипповой отличаются особой тематикой, этническим духом. Они по-настоящему завораживают и не оставляют зрителя равнодушным.

Августина Филиппова живет и работает в Якутске. Она имеет свою мастерскую на факультете якутской филологии и культуры Якутского государственного университета, где обучает студентов авторской технологии шитья современной эксклюзивной одежды, а также ведет курс для молодых мастеров.

Еще работая в школе руководителем театрально-художественной студии «Сир симэхтэрэ» («Цветы Земли») в родном

горном Улусе, Августина Филиппова раскрыла свой талант дизайнера костюмов и декораций театрализованных представлений. Ее постановка якутского героического эпоса «Ньургун Боотур» и «Кыталык-тар кырдаллара» («Долина стерхов») силами сельских школьников, театр моды «Урун чомчуук» («Белая жемчужина») стали своего рода стартовой площадкой для раскрытия творческой личности.

Свои модели Августина Филиппова впервые представила в 1994 году на республиканском фестивале, где со своим театром моды получила Гран-при конкурса. Сегодня она инициатор и организатор ежегодных фестивалей моды, конкурсов среди модельеров Республики Саха (Якутия). В 2001 году модельер подготовила своих первых учеников по специальности художник-дизайнер.

В костюмах, сшитых Августиной Филипповой, выступают многие танцевальные коллективы республики, известные вокалисты, участники республиканских конкурсов красоты «Мисс Якутия», театр моды «Айыы Коу».

Необычная космическая тематика, впервые затронутая в ее моделях, поражает фантастической красотой. Через свои модели художник раскрывает собственное видение мира. Мысли и образы трансформируются в оболочку одежды, которая становится настоящим произведением искусства. Филиппова создает не моду. Она создает художественные образы и ... историю своего народа. Каждый костюм — это спектакль. Одухотворенные художником картины представляют музейную ценность.

Стиль творчества Августины Филипповой — художественно-образное обожествление сил и явлений родной Якутии. Создавая модели символически и магически зрелищными, художник призывает современного человека восхищаться родной природой и передает через свои произведения первозданную красоту земли Олонхо.

КУЛЬТУРА АБОРИГЕНОВ так же ВЕЧНА, как реки и тайга

В архиве профессора П.Я. Гонтмахера более десятка дневников, которые посвящены культуре нивхов, ороков, нанайцев, айнов. Дневники эти велись в течение многих лет и позднее стали основой монографий и научных статей. А еще у профессора Гонтмахера есть «Альбом удивлений» — самый обыкновенный школьный альбом, где все посвящено ульчам — записи, акварельные рисунки, наброски карандашом. Удивление первое — орнамент, второе — мифы, третье — музыка... Думаю, это большой дар — умение удивляться.

Петр Яковлевич Гонтамхер много лет жил на Сахалине. Встреча с нивхским писателем Владимиром Санги больше тридцати пяти лет назад полностью изменила его мировоззрение и стала началом долгого и очень интересного пути ученого, этнографа, философа, способного чувствовать красоту северных узоров, человеческих характеров и взаимоотношений.

Глубокое погружение в тему, жизнь среди аборигенов, общение с носителями языка и традиций, мастерами и музыкантами — это те главные принципы, на которых строится работа профессора Гонтмахера. Отсюда достоверность и максимальная информационная наполненность его книг, глубокое осмысление культурного и духовного пласта аборигенов Дальнего Востока.

— Петр Яковлевич, сегодня чуть ли не главным тезисом стало утверждение о том, что культура коренных малочисленных народов исчезает. Согласны ли вы с таким утверждением?

— Действительно, много пишут об исчезновении культуры и искусства малочисленных народов. Это не совсем верно. Да, многие виды искусства исчезли. В частности, резьба по камню. Мало сохранилось рецептов традиционной медицины, канули в прошлое тонкости обрядовых праздников, национальных игр, шаманских камланий. Но о том, что исчезает культура народа в целом, — с этим тезисом согласиться нельзя. Остались главные традиции этой культуры, ее неумирающий дух, колоритность, гармония. У аборигенов много ценного и в этнопедагогике. Система запретов (или заповедей) существовала у них не только в обрядах, обычаях, но и в сфере воспитания. Напомню о простых вещах: нельзя было сидеть, когда входит старший, нельзя было перебивать его во время разговора, нельзя было не помочь старику охотиться или рыбачить. Помните, у Ю.М. Лотмана есть такая строчка: «Культура это то, что начинается с табу». Много ценного и в экологии аборигенов. Они считали, что у природы нужно брать лишь то, что жизненно необходимо. За лишнее придется дорого платить. И загрязнять природу нельзя, ведь в ней, на взгляд малых этносов, все живое: земля, деревья, реки, горы. Эти табу были своеобразными нравственными регуляторами для человека Севера. Можно сравнить культуру аборигенов с самой большой дальневосточной рекой — Амуром. Исчезли несколько его притоков. Изменились по внешнему рисунку его очертания. Но Амур вечен. Такой же вечной и вечно изменяющейся будет культура тех аборигенов, которые с древнейших времен живут на его берегах.

Но это не значит, что мы не должны думать о сохранении этой культуры, ее духовности, почвенности, колорите.

— Все наши музейные коллекции по этнографии сформированы на основе произведений старых мастеров. Сегодня им на смену пришли молодые художники, большинство из которых имеет уже профессиональное образование. Таким образом, возник совершенно новый пласт современной аборигенной культуры. Что, на ваш взгляд, она собой представляет, и можно ли в этой связи говорить об эволюции аборигенного искусства?

— Не скажу ничего нового, но культура находится в постоянном движении, в развитии. А культура аборигенных этносов весьма своеобразна. Но есть такой культурный пласт, назовем его ядром культуры, который почти не изменен в веках. Он каноничен. К этому пласту относятся прежде всего шаманское искусство, в целом шаманская культура, спирально-ленточный орнамент, и пока это ядро не разрушено, культура коренных малочисленных народов будет жить.

Что же сохраняется в веках? Прежде всего обряды, обычаи. Безусловно, согласуясь с эпохой, они изменяются, но все-таки корневые, родовые элементы обретают канонический вид. И даже по теориям таких известных исследователей, как Лосев, Некрасова, Иванов, канон не мешает культуре, а в определенном смысле способствует ее развитию. Природа аборигенного искусства такова, что она сохраняет все самое каноническое, родовое, а то, что вплетается в эту культуру, наносное, случайное, снимается самим временем. И поэтому аборигенное искусство будет колоритным и интересным всегда. Оно отвечает духу народа.

— Петр Яковлевич, помню рассказанную вами историю, когда детей из ульчского села попросили нарисовать что-нибудь на свободную тему. Причем в этом не было эксперимента. И получилась интересная вещь: практически все ребята главным героем своего рисунка сделали медведя. У нивхов и ульчей, как мы знаем, это особо почитаемое животное, прародитель. Получается, что в детях аборигенов на уровне генетической памяти живет то самое зерно, которое дает ростки в новых поколениях и не позволяет культуре коренных малочисленных народов Дальнего Востока исчезнуть с лица земли?

— На этот счет я могу привести еще один пример. Лет тридцать назад, в старом Чир-Унвде на Сахалине, я попросил шестилетних нивхских детей из нулевого класса сделать рисунки также на свободную тему. Перед этим мы поговорили с ними об обрядах, обычаях, ритуалах их народов. И когда через полчаса я собрал листы бумаги, то увидел, что во многих рисунках сюжеты настолько колоритны и отвечают духу нивхского этноса, что я даже растерялся. Потому что это было очень похоже на рисунки, которые делали более 50 лет назад дети северян, известные исследователи. Откуда у шестилетних ребятишек это? Думаю, на такой вопрос точнее ответили бы психологи, но я с вами согласен — передача изобразительной информации идет на генном уровне.

Безусловно, все эти интересные штрихи должны осмыслить философы, культурологи, искусствоведы, этнопсихологи.

— В культуре малых этносов еще очень много загадок, неизученных тем, которые еще ждут своих исследователей. Радует, что в последние годы выходят книги, посвященные культуре и духовным традициям коренных малочисленных народов Дальнего Востока. В нашем журнале это одна из приоритетных тем, и в свет уже вышли два специальных номера «Словесницы искусств», посвященных аборигенам Приамурья. А нынешний «Оберег Земли» — попытка объединить этносы всего Дальнего Востока. Хочется надеяться, что это тоже вносит определенный вклад в сохранение уникальной культуры и формирование национального самосознания у представителей коренных народов.

— Да, ваше издание решает очень важные задачи, которые, несомненно, направлены на сохранение культуры дальневосточных этносов. В последнее время выходят интересные монографии московских, питерских, дальневосточных ученых. Во Владивостоке, например, вышла книга С.В. Березницкого, этнографа и историка культуры. Недавно успешно защитили докторские диссертации приморские ученые, мои друзья А.Ф. Старцев и В. В. Подмаскин. Их интересные фундаментальные исследования очень украсили общую этнографическую палитру научных проблем. В течение многих лет читателя радовали монографии и статьи по проблемам культуры и искусства малочисленных этносов таких ученых, как И.Г. Стрюченко, Л.Я. Иващенко, С.И. Вайнштейна, Н.В. Кочешкова, А.В. Смоляка, Ю.А. Сема, Т.П. Роона, Ю.И. Шейкина, Н.А. Соломоновой, С.Ф. Карабановой, В.М. Латышева, М.М. Прокофьева, В.О. Шубина, Н.А. Мамчевой, Д.В. Янчева, Н.П. Рудь, В.В. Лебедевой и др. Немало для сохранения и возрождения культуры приамурцев сделали и сотрудники краеведческих и этнографических музеев Санкт-Петербурга, Магадана, Николаевска-на-Амуре, и особенно Южно-Сахалинска и Хабаровска.

Но мне кажется, что нужно сделать еще больше, с пониманием отнестись к амурским этносам. Не могут они пока еще принять рыночную систему экономики, и потому находятся в очень сложном материальном положении, что накладывает отпечаток и на их творчество. Но в то же время есть интересные, яркие мастера: Лариса Бельды, Николай У, Елена Киле, Иван Росугбу и многие другие. У этносов все начинается с культуры.

Утро искусства нанайцев и ульчей, эвенков и орочей, удэгейцев и негидальцев и сегодня помогает им выжить, сохранить свои традиции, свою таежную эстетику.

Беседовала Елена ГЛЕБОВА

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Рабочий момент семинара. В центре — Марина Старуш, заместитель главного редактора общероссийской газеты «Культура»

Елена ГЛЕБОВА

В 2003 году Автономной некоммерческой организацией «Единство журналистики и культуры» при поддержке Фонда Форда осуществляется проект «Культурная эволюция», который стал логическим продолжением деятельности по поддержке и развитию российской региональной прессы, работающей в сфере культуры.

Результат предыдущих проектов АНО «Единство журналистики и культуры» — Агентство культурной информации (www. aki-ros.ru), созданное на базе общероссийской газеты «Культура» при поддержке Фонда Форда.

АКИ — это еженедельный мониторинг культурных событий в России по тематическим рубрикам, это обзоры культурных событий по направлениям, а также анонсы и аналитические обзоры по видам искусства и темам.

В качестве партнеров АКИ имеет более 250 областных печатных и электронных СМИ, учреждения культуры, информационные агентства, интернет-издания, органы государственной власти из всех регионов Российской Федерации.

АКИ
АГЕНТСТВО КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

КУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Участники проекта «Культурная эволюция». Брянск. 2003

АКИ имеет 10 постоянно работающих корпунктов в таких городах России, как Хабаровск, Кемерово, Челябинск, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород, Брянск, Уфа, Самара, Петрозаводск, Санкт-Петербург. Информация АКИ представлена в газете «Культура», в сети по адресу: www.kultura-portal.ru, а также в тех региональных изданиях, где имеются корпунты.

Проекты АКИ и «Культурная эволюция» сыграли весомую объединяющую роль для российских регионов, которые последние годы оказались в заметном отрыве от центра и «культурных столиц». В самом деле, уже не один год регионы, особенно дальние, погружены в собственное пространство, куда лишь изредка дотягиваются пунктиры крупных фестивалей, гастролей, выставочных проектов. С другой стороны, нет информации о том, что происходит в культурной жизни самих этих регионов. Создание АКИ позволило преодолеть «полосы препятствий» и создать единое культурное пространство, где наряду с Москвой и Санкт-Петербургом представлены Камчатка и Сахалин, Хабаровск и Владивосток, Ростов-на-Дону и Владикавказ, Нижний Новгород и Саратов, Уфа и Казань, Челябинск и Кемерово.

Главной целью проекта 2003 года «Культурная эволюция» стала помощь в становлении профессионального интереса региональной прессы к различным направлениям актуального искусства и в том, чтобы информационный обмен между регионами в этой сфере стал еще более интенсивным. Один из авторов проекта, заместитель главного редактора газеты «Культура» Марина Старуш считает, что сегодня самым профессионально неосвоенным направлением в российской региональной журналистике, посвященной проблемам культуры, можно назвать освещение актуального искусства. В числе причин называются отсутствие традиции, которая не могла быть в советской печати, отсутствие специализации в области современного искусства в структуре высшего журналистского образования, а также отсутствие даже в крупных региональных центрах достаточно широкой культурной среды, подготовленной к адекватному восприятию современного искусства и, следовательно, требующей от прессы профессионального анализа.

Конечно же, в каждом регионе работают журналисты, которые проявляют профессиональный интерес к этой теме, существует аудитория, тяготеющая к данному направлению, но целостной картины все же нет, и авторы проекта «Культурная эволюция» в этом убеждены, считают цель «Культурной эволюции» современной и актуальной.

От авангарда до постмодернизма

Первым этапом проекта «Культурная эволюция» стал всероссийский семинар журналистов в Брянске, который проходил в рамках XVIII Международного фестиваля современного искусства им. Н. Рославца и Н. Габо.

Судьбы людей, давших фестивалю имя, композитора-новатора Николая Рославца и основоположника мирового конструктивизма художника Наума Габо тесно связаны с Брянщиной. Они как символ вечного развития в искусстве, множественности его оттенков, красок, форм.

Фестиваль, доживший, по словам организаторов, до своего «совершеннолетия», — явление на самом деле уникальное. Впрочем, у его истоков стоял не менее уникальный человек — Марк Белодубровский, композитор, скрипач, исследователь творчества Наума Габо и Николая Рославца. Изначально фестиваль был задуман как панорама отечественного и зарубежного музыкального, художественного, театрального и поэтического авангарда, как диалог культур разных стран. И главное отличие его в том, что зародился он в неформальной среде интеллектуалов и миновал чиновничьи кабинеты. Просвещение — не очень модное сегодня слово, но именно в этом изначально заключалась цель фестиваля. Хотя в то время был лишь его прародитель — клуб «Аподион».

Марк Белодубровский заметил: тогда, в самом начале, им хотелось делиться с людьми тем, что знали сами, помогать реализовываться молодым музыкантам. Конечно,

Марк Белодубровский — идейный вдохновитель фестиваля современного искусства имени Н. Рославца и Н. Габо в Брянске

не все воспринимали «Аподион» однозначно, и в 1985 году его даже закрывали «за пропаганду чуждой буржуазной культуры и композиторов религиозной направленности». Впрочем, удивляться нечему. Николай Рославец в культурных кругах официально считался «заблудившимся композитором», и на его музыке лежало соответствующее табу. И опять же совсем неудивительно: именно на фестивале в Брянске, впервые в мире, были исполнены его произведения.

За 18 лет сложился круг друзей фестиваля. В нынешнем году в Брянск новь приехал Марк Пекарский со своим ансамблем ударных инструментов (Москва). Концерт «Музыка барабанной молодости папаши Кейджа» прозвучал на открытии фестиваля. В качестве солиста выступил Сам Марк Белодубровский. Ансамбль солистов «Студия новой музыки» под руководством Владимира Тарнопольского (Москва) впервые исполнил здесь сценическую композицию-перфоманс «Желтый звук» для пантомимы, инструментального ансамбля, сопрано соло и смешанного хора, где соединились авангард 60-х в музыке А. Шнитке, авангард 10—20-х в либретто В. Кандинского, компьютерная графика О. Кумегер, костюмы Е. Басовой.

Фестиваль представил несколько интересных выставочных проектов: «Графика Михаила Шемякина», «Семнадцать мгновений авангарда» (история фестиваля им. Н. Рославца и Н. Габо), «Свой взгляд» (независимые художники Брянска), фотовыставка «ZNAKИ» (автор Сергей Демьяненко). Еще один яркий штрих — спектакли театра «Провинциальные танцы» (Свердловск), обладателя национальной премии «Золотая Маска-2001» в номинациях «Лучшая работа хореографа» и «Лучшая работа художника». Завершил фестивальную программу человек-театр Евгений Гришковец — актер, драматург, режиссер.

Главной темой всероссийского семинара журналистов, собравшего около 20 человек из 15 городов России, стала современная музыка и ее отражение в СМИ.

«Отдаленность измеряется не расстоянием».
Антуан де Сент-Экзюпери.
«Планета людей»

ЧЕЛОВЕК, СМОТРЯЩИЙ В НЕБО

Светлана ФУРСОВА
Фото Елены ГЛЕБОВОЙ

Минувшим летом в Челябинске прошел семинар для журналистов, пишущих о культуре. С легкой руки московского журналиста, писателя, автора монографии о постмодернизме Вячеслава Курицына он получил название «Актуальное и региональное».

«Человек, смотрящий в небо» — археологическая находка, символ Аркаима

Тема в равной степени как конкретная, так и пространная, ибо как определить критерий актуальности? Каким образом то, что волнует и будоражит столичные умы, соотносится сегодня с культурной ситуацией города и региона? Стоит ли так безоговорочно соответствовать модным веяниям и как писать о местной культуре в свете общероссийского информационного пространства? Все эти вопросы обсуждали, собравшись на семинар, журналисты из Ростова-на-Дону, Самары, Саратова, Брянска, Нижнего Новгорода, Кемерова, Челябинска, Хабаровска.

В качестве основных докладчиков, кроме упомянутого Вячеслава Курицына, выступили челябинский поэт, культуртрегер, автор идеи культурного сепаратизма Виталий Кальпиди, завкафедрой журналистики Пермского университета, профессор, доктор филологических наук, президент фонда «Юрятин» Владимир Абашев, писатель и краевед, председатель Челябинского отделения Российского фонда культуры Кирилл Шишов.

Обмен мнениями показал, что хотя города, из которых

АКИ
АГЕНТСТВО КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Органист Владимир Хомяков

Директор центра «Аркаим» профессор Геннадий Зданович

Археологические памятники Аркаима

под цветущие липы Челябинска съехались представители региональных СМИ, различны по удаленности от центра и социальному статусу, понятие «провинция» — отнюдь не географическое. Ведь во все времена именно в регионах зарождались самые смелые и оригинальные идеи и появлялись люди, способные воплотить или, как теперь говорят, раскрутить эти идеи.

Так, на протяжении двух последних десятилетий «раскручивается» идея Аркаима, ставшего на исходе XX столетия центром мировой цивилизации. Этот историко-археологический заповедник, созданный в 1991 году на юге Челябинской области, ровесник египетских пирамид, сочетающий в себе остатки древней цивилизации и современность — словно живое олицетворение прошлого, настоящего и будущего. Некий загадочный знак, притягивающий к себе историков, ученых, поэтов и художников со всего мира, заставляющий осмыслить среди этих курганов и неба свое место на земле. Недаром символом Аркаима считается фигурка человека, сосредоточенно глядящего в небо — случайная находка из Средневековья. Взгляд, устремленный ввысь, — это прорыв в будущее, попытка отвоевать себя у хаоса, жест из прошлого, чтобы сегодняшнее поколение поняло необходимость осознать историческую память человечества на протяжении нескольких веков и, быть может, что-то изменить в настоящем.

Человеком, смотрящим в небо, можно назвать челябинского музыканта, органиста Владимира Хомякова, который создает джазовые композиции на церковном органе, получил Гран-при на международном конкурсе в Ганновере, а до этого не только присутствовал при установке и настройке органа в Зале камерной и органной музыки, но и принимал в этом самое непосредственное участие. Хомяков — единственный органист в России, играющий джаз, но он неотделим от Челябинска, где в зале на Алом поле создал свое культурное пространство. Когда слушаешь его диалог с богом музыки, возносящий тебя под купол зала, понимаешь, что искусство — это путь к бессмертию и в то же время самая хрупкая и «бесполезная» вещь на свете. Но след от него остается в истории и времени, как и след от тех костров, которые до сих пор находят археологи на стыке границ Европы и Азии в так называемой Стране городов.

«Искусство — как обживание пространства», — эта мысль лейтмотивом звучала на семинаре в выступлениях почти всех докладчиков. Обживать или разговаривать с пространством — значит, по мнению участников, созидать явления культуры. Спектакль молодого, но уже известного в России и Европе театрального коллектива «Бабы» (мастерская новой пьесы), созданного Еленой Калужских на базе Челябинской государственной академии искусства и культуры, — тому подтверждение. Спектакль«Солдатские письма», поставленный в технике вербатим (документальный театр), требует от исполнительниц не только владения мастерством и высокой техники, но и немалого жизненного багажа. Труппа «Баб», состоящая из учащихся и выпускниц академии, существует уже несколько лет, с каждым годом пополняет репертуар, бывает за границей, и спектакли при минимуме изобразительных средств привлекают внимание критиков и зрителей. Конечно, мнения о театре самые разноречивые. Однако показателен факт, что даже те, кто не принимает театр, приходят на его спектакли вновь и вновь. Потому что именно такое искусство, рефлексирующее, замкнутое на самом себе, необычайно востребовано сегодня. Потому что после него невозможно воспринимать ту безвкусную, пахнущую нафталином жвачку, которой нас потчевали все предыдущие годы. Потому, наконец, что человек хочет понять и приобщиться к тому пространству, в котором ему надлежит жить сегодня и сейчас. Подобные островки территории — объединения, галереи, студии, малые сцены — есть почти в каждом регионе, они как глоток воздуха, как жизненная необходимость. И потому сетовать на территориальную удаленность от «культурных столиц» нет необходимости. Надо лишь почаще поднимать голову и смотреть в небо на звезды. Это только кажется, что оно безмолвствует.

«ПЕРСПЕКТИВА КОМНАТЫ» –

ТЕРРИТОРИЯ ЖИЗНИ

Светлана ФУРСОВА
Фото Валерия САЙФИЕВА и Елены ГЛЕБОВОЙ

Пятый год подряд в Комсомольске-на-Амуре проходит фестиваль современного искусства «Перспектива комнаты». Его организатор — театр КнАМ, руководит которым Татьяна Фролова. Этот уникальный коллектив, любимый более за рубежом, нежели в родных пенатах, не признаваемый чиновниками, но неизменно притягивающий творческих людей, проповедующих новаторские идеи, из Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Хабаровска, Амурска, существует около двадцати лет и является неформальным культурным центром Дальневосточного региона.

Так, благодаря театру КнАМ и его творческому лидеру Татьяне Фроловой пьеса хабаровчанина Константина Костенко «Диагноз: Happy Birthday» не только увидела свет рампы, но наряду с произведениями Евгения Гришковца, Ксении Драгунской, Василия Сигарева, Владимира Сорокина вошла в сборник пьес современных российских драматургов, изданный во Франции. А комсомольчанка Ольга Карчевская, поэт, журналист, чьи первые шаги в творчестве связаны с КнАМом, сейчас учится в Москве, печатается в журналах и надеется покорить столицу своим видением окружающего мира.

В рамках фестиваля «Перспектива комнаты», объединившись под лозунгом «Неформальное искусство», имеют возможность выставлять свои работы художники. Во всем разнообразии живописной палитры показал свои впечатления от спектаклей театра Владимир Фролов, представила сюжеты, которые она черпает из собственных снов, специалист по арт-брюту хабаровчанка Виктория Касьянова (ее работы экспонировались в Музее сновидений Фрейда в Санкт-Петербурге). Мастер-класс провела художница Людмила Пассар. Ее изделия из бересты, в узоре которых запечатлены символы и образы из древних легенд, напоминают тончайшие кружева. Искусство вырезания орнаментов из бумаги показала еще одна известная художница — Анна Александровна Самар.

Национальный ансамбль «Сиун» под руководством Нины Гейкер, искусству которого рукоплескали в Америке и Франции, и нанайская мастерица Раиса Баранова — также неизменные гости фестиваля. Шаманский бубен стал символом этого праздника, ибо под его завораживающие звуки представители коренных народов Приамурья, одетые в национальные наряды, участвуют во многих акциях фестиваля, которому словно тесно в стенах комнаты, и он выплескивается на улицы и площади города, привлекая внимание горожан экзотическими костюмами и ярким гримом.

Партнером театра КнАМ в проведении фестиваля стала арт-галерея «Метаморфоза». Искусствовед Ольга Привалова взыскательна в отборе художников, чьи работы демонстрируются в галерее. Достаточно упомянуть «Театральные зарисовки» и перформанс «Реставрация» Игоря Грабовского, «хрямзики» и «зюзики» Андрея Тэна, искусство мастера в резьбе по дереву Сергея Беликова и др.

В этот раз зрители познакомились в «Метаморфозе» с художником из Хабаровска Александром Лепетухиным, чей цикл «Путь» на библейские сюжеты показал вечный поиск и работу Души в ее стремлении к Божественному началу.

Несомненным открытием фестиваля стал художник из Сикачи-Аляна Илья Лиханов, для которого окружающий мир — камни, облака, вода, деревья — неотделим от сущности человека. Отсюда неизбывное одиночество художника в современном мире, которое он передает своим холстам и акварелям.

Кстати, темы «Энергетика дальневосточной земли в творчестве художников», «Герой и мир в современной дальневосточной прозе» звучали в выступлениях докладчиков на конференции «Дальний Восток — территория идей». Конференция проходила в течение двух дней в городской библиотеке им. Н. Островского, и в ней приняли участие сотрудники краеведческого музея, преподаватели университета, режиссеры, психологи, журналисты, искусствоведы.

В нынешнем году фестиваль «Перспектива комнаты» из события местного масштаба впервые вышел на международный уровень. Это стало возможно благодаря контактам артистов КнАМа с французским городом Нанси, где два года назад они впервые показали спектакль. Как поделилась Татьяна Фролова, переводчик и менеджер из Нанси Софи Джинт, влюбленная в Дальний Восток, одержима идеей превратить затерянный на краю земли Комсомольск-на-Амуре и французский Нанси в города-побратимы, благодаря чему стал возможен приезд на фестиваль группы артистов и художников из Франции.

Наверно, нам трудно понять, зачем, преодолевая огромные расстояния, минуя Москву и Санкт-Петербург, стремятся французы на дальневосточную землю. Только ли экзотика влечет их сюда? Или все-таки притягивает та мощная энергетика, присущая краю, когда кажется, будто Космос шепчет тебе на ухо, способствует раскрытию внутреннего потенциала?

Спектакль театра «Азартные фрукты» из Нанси, который был показан на фестивале, называется «Театр в апартаменте». По сути, это монолог героя, который разговаривает со своей возлюбленной, находящейся в соседней комнате. Однако одержимая поиском новых форм, смело экспериментируя с пространством, труппа театра «Азартные фрукты» при помощи видео сделала так, что зрители смогли увидеть то, что скрыто — часть соседней комнаты и женщину, сидящую на постели, с которой герой ведет диалог. Когда он выходит в смежную комнату, мы имеем возможность видеть его на экране рядом с женщиной. И тогда происходят удивительные вещи. Ты замечаешь, что стоит ему войти «в кадр», как тут же нарочитым становится жест, фальшивой интонация. Словно экран изобличает то, что пока только едва пробивается в несколько нервных интонациях мужчины. Зрители вместе с героиней еще не понимают, в чем суть его просьбы, но уже ощущают тревогу и нереальность происходящего в этих апартаментах. Может, действительно, он только репетирует этот монолог в своем воображении? Но тогда почему лицо той, которая еще минуту назад казалась счастливой и любимой, вдруг превращается в маску, и женщина, внезапно подурнев, со смазанной косметикой в одночасье становится похожей на предмет купли-продажи?

Спектакль «Театр в апартаменте» нансийцы играют в комнатах, иногда комнаты располагаются на разных этажах, и тогда звук шагов героя, усиленный микрофоном, отчетливо слышен — сначала легкий и беспечный, затем тяжелый, даже зловещий.

Если говорить о поиске нового в творчестве, то парижские художники Софи Недорезофф и Гийом Гухельбаер, чья светящаяся инсталляция вызвала столь неоднозначную реакцию комсомольчан, не уступали коллегам в смелом решении экспозиции, которая открылась в зале краеведческого музея. Если быть точным, то все увиденное на фестивале в городе Комсомольске-на-Амуре нельзя назвать каким-то одним словом. Это образ мысли, эксперимент с пространством, язык бесконечных символов. Какой-то совершенно новый вид искусства, во многом спорный, в чем-то неприемлемый, но после которого все традиционное и привычное кажется пресным и лишенным вкуса и образности.

Надо отдать должное организаторам «Перспективы», что за пять лет они сумели создать свое пространство, в котором хотят и могут жить. Отрадно, что фестиваль с каждым годом привлекает все больше участников. Как сказала Татьяна Фролова, в этом году их было более 200 человек.

А на вопрос, который чаще всего задавали оргкомитету фестиваля, «Зачем вы это делаете?», руководитель театра КнАМ Татьяна Фролова ответила: «Нас тревожит «массовый исход» с Дальнего Востока: за последние пять лет полтора миллиона человек покинули наш регион. Здесь им душно, они устают бороться с вязкостью места, им тяжело ощущать свою ненужность. Если мы не остановим этот процесс сегодня, то с кем мы останемся через пять лет? Мы хотим здесь жить. Мы хотим поднять дух провинции. Мы не хотим уезжать. Нам давно уже пора объединяться, потому что вместе мы можем сделать больше. Вот для этого мы делаем «Перспективу комнаты».

P.S. В 2003 году КнАМ стал лауреатом премии по поддержке российских театральных инициатив, учрежденной Советом по культуре и искусству при Президенте РФ.

Белых пятен в истории Приамурья со временем станет меньше

Валерий Исаевич Павлик — директор Центра археологии, истории и этнографии при Комсомольском-на-Амуре государственном педагогическом университете, преподаватель археологии и этнографии.

Он коренной дальневосточник, родился в поселке Хунгари Хабаровского края (сегодня — Усть-Гур). Жизнь среди нанайцев позволила ему овладеть их родным языком. Позднее к языковому багажу прибавились немецкий и португальский.

Закончил Иркутское военное авиационное училище, затем исторический и юридический факультеты Днепропетровского государственного университета, а позднее факультет психологии в Симферополе и Международную школу менеджеров. Автор книг «Южный вариант происхождения Руси» и «Мы и космос».

После окончания службы в 1995 году вернулся на родину, и с этого момента занимается исследовательской работой. Как говорит сам В.И. Павлик, важно заполнить те «белые пятна», которых все еще немало в истории освоения и развития Приамурья и Дальнего Востока.

Валерий Исаевич был директором средней школы в Амурске. Там передал свое увлечение краеведческой работой своим подопечным. Однако работу пришлось оставить, так как возникла проблема выбора: заниматься административной деятельностью или исследованиями. Он выбрал второе, организовав при детском центре творчества «Темп» научно-творческое юношеское объединение. Это и стало началом исследований территории Приамурья, которые принесли интереснейшие находки и открытия.

В.И. Павлик — автор пока еще не опубликованной книги «Долгий путь на Амур. Е.П. Хабаров и его войско», работа над которой заняла шесть лет. Ученый считает, что в биографии великого

землепроходца и истории его пути на Амур слишком много разночтений. Им изучены практически все исследования ученых, писавших о Хабарове, сделаны собственные выводы. В результате перед читателем встает реальный человек, сделавший неоценимо много для развития дальневосточных земель, чье имя носит столица Дальневосточного федерального округа. Мы видим Хабарова с его сильными и слабыми сторонами. В.И. Павлик пишет: «Разные люди, разное восприятие окружающего мира, разные исторические и нравственные оценки. Поэтому и сегодня с высоты прошедших трех с половиной столетий не вправе мы судить о действиях человека той, прошедшей, исторической эпохи, имеющей свои нравственные ценности, по меркам сегодняшнего дня. Не растерять и не размельчить бы свои, приумножить достояния и наработанные духовные ценности наших предков — это наиболее благородное дело и задача потомков, нежели искать «развенчивающие улики» в портрете человека, именем которого потомками назван край, в котором мы живем».

Рецензию на книгу «Долгий путь на Амур. Е.П. Хабаров и его войско» написал профессор, доктор исторических наук Лев Николаевич Долгов. Он высоко оценил этот труд и рекомендовал его к печати.

В союзе со своей ученицей О.Р. Гайнутдиновой В.И. Павлик подготовил работу «К вопросу об Ачанском городке». Тема Ачанского городка связана с событиями в отряде Хабарова во время его нахождения в городке Талги. Отряду грозила явная гибель, и потому было принято решение покинуть эти места и пойти в «гиляцкую землю». Именно здесь, в одном из больших поселений, поставили свой городок хабаровцы на левом берегу Амура. Этот уникальный объект истории и археологии, который ученые считают самым первым русским поселением в Приамурье, исследователи пытаются отыскать в течение 150 лет. Как утверждает В.И. Павлик, он вместе со своими студентами и единомышленниками, изучив все имеющиеся версии, предприняв несколько экспедиций, нашел Ачанский городок и исследовал его.

Летом 2003 года под руководством В.И. Павлика осуществлена экспедиция по маршруту Е.П. Хабарова: от станции Ерофей Павлович до Николаевска-на-Амуре, где собран широкий археологический и этнографический материал. Ученый убежден, что теперь, когда будут завершены последние исследования и получены многие ответы на вопросы, книга «К вопросу об Ачанском городке» примет окончательную форму.

Елена ГЛЕБОВА

Особенности подготовки экспедиции Е. П. Хабарова на Амур

Валерий ПАВЛИК, кандидат исторических наук

1646 год для Ерофейки Павлова сына Хабарова — устюжанина, как тогда он числился в официальных документах Якутского прихода, «слободчика» и промышленного человека был наполнен двумя важными событиями.

Первое: давно тянувшаяся тяжба между «хозяйственником» Хабаровым и якутским воеводой П.П. Головиным, относительно самоуправства последнего, перевешивала явно не в пользу воеводы. И второе: события тяжбы совпали с возвращением Пояркова с Амура. Слухи о богатстве нового края, «открытого Поярковым», дошли и до Е.П. Хабарова. До этого он уже знал об экспедициях Москвитина, Перфильева, с которыми был лично знаком, Бахтеярова, которые стремились на Чирколу, но по тем или иным причинам на великую восточную реку не попали. Теперь Хабаров и от поярковцев получил информацию о путях, которыми они добирались на Амур, о трудностях и неудачах этой экспедиции в пути, сопоставлял новые данные с уже имеющимися о прежних походах.

Незаурядный предприимчивый ум, душа землепроходца тянули Е.П. Хабарова в новые дали. Но сам попытать удачи на Амуре до поры до времени он не решался, на что были свои причины.

Главная из них заключалась в том, что Хабарову трижды пришлось поправлять разоренное якутским воеводой П.П. Головиным свое хозяйство, и наличных денег у него, чтобы поднять вопрос о подготовке к экспедиции на Амур, не было. А для снаряжения большой экспедиции в отдаленные и малоизвестные места на несколько

лет нужен был либо денежный кредит, либо возможность обеспечения работы отряда за счет казны. Реальных шансов ни на то, ни на другое у Е.П. Хабарова не было, так как у него не сложились взаимоотношения с якутской администрацией, которая всячески стремилась притеснить этого умного и принципиального человека. Поэтому в данной ситуации всякую мысль об экспедиции в «даурские места» Е.П. Хабарову приходилось откладывать до более подходящего момента. И такой момент настал.

По указанию Сибирского приказа на смену воеводам Пушкину и Супоневу в 1648 году в Якутск на воеводство был направлен ливонский немец по происхождению, не имевший «влиятельной руки» в столичных кругах, Дмитрий Андреевич Францбеков (Фаренсбах).

Перед отправкой в Сибирь вновь назначенный воевода получил наказ по продолжению обследования и присоединения к России новых земель, но при этом был предупрежден, что особых ассигнований из Москвы на организацию новой экспедиции на Амур после Пояркова не будет из-за остроты финансового положения в стране.

Весной 1649 года на пути следования Д.А. Францбекова в Якутск в Илимском остроге у него произошла встреча в приказной избе с Ерофеем Павловичем Хабаровым. Землепроходец пытался заинтересовать нового воеводу отправкой экспедиции на Амур. В аргументах Хабарова чувствовался не просто личный интерес промысловика, но и государственный подход к освоению новых земель на Дальнем Востоке. Иначе идея Хабарова не пришлась бы воеводе по душе. Францбеков видел, что этот отважный человек с его предприимчивым умом сможет организовать большое дело, в котором выгодно могут совместиться лично его, Францбекова, и государственные интересны.

Однако организация экспедиции за счет казны было делом практически нереальным. И вот почему.

Во-первых, бюджет Якутского уезда был настолько скуден, что каждый год заканчивался с огромным дефицитом. Покрывать его Москва также не могла. Долг казны служилым людям исчислялся тысячами рублей и четвертей хлеба. Во-вторых, численность служилых людей в связи с экономией была также минимальной. К приезду Д.А. Францбекова к месту службы численность Якутского гарнизона не превышала 360 служилых казаков. *(Леонтьев Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., Просвещение, 1991, с. 44)*. И выделить из этого числа какую-нибудь часть для новой экспедиции, значило сократить их число на других объектах по всему Восточно-Сибирскому уезду. Этого делать было нельзя, так как даже для охраны Якутска оставалось не более 10 человек. *(Леонтьев Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., Просвещение, 1991, с. 44)*. В-третьих, итоги экспедиций Бахтеярова и Пояркова, снаряженных за счет казны, на которые были затрачены огромные средства, по оценке Сибирского приказа, оказались безрезультатными, ничтожными, и рисковать на организацию подобной экспедиции новый воевода, который приехал в Сибирь «поправить свои финансовые дела», не решался.

Но дело повернулось совсем иначе. Получив принципиальное одобрение нового воеводы на задумки Е.П. Хабарова, 6 марта 1649 года «неугомонный землепроходец» в Илимской приказной избе подал челобитную воеводе с просьбой разрешить ему отправиться с экспедицией на Амур «без государева жалованья», то есть за свой счет. Д.А. Францбеков ухватился за это предложение и стал по просьбе Хабарова давать ему «взаем» большие суммы денег. Долг землепроходца воеводе в 1650 году составил 2000 рублей. Сюда входили и собственно денежные «заемы», и стоимость материальных средств, взятых в государственной казне (этот случай в практике Сибири был единственным и уникальным), в «долг» под кабальную запись с условием обязательного возмещения по окончании похода.

Уже к 1651 году согласно документам, найденным при обыске в доме Д.А. Францбекова, Е.П. Хабаров должен был воеводе более семи тысяч рублей под 50 процентов от выданной суммы. *(Там же, с. 45)*.

Поэтому первой особенностью экспедиции Ерофея Павловича Хабарова на Амур является то, что она с самого начала носила частный характер, ее снабжение осуществлял сам Хабаров на свои деньги.

Комплектование и снаряжение экспедиции на Амур проходило в Илимске. Желающих попасть в отряд было много, поэтому в его состав отбирались люди молодые, здоровые, знающие не только промысел, но и судовое, плотницкое и кузнечное дело на условиях покрученников, то есть наемных людей. Покрученником считался человек, поднявшийся на промысел за счет средств нанявшего его хозяина. Такое явление в Сибири в ходе ее освоения было привычным делом. Наем по покруту был обычно до трех лет, скреплялся договором или покрутной записью и с условием договаривающихся сторон, иногда до одной трети прибыли (дохода).

Условия найма покрученников у Е.П. Хабарова были довольно суровыми. Они предусматривали получение одной трети дохода (соболей), а две трети покрученник должен отдавать хозяину, то есть Хабарову. Наемный человек обязался ходить и «всякую работу выполнять», «как хозяин велит», то есть делать все, что скажет ему хозяин: изготавливать и чинить дощанники (ладьи), при необходимости находиться на веслах и ходить бичевой, работать в качестве носильщика и т.д. Покрученник получал одежду для повседневной носки и спецодежду для промысла, «спальное белье», шубу и один на двоих спальный меховой мешок, который должен быть возвращен Хабарову по окончании найма, а также орудия охоты и ловли рыбы, инвентарь (топоры, ножи, котлы и т.д.). Кроме того, покрученник обеспечивался продовольствием.

Таким образом, по условиям найма подъем каждого покрученного обходился Хабарову до 40 рублей без учета стоимости судов, оружия и боеприпасов, которые землепроходец выкупал из казны. Были и такие из числа «охочих» и «промышленных» людей, кто «подъем» в экспедицию с Хабаровым осуществлял за свой счет. Их называли своеужинниками.

Е.П. Хабаров был заинтересован в увеличении состава экспедиции, а следовательно, и в своеужинниках, и охотно принимал их в состав отряда. В «наказе» воеводы Д.А. Францбекова Хабарову разрешалось брать людей столько, «сколько может прибрать, которые хотят без государева жалованья идти...» *(Алексеев А. Одиссея Ерофея Хабарова. // Амур — река подвигов. Хабаровск, 1970, с. 206)*. Среди своеужинников были в отряде и такие, которые набирали себе покрученников. Так, например, промышленный человек Дружина Попов, заняв деньги все у того же Д.А. Францбекова, нанял девять покрученников и обеспечил их на условиях Хабарова всем необходимым для похода. Получалось в итоге так, что отряд состоял из людей, опутанных кабальными записями, ростовщическими ссудами, долговыми обязательствами. Но из всех участников похода наибольшие долги были у организатора экспедиции — Ерофея Павловича Хабарова. Это стало второй особенностью подготовки экспедиции на Амур и в то же время явилось одной из причин раскола в отряде. К середине XVII века подобный характер и опыт подготовки экспедиции служилых людей вместе с промышленными и охочими людьми в Сибири был даже рекомендован Сибирским приказом из-за недостатка средств в казне.

Для придания статуса и официального характера экспедиции Е.П. Хабаров настоял на вручении ему «наказной памяти», что превратило промысловую ватагу в отряд, выполняющий задание якутской администрации, а вместе с тем и сам Е.П. Хабаров приобрел уже совершенно иной общественный статус: из главы промышленников и хозяина покрученников он становился приказным человеком, представителем власти, наделенным широкими полномочиями и в отношении своих товарищей, и на вновь присоединенной террито-

рии. *(Леонтьев Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., Просвещение, 1991, с. 49)*. Это была третья особенность при подготовке экспедиции Хабарова на Амур.

Таким образом, не казаки были под руководством Е.П. Хабарова в первоначальный период (этап), а промышленные и «охочие» люди. Не казна обеспечивала эту экспедицию, а готовилась она из личных средств землепроходца. Наказная память определяла и главную цель экспедиции: «проведывание новых землиц неясачных людей и приведение их под высокую государеву руку».

Перед экспедицией стояли следующие задачи.

1. Выйти на Чирколу (Шилкару) по вновь открытому Олекминскому пути, определить его преимущество перед Алданским.

2. Привести «под государеву руку» народы, населяющие Приамурье, и обязать их постоянно «давать ясак» государю.

3. Послать посольства «по князю Богдою», чтобы тот «под руку царя пришел» и был «в холопстве» у него. В случае отказа — смирить его «ратным боем». *(Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. Хабаровск, 1987, с. 93)*. Нужно отметить, что ни Д.А. Францбеков, ни Е.П. Хабаров не представляли себе, что это будет такое сношение с государством, которое по силе и могуществу не уступает России, и его политический статус достаточно велик, полагая, что «хан Богдой» является одним из даурских или зауральских владений «князца», подобно Лавкаю. *(Там же, с. 95)*.

4. Собрать ясак с приведенных под «великую царственную руку» народов не только мехами, изделиями из них, но и драгоценными металлами и камнями. В качестве мер гарантии поступления ясака брать в аманаты (заложники) наиболее знатных людей. Однако ясак не должен быть обременительным, чтобы не разорять «приведенные под цареву руку народы».

5. С целью закрепления на новой «приисканной» территории в стратегически важных местах строить укрепленные остроги, используя их в дальнейшем как сторожевые посты, опорные пункты для сбора ясака и дальнейшего продвижения на «новые землицы», а также как укрытия в случае нападения со стороны военизированных отрядов местного населения *(Леонтьева Т.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., Просвещение, 1991, с. 49)*.

6. Собирать географические сведения и данные о местных народах, их жизни, быте, хозяйственной деятельности, культуре, обычаях, экономических связях и другую различную информацию.

Е.П. Хабарову указывались и формы приведения народов Поамурья под «великую царственную руку», то есть присоединения Поамурья к России. Сначала руководитель экспедиции должен был «говорить с ними ласково и смирно», «без всякой драки», а в случае отказа признать подданство России (царю) — путем силового давления, «ратным боем». И «смотря по тамошней мере, всякими мерами промышлять над иноземцами». *(Там же, с. 50)*. То есть Е.П. Хабарову в «наказной памяти» предоставлялось поистине полное право действовать по обстановке с широким диапазоном форм, от мирного до военного, с получением клятвенных обещаний от местного населения на «вечное» подданство русскому царю с обязательной уплатой ясака.

Отряд Хабарова должен был гарантировать защиту местным народам от внешних нашествий, в частности, от маньчжуров. Однако предписывалось не вмешиваться, не ломать сложившихся у местных народов обычаев, образа жизни, традиций, культуры, не насаждать силой свои «новые порядки», чтобы не противопоставить их своему отряду и другим русским землепроходцам.

Это было четвертой особенностью похода Ерофея Павловича Хабарова на Амур.

Фрагмент рукописи книги «Долгий путь на Амур. Е. П. Хабаров и его «войско».

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Березницкий С.В. Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов амуро-сахалинского региона. Владивосток, Дальнаука, 2003 г. — 486 с.

Монография посвящена изучению мировоззрения, многочисленных по структуре, содержанию и форме обрядов, обычаев, верований и ритуалов, культов и праздников народов, исконно проживающих в бассейне реки Амур и на острове Сахалин.

Автор монографии — старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока РАН Сергей Васильевич Березницкий сумел широко и всеаспектно показать культуру изучаемых этносов прежде всего как историко-этнографический источник. В то же время ему удалось вывести многие аспекты исследуемой проблемы на философско-культурологический уровень.

В книге дан комплексный анализ исследования духовности и менталитета нанайцев, негидальцев, нивхов, орочей, удэгейцев, ороков (уйльта), ульчей, эвенков с целью выявления у них различных этнических и культурных компонентов духовной культуры.

Монография С. В. Березницкого написана на основе огромного корпуса экспедиционно-полевого материала, собранного им в течение более 15 лет в самых различных и отдаленных местах обитания аборигенов амуро-сахалинского региона. В предисловии к книге доктор исторических наук Н. Н. Крадин, автор настоящей рецензии, пишет: «Хотелось бы обратить внимание читателя на то, что в экспедициях С. В. Березницкому посчастливилось не только внимательно наблюдать и фиксировать различные аспекты духовной культуры изучаемых этносов, например, на медвежьем празднике, но и участвовать (не в качестве гостя, а на правах своего) в охотничьих ритуалах, в ритуалах угощения и благодарения духов — хранителей жилищ, шаманских ритуалах. Это право нужно заслужить... Мы уверены, что этой монографией не заканчивается исследовательская деятельность С. В. Березницкого. Он не свернет с тропы науки, которая стала тропой его жизни».

В краткой рецензии нет возможности остановиться на многих важных аспектах духовности малочисленных этносов Нижнего Амура и острова Сахалин, которые исследуются автором книги почти на пятистах страницах. Монография включает десятки черно-белых графических иллюстраций (было бы прекрасно, если бы зарисовки были цветными, это один из минусов книги), которые органично дополняют научные историко-этнографические и художественные образы, созданные С. В. Березницким в его фундаментальной работе. Пожелание же у рецензента одно: продолжить работу над избранной проблемой исследования и дальше радовать читателя новыми книгами, новыми идеями, новыми открытиями. И последнее: поздравляем Сергея Васильевича Березницкого с выходом в свет глубоко научной книги, аналога которой пока нет ни у нас, в России, ни за рубежом.

КНИГА УДИВЛЕНИЙ И ОТКРЫТИЙ

Бродянский Д.Л. Искусство древнего Приморья (каменный век— палеометалл). — Владивосток. Изд-во Дальневосточного университета, 2002. 320с. 116 илл., 6 карт.

Издательство Дальневосточного университета выпустило в свет замечательную книгу доктора исторических наук профессора Давида Лазаревича Бродянского «Искусство древнего Приморья». Книга эта, как отмечается в аннотации, посвящена ископаемому искусству из археологических памятников Приморья — от палеолита до палеометалла. Мобильные петроглифы, скульптура, рельефы на керамике — около четырехсот находок, возраст которых от 15000 до 2000 лет, — описаны и систематизированы в книге.

Заслугой автора, на взгляд рецензента, прежде всего является его умение органично соединить глубокую научность с простотой, ясностью, я бы сказал, изяществом изложения материала. Золотое перо автора книги способно на многое: увести читателя в далекие миры древних мифов, поведать ему о далеком прошлом Приморья, его замечательном искусстве, удивительных мастерах прошлого, их мечтах, устремлениях, таланте.

Каждый новый раздел книги Д. Л. Бродянского начинается своеобразным эпиграфом — стихами всеми любимого Окуджавы. Эти стихи так органично вплелись в ткань текста монографии, что они, безусловно, помогают автору книги показать философию развития духовной культуры человека колыбельной цивилизации в Приморье, ее особый стиль и своеобразие.

В главе «Образы и мифы» интересно все. Но особенно хотелось бы отметить такие этюды, как «Черепаха и солярные персонажи», «Обитатели моря и дама в капюшоне», «Олень и кабан», «Олень — птица и гребешок— корабль», «Культ черепа», «Птицы в ископаемом искусстве Дальнего Востока», «Змея и фаллос», «Дракон, Единорог и другие фантастические животные», «Геометрическая символика. Космограммы, чуринги, знаки» и др. Только одно перечисление этих сюжетов, оригинальность их названий захватывает своей необычностью, яркостью и новизной постановки проблем.

Рецензент не ставил своей задачей дать сколько-нибудь подробный анализ монографии Бродянского. Его задача была более простой: заинтересовать читателя новой увлекательной книгой об искусстве Приморья. Откройте ее первую страницу, уважаемый читатель, и я уверен, что Вы прочтете ее всю до конца, не переводя дыхания.

Закончить мою небольшую рецензию мне хочется строками стихотворения Б.Л.Пастернака, которые приводит Бродянский в конце книги:

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.
До сущности протекших дней.
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.

Эти лиричные и глубоко философские строки очень близки автору книги, в них многое от его характера и жизненной сути. В своей монографии он хотел все довести, по Пастернаку, «до оснований, до корней, до сердцевины». И ему это удалось!

КНИГА О ЗАГАДОЧНОМ НАРОДЕ

Ю.А. Сем, Л.И. Сем. «Тазы»: этническая история, хозяйство и материальная культура (XIX — XX вв.).

В серии «Этнографические исследования» вышла в свет монография известных дальневосточных ученых Ю.А. Сема и Л.И. Сем. Эта книга интересна по замыслу, структуре, композиции, по многолетнему экспедиционно-полевому материалу, собранному авторами в 50 — 70 годы XX века. Судьба этой книги представляет немеьший интерес. Рукопись ее пролежала в архиве почти тридцать лет. И как прекрасно, что ученые Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока РАН сделали все возможное, чтобы рукопись увидела свет. Особенно много усилий потратил на это ответственный редактор монографии В.А. Тураев. Оформил издание профессиональный художник и этнограф А.Ф. Старцев.

Авторы пишут, что большинство исследователей XIX — первой четверти XX веков тазов в особую народность не выделяли, а относили их либо к орочам, либо к удэгейцам. Авторы же многотомной серии «Народы мира» также утверждали, что тазы — это часть удэгейцев, живущих на юге Приморья, в «прошлом довольно сильно китаизированные». Отдельные ученые считали тазами окитаившихся нанайцев и т.п.

По сообщению Л.И. Сем и Ю.А.Сем, в середине 70-х основная масса тазов жила в Михайловке (84%). По их данным в этот период тазы жили в селах Киевка, Инлаза Лазовского района, Сандатоу и Веселый Яр Ольгинского района (13%), а также в некоторых других селах и городах Дальнего Востока (3%).

О тазах можно найти отдельные сюжеты или просто упоминания в трудах путешественников, историков, этнографов, географов М.Степанова, Л.И. Шренка, Н.М. Пржевальского, И.А. Лопатина, Л.Я. Штенберга, А.Максимова, П.И. Кафарова, Б.И. Алябьева, В.П. Маргаритова, Н.А.Пальческого, С.Н. Брасиловского, В.К. Арсеньева, В.Г. Ларькина, В.Г. Щебенькова, Ч.М Таксами, С.А. Арутюнова, А.В. Смоляк и многих других.

В рецензируемой же работе впервые в мировой науке дан профессиональный системный анализ этнической истории тазов, их своеобразного хозяйства, материальной и духовной культуры, пищи, утвари, одежды и украшений.

Авторы исследуют проблему происхождения тазов, их теория этногенеза тазов имеет много выверенных линий, хотя до настоящего времени остается без окончательного ответа вопрос: кто вы, тазы?

В настоящее время многие исследователи изучают тазов, их этническую историю, культуру, менталитет. Среди них назовем дальневосточных ученых докторов исторических наук С.В. Березницкого, Г.Филимонова, профессора В.А. Тураева. Раскрыв тайну происхождения тазов, ученые приблизятся к раскодированию многих других сложных проблем духовного мира малочисленных этносов Дальнего Востока.

Заканчивая рецензию, приглашаем дальневосточников к чтению книги Ю.А. Сема и Л.И. Сем о тазах, первой фундаментальной монографии о загадочном народе, которая многое объясняет в судьбе тазов, но и пока еще, что закономерно, оставляет ряд нерешенных проблем. Их предстоит решить ученым в XXI веке.

Подготовил Петр Гонтмахер, профессор, доктор исторических наук

СТРАНА УЛЬЧИЯ

П. Я. Гонтмахер. Ульчи. Человек. Время. Культура. — Хабаровский государственный педагогический университет. Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова. 2003.

Весной 2003 года вышла в свет книга профессора П.Я. Гонтмахера, замыкающая его трехтомник «Нанайцы», «Нивхи», «Ульчи». Последняя книга трилогии «Ульчи. Человек. Время. Культура» (редактор В.Ф. Никитин) завершает описание и анализ духовной культуры основных малочисленных коренных этносов Нижнего Амура. Экспедиционно-полевые работы выполнены за счет средств гранта РГНФ.

У автора монографии есть определенный опыт работы с книгой. Первую монографию «Золотые нити на рыбьей коже» ему помогали «привести в порядок» такие выдающиеся ученые, как С.В. Иванов и И.С. Гурвич. Они были рецензентами этого исследования, дав П.Я. Гонтмахеру мудрые уроки отбора фактов и их эмпирического и

философского обобщения.

Обращает на себя внимание то, что помимо регионального принципа все книги трилогии связаны единой авторской концепцией. Суть ее в том, что П.Я. Гонтмахер стремится показать культуру этноса изнутри, глазами ее носителей. Отсюда не только важное научное, но и публицистическое значение его работ. Если говорить о научном значении, то оно прежде всего — в попытке найти выход из методологического кризиса, который возникает всякий раз, когда исследователь описывает изучаемую культуру в терминах своей собственной. Если исследование этого рода затрагивает проблемы ментальности этноса, неизбежно возникают вопросы: а не подменяем ли мы изучаемую культуру своими представлениями о ней? Не влияет ли наш понятийный аппарат на получаемые результаты? Как отделить изучаемый объект от инструментов наблюдения? Выход может заключаться в том, чтобы на первом этапе исследования максимально полно реконструировать понятийный аппарат и мировоззрение ее носителей. Именно этот выход предлагает нам автор книги.

Публицистическое значение работы заключается в попытке показать широким кругам читателей-неспециалистов внутреннее своеобразие этнической культуры, ее этническое и эстетическое содержание. Вводя своего читателя в круг реалий иной, отличной от его собственной культуры, автор развивает у него способность к пониманию других людей, не обязательно именно тех, о которых идет речь в книге. Сквозь все главы красной нитью проходит мысль о том, что всякое этническое своеобразие обладает внутренней целостностью, что другого человека можно понять, лишь узнав, как он воспринимает окружающий мир, и научившись вести с ним диалог, не навязывая ему своих оценок и ценностей. То, что сегодня модно называть «диалогом культур», может происходить только через конкретных людей — представителей этих культур, и поэтому их необходимо учить. И этому учит книга профессора Гонтмахера.

Эти положения являются общими для трилогии П.Я. Гонтмахера. Однако в книге «Ульчи» они прозвучали предельно отчетливо благодаря ее особой внутренней структуре.

Понимание этнической культуры требует прежде всего бережного отношения к языку, поскольку именно в нем закодированы традиционные ценности этноса, его культурные архитипы. Уделяя большое внимание слову, П.Я. Гонтмахер включил в свою работу ряд словников по основным направлениям нематериальной культуры ульчей. При этом в основе словников лежит не только справочная литература, но и многолетний экспедиционно-полевой материал, собранный автором в самых отдаленных местах проживания ульчей, что придает им определенную уникальность. Любопытны и параллельные словники на нивхском и нанайском языках, которые помогают выявить общее в традиционной культуре коренных амурских этносов. В книге встречаются упоминания об айнах, удэгейцах и других народностях. Для завершающей трилогию книги эти параллели, безусловно, необходимы.

Особенно хочется подчеркнуть честность автора книги «Ульчи» профессора Гонтмахера. Не только на сюжет, а даже на одно слово, взятое из какого-либо источника, он делает сноску. Более того, автор сообщает читателю, что в оформлении книги и ряда ее страниц использован фрагмент, выполненный в середине XIX века в стойбище Кадаки, и что находился он долгое время в архиве Дятала Кулики. Так и положено! Это уважение к предшественникам, занимавшимся исследованием ульчской культуры, и старым мастерам.

Монография включает в себя такие важные проблемы, как «Понятие о прекрасном у ульчей», «Этническая толерантность», «Философия танца», «Музыка орнамента», «Альбом удивлений», «Песни в оморочке», «Этническая кухня», «Медвежий праздник», «Народная медицина» и др. Заканчивается книга разделом «Интервью с самим собой», в котором дается новый взгляд на культуру ульчей и других малочисленных этносов Нижнего Амура.

Композиционно книга «Ульчи» состоит из трех разделов. Первый включает в себя этнопсихологический портрет ульчского этноса. Здесь автор обобщает сведения об этнической картине мира, этнических и эстетических парадигмах ульчей. Но вторая часть книги принимает неожиданный для традиционного научного исследования оборот. П. Я Гонтмахер проводит нас через галерею образов совершенно конкретных людей: рыболовов, мастеров, живописцев, писателей. Мы можем видеть, каким образом характер и поступки каждого из них отражают общую этническую ментальность. И в то же время эти образы сохраняют индивидуальные черты живых людей. В итоге общие схемы, данные в первой главе, наполняются конкретикой: происходит взаимопроникновение типологического и индивидуального, и собирательное понятие «ульчи», сохраняя свою внутреннюю целостность, предстает в многообразии имен и судеб. При помощи подобного приема автор решает важную задачу. Он напоминает ученому о существовании реальных, живых людей за пределами схем и таблиц. И в то же время он показывает обычному читателю, каким образом эти таблицы и схемы отражают в себе человеческие надежды и устремления. Именно это сочетание научных и научно-популярных задач делает книгу особенно актуальной.

Третья часть подводит итог авторским размышлениям о судьбах ульчского этноса. Здесь особенно ясно звучит авторская позиция в отношении будущего ульчей и их культуры. Суть ее в том, что вопреки многим пессимистическим заявлениям культура этноса не исчезает. Исчезают ее конкретные временные варианты. Но пока есть этнос, он будет постоянно воссоздавать свою культуру на новой основе.

С.В. БЕРЕЗНИЦКИЙ, *профессор, старший научный сотрудник сектора этнографии Восточной Азии Института истории, археологии, этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН:*

«Все в работе «Ульчи» оригинально — начало, основная и заключительная части. Заканчивается книга необычным разделом: интервью автора с самим собой. Уже сам характер ответов показывает чрезвычайную глубину мысли автора, широчайший кругозор и эрудицию. Очень важно, что с первых же строк видна любовь, глубокое уважение ученого к людям, о которых он пишет. Монография состоит из десятков этюдов, каждый из которых посвящен либо какой-то проблеме, либо конкретному человеку — ульчскому рыбаку, охотнику, резчику, мастерице, поэту, художнику. Несмотря на то что некоторые этюды небольшие по объему, читатель благодаря мастерству анализа ясно представляет себе яркую характеристику человека, его дела и мысли».

Н.И. СОЛОМЕНОВА, *доктор искусствоведения, профессор, член-корреспондент Международной академии наук Высшей школы:*

«В книге «Ульчи» значительный корпус фактов о фольклоре, шаманских песнопениях, медвежьем празднике, национальных играх. Монография удачно соединяет научные сведения и простоту изложения сложнейших этнических проблем».

В.М. ПЕСКОВ, *доктор исторических наук, профессор:*

«Работы П.Я. Гонтмахера знают не только в России, но и за рубежом. Его новая книга «Ульчи» — это своеобразная энциклопедия ульчского этноса, в которой нашли отражение многие грани, аспекты его духовной и художественной культуры».

И.М. РЕВИЧ, *доктор философских наук, профессор:*

«Книга «Ульчи» рассказывает не просто об одном из народов, живущем в нашей дальней России, но и богатстве культурного творчества человека вообще, т.е. о всечеловечности. Книга содержит в себе много задушевных идей, доминантой же в ней выступает поэтический образ уникального человеческого бытия, в котором природные, социальные, нравственные и эстетические моменты сплавлены воедино. Книга учит добру культур, что и должно стать сверхзадачей гуманитарного синтеза, столь необходимого нашему времени».

В.Д. ЛИНДЕНБРАТЕН, *доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук Высшей школы:*

«Я с большим удовольствием прочитал книгу профессора П.Я. Гонтмахера. Рисуя портреты разных представителей ульчского этноса, автор знакомит читателей с менталитетом ульчей и делает это в художественной форме, тактично, изящно. Монография «Ульчи» имеет большой заряд интеллектуальности, высокой духовности. Это особенно важно для нашего времени. Каждая новая глава книги открывается особой страницей — страницей афоризмов. Через них передается основная мелодия содержания конкретной части монографии».

Подготовил Алексей Филимонов, кандидат исторических наук, доцент.

ПОД ЗНАКОМ ОРЛА

Гудан Е.П. Месяц Орла наступил. Хабаровское книжное издательство. 2002

Сборник нивхских сказок, стихов и рассказов Евгения Гудана посвящен 70-летию Ульчского района.

Творчество Евгения Павловича Гудана тесно связано с нивхским фольклором, ибо он сам — представитель одного из малочисленных народов Дальнего Востока. Его отец, Павел Афанасьевич, директор Кальминской школы, писал стихи, правда, нигде их не публиковал. Дед, Афанасий Ильич, был замечательным сказителем. Легенды и сказки, которые он рассказывал, помещены в предисловии к «Грамматике нивхского языка».

«Месяц Орла наступил» — первая книга Евгения Гудана. Откуда такое название? У нивхов существует поверие, что каждый месяц года имеет свое обозначение. Орел приходится на период осеннего хода кеты. И то, что книга вышла осенью, не случайно. В своем творчестве автор поставил задачу показать, что в природе ничего случайного нет, что вода, лес, звери и птицы такие же герои народных сказок, как и люди, что было время, когда человек ощущал себя и окружающий его мир как единое целое, умел слушать и понимать язык природы. Обо всем этом ему, нивхскому мальчику, рассказывала бабушка.

Памяти бабушки, Кебиной Кау Хайгановны, посвятил автор повесть «Открытое сердце», в которой все происходящее передано через восприятие ребенка. Впечатления детства отчетливо врезались в память писателя. Но даже в передаче глубоко личных чувств и переживаний автор целомудренно сдержан и чист. «Человеческая жизнь подобна звезде, — размышляет в финале повести героиня, — и судьбы их, наверное, похожи, и каждая имеет свой смысл, ведь все в жизни имеет смысл. Иначе зачем и жить?»

Ощущая себя причастным ко всему сущему на земле, Гудан с детства наблюдал за природой, повадками зверей и птиц. Это нашло отражение в сказках. Они объединены в цикл «Пал Ыз — хозяин тайги». Сказки Гудана занимательны, компактны, образны, легко читаются. Характерно, что сказочные персонажи автор наделяет вполне узнаваемыми чертами, присущими людям. А порок всегда наказан, и торжествуют добро и справедливость.

Любовь к своему краю Евгений Гудан выражает не только в прозе, но и в поэтических образах. Стихи так же светлы и легки, как волны реки, по которым плывет оморочка:

Весенние капели
Мне песни пели.
О чем-то сокровенном
Мне пели откровенно.

Весенние печали
Уплыли в дали.
И радуга-качели
Сверкала каруселью, —

пишет он в одном из стихотворений.

К сожалению, детские и юношеские годы писателя пришлись на то время, когда малочисленные народы Приамурья вынуждены были говорить и писать на русском. Поэтому Евгений Павлович владеет только разговорным нивхским. Его мечта — перевести свою книгу на язык предков. Он уверен, читатели найдутся, ведь сегодняшние девчонки и мальчишки теперь изучают родной язык в школе.

Оформил книгу «Месяц Орла наступил» художник Иван Павлович Росугбу, он живет и работает в Булаве. Национальный орнамент и наскальные изображения животных, иллюстрирующие текст, — украшают и дополняют издание.

ИЗДАНИЯ ХАБАРОВСКОГО КРАЕВОГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ФОНДА КУЛЬТУРЫ

ЗА РАССТАВАНЬЕМ БУДЕТ ВСТРЕЧА

Шестакова Ю.А. Встречи и расставания. Хабаровск. Хабаровский краевой благотворительный общественный фонд культуры. 2003

Книга дальневосточной писательницы Юлии Шестаковой «Встречи и расставания» выпущена в рамках программы «Память». Неоценимую помощь в осуществлении этого проекта оказал Михаил Задорнов, с семьей которого Юлию Алексеевну связывала многолетняя дружба.

Юлия Шестакова не дождалась выхода в свет своей последней книги, она вышла спустя год после смерти писательницы. Но готовя ее к печати, Шестакова понимала, что книга будет последней, поэтому хотела под одной обложкой собрать все самое важное и лучшее из написанного.

В сборник вошли как ранние рассказы и новеллы Юлии Шестаковой, так и те, что были написаны незадолго до ее кончины: дневниковые записи и фрагменты из неоконченной повести о детстве «Черная береза». Предваряет сборник анкета, в которой писательница отвечает на традиционные вопросы о том, где училась, какие впечатления оставили след в жизни и творчестве, и т.д. В этом необычном предисловии словно звучит голос самой Юлии Алексеевны, ее задушевные, мягкие интонации. Однако, читая эти строчки, понимаешь, что вместе с ней ушел в прошлое культурный пласт целого поколения, связанного с развитием литературы на Дальнем Востоке. Герои книг Юлии Шестаковой — охотники, геологи, сталевары, рыбаки, все те, кого принято называть простыми людьми. Но встреча с каждым из них была для Шестаковой открытием целого мира. Рассказы об этих встречах, о «людях-звездах», словно отблеск лесного костра, наполняют теплом страницы повестей и рассказов.

Сборник «Встречи и расставания» уникален и тем, что снабжен удивительными фотографиями из личного архива. Часть этих фотографий, на которых фотохудожник запечатлел один день Юлии Шестаковой, проведенный в осеннем лесу, прокомментирована ею самой. В этих простых строчках личность известной писательницы становится близкой и понятной сегодняшним читателям, для которых встреча через расстояние времени — еще впереди.

СЛОВО ОТЗОВЕТСЯ

Магистрова Л. Перед лицом Твоим. Хабаровск. Краевой благотворительный общественный фонд культуры. Хабаровск. 2002

Как следует из предисловия к книге хабаровского поэта Лады Магистровой, сборник ее стихотворений и поэм «Перед лицом Твоим» вышел после многолетнего непечатания, немоты, невозможности автора «выразить невыразимое... Все, что было когда-то напечатано, растаяло — как не было... Невостребованная жизнь. Невостребованные стихи».

Может быть, из горечи этих слов родилось желание представить на суд и милость читателей все, что было написано, выстрадано, накоплено за время молчания — стихи из разных лет и зим, лирические, озорные, исповедальные, пафосные, те, что принято называть женской лирикой. Иногда один и тот же мотив повторяется в нескольких стихотворениях как неотвязный рефрен, и ты понимаешь, что стихи Лады Магистровой как вехи на срезе одной женской судьбы, в чем-то типичной, в чем-то исключительной.

Готовя сборник к печати, Лада Магистрова знала, что больна, что, возможно, не доведется ей увидеть книгу своих стихов. И стоя перед Его лицом, как перед последним порогом, она всю боль и «невостребованность» изливала в строки, обретая голос не просто женщины, но поэта:

Босой душой — по звездному лучу,
По синеве и тишине целебной
Почти несуществующей,
но сущей —
Внутри — в доверчивой
и сокровенной сути —
К порогу дома,
что придуман мной в бездомье,
Лечу...

Рожденное из страданий и тьмы Слово, как признается Магистрова, для нее начало всех начал. Оно окрыляет и бьет наотмашь, вселяет надежду, врачует, учит, ищет выхода в поэзии, которая и последнее «прости» миру и людям, сопровожающим поэта на жизненном пути, и озарение, и добровольный тяжкий крест.

Поэзия Магистровой проста и непритязательна. Вытесненная на задворки жизни, попираемая со всех сторон трескучими словами, кричащими из под глянцевых обложек, она тем не менее упрямо бредет по бездорожью — бесполезная и необходимая, как воздух, вода, свет:

Бог ведает, что ей в дороге видится,
Где легкие следы ее легли?
Насмешница, плачея, ясновидица —
И падчерица вечная Земли.

И все-таки поэзия жива, и поэт, уходя за черту жизни, остается. И есть надежда, что слова, зароненные в чью-то душу, со временем дадут всходы и превратятся в прекрасное дерево любви и надежды:

Все ясней прозреваю
таинственный родственный знак
В судьбах ближних и дальних.
И в этом — надежды основа.
Нету большего счастья,
когда в незнакомых глазах
Отзовется доверьем
твое нелукавое слово.

Подготовила Светлана Фурсова